МНИМАЯ ПОЭЗИЯ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПАРОДИИ XVIII и XIX вв.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Ю. ТЫНЯНОВА

«ACADEMIA»
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1931

ACADEMIA

Рисунок обложки и супер-обложки
худ. Н. Э. Радлова.

Ленинградский Областлит № 60773
Тираж 4070—14 /2 л. Зак. № 2038
Государственная типография
им. Евг. Соколовой,
Ленинград, пр. Кр.
Командиров, 29

ПРЕДИСЛОВИЕ

Важность пародии в литературе, в частности в поэзии, вряд ли может быть отрицаема. Пародия — лучший пример произведения направленного и влиятельного. Направленность эта может быть разного характера. Она может быть направленностью на стиль, произведение, жанр, автора; она может быть направленностью *против*.

Направленность первого типа характеризует учебную функцию пародии. Например, таковы пародии Некрасова. Начав с метода подражания (первый сборник стихов), он проходит школу поэтической пародии. Таким образом он уясняет себе поэтические методы других поэтов.

Пародия может быть направлена на отдельные стороны стиля, на отдельные особенности, и вместе с тем, так как нет нейтральных качеств в литературном произведении как системе, это стилистическое пародирование легко переходит в пародию целого и часто является ею. Так же близки обе функции пародии. Если между средствами пародии и элементами пародируемого существует связь по противоположности, — перед нами направленность *против*. При этом пародия вскрывает самые основы поэтической речи, она обращает поэтическое речеведение в речевое поведение поэта; подчеркивая его позицию, обращает ее в позу.

Здесь — эволюционная роль пародии. Она может обнажить стареющую или социально неценную направленность того или иного жанра, стиля, поэта. Пародия

обычно пользуется как материалом для снижения речью и темами бытового характера. Так незаметно пародия переходит в сатиру или памфлет.

Не следует думать, что пародия — жанр исключительно комический. Именно пародия крупнейших русских пародистов, Н. Полевого и И. Панаева, относится к разряду некомических. Одна пародия Полевого (на Дельвига) была одновременно перепечатана в альманахе как серьезная «Песня»; сам Панаев указывает, что одна из его пародий была положена на музыку и распевалась как романс.

Дело в том, что нет непреходящих качественных категорий в поэзии.

Самая виртуозность стиха может быть в известные эпохи ненужной или реакционной. (Ср., например, пародии К. Павловой и К. Аксакова, направленные против этой виртуозности.)

То же и с «гладкостью» стиха. Она в период, скажем, Карамзина, является прогрессивным фактором, в 30-е годы пародируется Полевым, пародический сборник которого носит эпиграф:

Они, как пол лощеный, гладки,
На мысли не споткнешься в них.

Пародированию подвергается и эклектизм, в некоторые периоды литературной эволюции — явление реакционное. Таковы пародии Вельтмана на эклектиков 30-х гг., воскрешающие державинский стиль и комбинирующие державинские строки.

Само собою, пародии, направленные против виртуозности, должны и сами быть виртуозны; против гладкости — и сами должны быть гладки; и, наконец, в эклектических пародиях мы встретим высококачественные стихи Державина.

Эти явления, — с одной стороны, близость пародии к подражанию (о чем имеются любопытнейшие сообра-

жения критика и теоретика 20-х гг. О. Сомова), с другой, частичная формальная близость пародии и пародируемого, при функциональной их разнице и даже противоположности функций, — должны быть особо приняты во внимание.

Громадное значение «Писем темных людей» было именно в том, что они сначала обманули тех, на которых были направлены, и только под конец выяснилась их пародийная направленность. Таким образом, наибольшая сила пародии — в наибольшей формальной близости и одновременно — в функциональной противоположности с пародируемым.

Это и послужило причиной того, что сборник назван «Мнимая поэзия». Название это заимствовано из одного старинного сборника, где так назван отдел апофегм, стихотворных сентенций, изъятых из известных произведений. По всей вероятности здесь имелась в виду несхожесть этих цитаций с целым, их обманчивость.

Циклизация пародий вызывает к жизни пародическое лицо, пародическую личность. Вершина этого явления — Козьма Прутков. Здесь совершилось превращение пародического псевдонима в лицо. Зачатки явления пародической личности видим в таких явлениях, как граф Хвостов, князь Шаликов. Хвостов создал особую систему пародического языка (превыспреннего) и под конец был более литературным героем, нежели живым лицом. То же случилось и с Шаликовым.

Влиятельность пародии сказывается на примере Третьяковского, имя которого стало стержнем для ходячих, «фольклорных», шуточных стихов, которые до сих пор многими принимаются за принадлежащие Третьяковскому вещи и несут в данном случае функцию пародии. Можно сказать, что в «читательском», вернее, «литературном» сознании (трудно говорить теперь о читателе Третьяковского) подлинный или когда-либо существовавший Третьяковский совершенно подменен хо-

дячими пародиями. Причина такой бытовой влиятельности пародии: пародия является осмыслением какой-либо поэтической или литературной системы, не только изменением ее значения, но и освоением (обычно освоением одних элементов за счет других), и в этом отношении представляет собою столь же читательское, сколь и писательское явление. Пример такой читательской элементарной пародии: чтение стихов с подменою интонаций, интонационная пародия. Сюда же — чтение стихотворений снизу вверх, чтение стихов с заданным рефреном и т. д.

С другой стороны, пародия может и не быть направлена ни на какое произведение, может и не быть направлена *против*. Пародия может применяться как средство, как форма. Такова ее служебная функция в политической, общественной и литературной сатире. Пародия не имеет здесь пародийной функции, функцию ее можно назвать пародической. Пародия служит здесь средством легчайшего введения злободневного материала в литературу и предоставляет в распоряжение фельетониста выверенный сюжетный костяк и стилистическую точку отправления, трамплин. В этом отношении к пародическим формам близок в фельетоне по функции обычай фельетонистов отправляться от какой-либо цитаты.

Само собою, явления *пародичности* и *пародийности* не всегда даны в чистом и обособленном виде. Оба явления близки между собою и обычно сосуществуют.

* * *

Сбор пародийного материала произведен для настоящей книги на материале лирической поэзии XVIII—XIX вв. В приложении представлены некоторые примеры пародического использования формы в жанрах литературной и общественной сатиры. Выбор материала ни в какой мере не претендует на полноту и в указанных хро-

нологических пределах. Взято наиболее типическое за исключением широко распространенного. (Так, мало использован первостепенный материал Козьмы Пруткова.)

Для настоящего издания обследованы журналы и альманахи XVIII и XIX вв., рукописные материалы из собраний Пушкинского Дома, Государственной Публичной Библиотеки и пр.

Из иллюстраций по материалам Пушкинского Дома впервые воспроизведены: карикатура гр. Фредро на Тютчева, карикатурный автопортрет Н. Степанова, в полном виде карикатура Степанова на Кукольника (была опубликована в «Невском Альманахе» 1917 г. в неполном виде) и др. Лубочная картинка «Стихотворец и чорт», направленная против Д. И. Хвостова, воспроизводится по экземпляру Московского Исторического Музея.

Непосредственное участие в составлении книги принимал С. А. Рейсер; им же составлены комментарии. Первая глава (фольклор) и примечания к ней составлены В. П. Адриановой-Перетц. Указаниями, советами или помощью были полезны: О. П. Блех, П. Н. Берков, Б. В. Казанский, Е. Н. Калайдович (†), Е. Н. Купреянова, М. М. Левшин, И. Ф. Масанов, Ю. Г. Оксман, К. И. Чуковский, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум. Был принят во внимание библиографический указатель Б. Бегака, Н. Кравцова и А. Морозова.

Ю. Тынянов.

Ленинград.
Январь 1930.

ФОЛЬКЛОР

БЫЛИНЫ

АГАФОНУШКА

Аи на Дону, Дону вызбе на дому,
На крутых берегах, на печи на дровах,
Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подполная,
А и широко раздолье перед печью шесток,
Чистое поле по полълавечью,
Аи синее море в лохани вода,
А у белова города у жорнова,
А была стрелба веретенная,
Аи пушки мушкеты горшечныя,
Знамена поставлены помелныя,
Востры сабли кокошники,
Аи тяшкия палицы шемшуры,
Аи те шемшуры были тюменских баб,
Аи билася, дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жорному,
О том пироге о яшном мушнике,
Аи билися, дралися день до вечера,
Убили оне курицу пропашшую,
Аи на ту та на драку великой бой
Выбежал сильной могучь богатырь молодой,
Агафонушка, Никитин сын,
Аи шуба та на нем была свиных хвостов,
Болестью опушена, комухой подложена,
Чирьи да вереды то пуговки сливныя,
Коросты-то петелки.

На ту же на драку великий бой
Выбегали тут три могучие богатыри,
А у пе́рвова могучева богатыря
Блинами голова испроломана,
А другова могучева богатыря
Соломой ноги изломаны,
У третьева могучева богатыря
Кишкою брюхо пропороно.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит с репою со печенкою,
Аи среди синя моря Хвалынскова
Выростал ли тут крековист дуб,
А на том на сыром дубу крековостом
Аи сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила, и детей она свела,
Свинких поросяточок, поросяточок, полосатинких,
По дубу оне все разбегалися,
А в воду оне гледят, притонути хотят,
В поле гледят, убежати хотят.
Аи по чистому полю карабли бегут,
Аи серой волк на корме стоит,
А красна лисица потакивает,
Хоть вправо держи, хоть влево,
Затем куда хош.
Оне на небо гледят, улетети хотят,
Высоко ли там кобыла в шебуре летит.
Аи чорт ли видал, что медведь летал,
Бурою корову в кохтях носил.
В ступе де курица объегнилася,
Под шестком та карова еицо снесла,
В осеку овца отелилася.
А и то старина, то и деянье.

(1)

Скоморох.

Новгородская рукопись XIV в.

* * *

Не спеть ли вам, братцы, про старинушку.
Про старинушку стародавнюю,
Небывалую, неслыхалую.
Я спою про нее по-старинному:
На старинный лад, на давнишний склад,
Как певал удалец — вор Алешенька,
В стольном городе во Киеве,
За столом сидючи у Владимира,
У того ли у Красного Солнышка.
А вы слушайте — поучайтеся,
Поучайте тому и своих детушек,
Детей глупых, неразумныих...
Как в старинушку стародавнюю
По синю морю пашню пахали,
Как в старинушку стародавнюю
По чисту полю лодки плавали,
Как в старинушку стародавнюю
На дубу свинья свила гнездышко,
Свинья вывела пару птенчиков,
Пару сивеньких, вострорыленьких,
Пару глупеньких, неразумненьких,
Они вверх глядят, улететь хотят,
А как вниз глядят, упасть хотят...

(2)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

* * *

Как у нас в прошлом году,
При царю Иван Васильевичу,
Как выскочил Донской казачек,
Вон изволил себе свататься,
Вон и высватал себе червоницу,
Молодую полковницу.
Понемножко приданного берет,
Семсот Донских казаков,
А три тысячи завдалых молодцов.
«Ах, брат ты мой, братец мой.
Не по моему ты боресься,
Не по моему хвастаесься,
А дай ка ся я возьмусь,
А дай ка ся я поборюсь».
Вон хватил поперег живота,
Вон ударил бы мать землю,
Сыре землюшка воздохнулася,
На нем шкурочка разлопнулася.

(3)

* * *

Что во марте было месяце, во восьмой было тысяче —
Горе горькая кукушица бьет челом сизым орлам
На богатую породу, на Карпову дочь ворону:
Будто богатая порода, Карпова дочь ворона
Гнездо разорила, детей прибила,

Ноги связала, под гнездо сметала,
Пять рублей денег украла.
По полям летает, суслоны обивает, крестьян зорит.
Крестьяне разорились,
По чужой стороне набродились,
Милостыни напросились.
Сыч прилетав, сын подъячий:
«Ступайте, отыщите ворону».
Летали, летали, нашли ее в поле на огороде:
«Ворона, тебя требует белая куропать».
Ворона прилетает близко, кланяется низко,
Говорит умильно:
«Ваше благородье, Филиповье отродье.
Верхний и нижний суд, белая куропать,
На что меня требуете?»
«Ты, говорят, по полям летаешь,
Суслоны обиваешь, крестьян зоришь.
Крестьяне разорились,
По чужим сторонам набродились,
Милостыни напросились».
«Я этому делу не виновата,
Сыч пристав, сын подъячий.
Ищите воронье жилище».
Летали, летали, нашли в поле на єле,
Тут и дом ее в спальной горнице,
Кровать тесовая, перина пуховая.
В ногах три дятлины головы,
В головах пять рублей денег,
И два амбара хлеба.
«Ворона, где ты эстолько денег накопила?»
«Денежка по денежке копила да накопила».
«Где ты, ворона, эстолько хлеба взяла?»
«Зернышко по зернышку сбирала да и насбирала».
Взяли вороне ноздри вырвали,
Кнутами наказали, и во ссылку послали.

(4)

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

* * *

Твой жених не хорош, не пригож —
На горбу то роща выросла
В этой то во рощице грибы растут:
Грибы растут березовые;
В голове то мышь гнездо свила,
В бороде то детей вывела;
А на лбу то хоть лапшу сучи,
На бровях то журавли клюют.
А у глаз то хоть спички сирь;
В носу то хоть кисель твори,
А сквозь зубов то хоть кисель цици,
На брилах то хоть блины пеки.

(5)

* * *

По улице, улице
Едет сват на курице.
Как у свата на плеши
Разыгрались белы вши;
Кая скачет, кая пляшит,
Кая песенки поет.
На полати сват взглянул, —
Шаль хорошу стянул,
А на полку сват взглянул, —
Часть говядины стянул,

А на печь сват взглянул, —
Рукавички стянул.
Как на сватушке шапенька
После дедушки чертенка,
Как на сватуше кафтан —
Шут по месяцам таскал,
Как на сватуше штаны —
После деда сатаны.

(6)

* * *

Мы не хаем тебя, величаем,
По имени называем,
По отечеству величаем.
Вот поехал Григорий воевати
По чисту полю, по подполию,
Разбил горшки, да корчаги,
Иступил он булатный меч,
Булатный меч о черепья,
Натянул он кривой лук,
Пустил калену стрелу,
Калену стрелу в кучку назьму.

(7)

* * *

Ой, ты друженька —
Роша пряшицею.
Ой, ты друженька —
Зенка скляницею.
Ой, у друженьки —
Нос то крючком.
Ой, у друженьки —
Голова пестом .. и т д.

(8)

* * *

У нашего дружки
Чирий на макушке.
Друженька мой,
Хорошенький мой.
Как на дружке чепан
Чорт по месяцу таскал.
Друженька мой и т. д.
Как на дружке сапоги —
Они с выскорками.
Друженька мой и т. д
Они с выскорками,
Ноги выскакали.
Друженька мой,
Хорошенький мой.
(9)

* * *

Сваха неряха, немытая рубаха,
Не колоченая, не молоченая,
Свахоньку надо выколотить,
Свахоньку надо вымолотить.
Надо рощи нарастить,
Надо пива наварить,
Надо сваху напоить.
Выпустим кота из за задняго хлева,
Обдерет он тебя, ровно сковороду.
(10)

* * *

Околеть тебе, свашеньке,
Под углом, под банею,

Без свечей, без ладана (два раза),
Без попа, без дьякона,
Поминать тебя, свашенька,
Молодой кобылятинкой.

(11)

* * *

(Подружки, обращаясь к свату, поют:)

Уж тому ли свату-сводинку
На печи бы заблудитися,
Сквозь напыльник провалитися.
Киселем бы подавитися,
Под шесток бы закатитися.
Чтоб клюкой грести, не выгрести,
Помелом мести, не вымести.
А еще бы свату-сводинку
Три бы чирья ему в бороду,
А четвертый то под горлышко,
Вместо красного солнышка.
Уж ему ли свату-сводинку
Мы дадим же провожатого —
Таракана то рогатого,
Еще мышь полосатую.

(12)

* * *

(Каждый стих повторяется)

Да тебе, свату большому,
Да изменщику девочьему,
Да Акиму Степановичу,
На ступень ступить — ногу сломить,
На другой ступить — друга сломить,
На третий — голова свернуть
Того мало свату большому

Да изменщику девочьему.
На печи спать под шубою,
Под тремя полушубками,
Под четырьмя тулупами,
Да трясло бы тя повытрясло,
Да сквозь печь провалитися,
Во мясных щах обваритися.
Того мало свату большому,
Да изменщику девочьему, —
С хором бы тя о борону,
Да с горы бы тя о каменье,
Без попа, без покаянья,
Без духовнаго батюшка.
Не ходил бы, не сватался,
Стариков не обманывал,
Да старух не подговаривал,
Не хвалил, не нахваливал
Чужи дальния стороны,
Да Подгорския слободы.
Она горем насеяна,
Да слезами наполивана.

(13)

ЖАНР И СТИЛЬ

ОДА

ГИМН ВОСТОРГУ

Восторг, восторг души поэта,
Ты мчишь на дерзостных крылах
По всем его пределам света!
Тобой теперь он на валах
И воздувает пенны горы;
Тобою вмиг в чертог Авроры,
Как быстра мошка возвился,
И вмиг стремглав падет в долину,
Где нет цветов, окроме крину,
В которой Ганг с Невой слился...
И в тот же миг... дрожу и млею!
Между эфиром и землею
С хребтов Кавказских, льдяных гор,
Куда не досягает взор,
Сквозь мерзлы облака вещает,
Как чрево Этны, ржет, рычает!
Уже не смертного то глас,
Големо каждое тут слово,
Непостижимо, громко, ново,
Соплещет сам ему Пегас;
Уже не слышны лирны струны,
Но токмо яркие перуны,
Вихрь, шум, рев, свист, блеск, треск, гром, звон..
И всех крылами кроет сон!

И. И. Дмитриев. (14)

ОДА

Хочу к бессмертью приютиться,
Нанять у славы уголок;
Сквозь кучу рифмачей пробиться,
Связать из мыслей узелок;
Хочу сварганить кой-как оду,
И выкинуть такую моду,
Чтоб был ненадобен Пегаз,
Ни Аполлон, детина строгой;
Хочу проселошной дорогой
На долгих ехать на Парнас.

Горшки не боги ж обжигают;
А мне кто не велел строчить,
Ну! право нас не лутче знают,
Как строку рифмой завострить.
Мы также в людях здесь живали
И всяких молодцов видали;
Видали оды на заказ,
На взгляд: так разные в них штуки,
Ан разбери-ка, взявши в руки,
То в ряд поставят чаще нас.

Ну, что ж? за чем же дело стало!
На приклад кинемся к богам,
Веть в Пантеоне их немало:
Притараканим-ка их к нам.
Пускай Полимния и Клио
С Евтерпой кропают нам трио;
Клотона, Сахеза дует:
Пусть Вакх царапнет до обеда;
Венера, Марс, Юпитер, Леда,
En quatre пусть дернут минует.

Велим, поворотя оглобли,
Реке Алфею течь назад;
А чтоб Еака сбросить с кровли,
Велим Ираклу ехать в ад.
Пусть Мом слов острых пять-шесть скажет.
От ветров станет пыль столбом,
Бореи, Аквилоны, Ноды,
Все эти Дутики уроды,
Пускай верх опрокинут дном.

С богами как не будет мочи,
С Олимпа лыжи навострю;
И, вылупя ясные очи,
В Историю я посмотрю.
Прильнув на час к Семирамиде,
В Египте окунясь в Мериде,
Скажу, что ест у Крымцев хан:
Сочту подушны в Риме зборы,
Потом замечу, как Ефоры
Тузили, гладили Спартан.

Двойные заплатя прогоны,
Наймем копейных на часок:
И, новые вздумав забобоны,
Героев примем за висок.
Сберем их целою толпою,
Чтоб Сцепион, явяся к бою,
На Анибала наплевал,
Помпея Цесарь в ухо хлопнул,
От Александра Дарий лопнул,
Ахилл туза Гектору дал.

Взяв в руки посох и свирелку,
А за пояс заткнув дуду,
Читателя уж на отделку
В Аркадию я поведу,

В луга и средь зимы не снежны,
Где все сердца, как мякиш нежный,
Узетят сельска простячка,
Как он из Леты тянет крушкой,
И пляшет горлинка с пастушкой,
Иль голубца, или бычка.

Там пусть читатель мой заметит,
Пускай зарубит на носок,
Что солнышко там ясно светит
И утекает за лесок.
На пастухов смотря, Аврора,
Как сурок, рдеется с задора
На дюжий молодецкий жар,
По пальцам сласти их считает,
Денночки прежни вспоминает
И тужит, что Титан уж стар.

Быть может, не всему я миру,
Набрякав оду, угодил:
Да нада ведать, что вить лиру
Я у носящева купил.
Иной на рынке лир не купит,
А так же таки оды лупит;
А так же наш брат грамотей,
Пожалуй, не судите строго:
Веть Ломоносовых немного;
Другие ходят все с жлудей.

(15)

ОДА НА МИР ЕВРОПЫ, ПРЕВРАЩЕННАЯ В БАСНЮ

Тут поздно бедный волк приметил,
Что через чур перемудрил.

М. В. Ломоносов.

Оставим, Муза, басни, сказки,
Отложим дудку и гудок;
Попросим-ка у Феба ласки
И купим лиру на часок,
Кленовую, не дорогую:
Где денег взять на золотую?
Нет, золотая не по нас;
Она громка, с ней бед настроишь,
Кого-нибудь обеспокоишь,
Тогда толчка нам даст Парнас.

Притом же, ежели случится
И худо на простой сыграть,
Никто со мной не побранится,
Все скажут: «он невиноват:
Не можно ждать приятней тона
От лиры, сделанной из клена».
А ежели ж удасться нам
Сыграть хотя немножко плавно,
Все скажут: славно, славно, славно;
Тогда честь нашим головам.

Итак, ты, Муза, потрудися,
Воды Кастальской принеси, —
Пред Фебово лице явися,
Благословенья попроси.
А я пойду за лирой в лавку,
Двух мальчиков, Филипку, Савку,

Стремглав я к Рифмину пошлю,
Быть может рифм словарь исправной
Уже окончил Рифмин славной;
Так я себе его куплю.

Я здесь всем нужным запасуся,
Достану перьев и чернил,
В свой темный погреб опущуся
И принесу вина бутыль.
Чтоб вкус кастальский пременился,
В напиток резвый превратился,
И, выпив все, уж то-то Оду
Смешаю воду я с вином,
В честь брякну Русскому народу:
Ей! не ударю в грязь лицом, —
. . . .

Мслвчь (16)

ОДА В ГРОМКО-НЕЖНО-НЕЛЕПО-НОВОМ ВКУСЕ [1]

Сафиро-храбро-мудро-ногий,
Лазурно-бурный конь, Пегас!
С Парнасской свороти дороги
И прискачи ко мне на час.
Иль, дав в Кавказ толчок ногами,
И вихро-бурными крылами
Рассекши воздух, прилети.
Хвостом сребро-злато-махровым,

[1] К сочинению сего вздора подали мне мысль некоторые из новых наших стиходеев, из коих одни желают подражать Горацию нашему Г. Д[ержави]ну, а другие К[арамзи]ну и Д[митрие]ву; но как, вместо вкуса и таланта, имеют они только непреодолимую охоту марать бумагу, то и пишут вечно такую чепуху, какую читатель найдет в сей оде, естьли будет иметь терпение ее прочитать.

[Примечание П. П. Сумарокова.]

СОБРАНІЕ
НѢКОТОРЫХЪ
СОЧИНЕНІЙ,
ПОДРАЖАНІЙ
и ПЕРЕВОДОВЪ

Пан. Сум . . . . . . а.

ЧАСТЬ I,

Содержащая въ себѣ разныя Стихотворенія.

Vas ſubir du Public les jugements fantasques,
. . . .
Chercher en vain quelqu'un d'humeur à l'admirer,
Et trouver tout le monde actif à cenſurer!
Vas des auteurs ſans nom, groſſir la foule obſcure,
Egayer la Satire. . . . .

La métromanie, *acte III.*

МОСКВА, 1799.
ВЪ Университетской Типографіи,
у *Ридигера и Клаудія.*

Иль радужно-гнедо-багровым,
Следы пурпурны замети.

Жемчужно-клюковно-пожарна
Выходит из-за гор заря;
Из кубка пламенно-янтарна
Брусничный морс льет на моря.
Смарагдо-бисерно светило,
Подъяв огнем дышаще рыло,
Из сольно-горко-синих вод,
Усо-подобными лучами
Златит, как будто бы руками
На полимент небесный свод.

Сквозь бело-черно-пестро-красных
Буланю-мрачных облаков,
Луна, стыдясь гостей толь ясных,
Не кажет им своих рогов;
И мертво-бело-снежным цветом
Покрывшись перед солнца светом,
На небе места не найдет.
Ветр Юго-Западно-Восточный
Иль Северо-студено-мочный,
Ерошит гладкий вод хребет.

Октябро-непогодно-бурна,
Дико-густейша темнота,
Сурово-приторно сумбурна,
Збродо-порывна глухота
Мерцает в скорбню-желтом слухе,
Рисует в томно-алом духе
Туманно-светлый небосклон.
В уныло-мутно-кротки воды
Глядятся черны хороводы
Пунцово-розовых ворон.

Но вдруг картина пременилась;
Услышал стон я голубка,
У Клары слезка покатилась
Из левого ее глазка;
Катилась по лицу, катилась,
На щечке в ямке поселилась,
Как будто в лужице вода.
Не так-то были прежни веки;
На слезы скупы человеки;
Но люди были ли тогда?

Коль девушке тогда случалось
В разлуке с милым другом быть,
То должно, дуре ей казалось,
О том реками слезы лить.
Но в наши веки просвещенны
Как могут люди огорченны
Так слезы проливать рекой?
Ведь ныне слезы дорогие,
Сравнятся ль древние простые
С алмазной нынешней слезой?

Теперь посмотрим мы, как вьется
Голубушка над голубком;
А сердце бьется, жмется, рвется
И в грудь стучит, как молотком.
Голубчик выпустил, знать, душку,
Нет жизни в нем ни на полушку,
Уж носик съежился его.
Овсянки, ласточки, синички,
Варакушки и прочи птички
Роняют слезки на него.

От этой жалостной картины,
Читатель, естьли ты не взвыл,
А от начальной пиндарщины

В восторг когда не приходил,
Го сердце твоего тон низок,
Умом ты к готтентотам близок
И так, как лютый тигр, жесток.
Ты б должен на стену бросаться
Или в лоскутья истерзаться
От сих громко-прискорбных строк.

П. П. Сумароков. (17)

ОДА ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ

(С примечаниями автора.)

Султан ярится.[1] Кровь Эллады
И резвоскачет,[2] и кипит
Открылись Греками древни клады[3]
Трепещет в Стиксе лютый Пит[4]
И се — летит продерзко судно
И мещет громы обоюдно:
Се Бейрон, Феба образец,
Притек — но недуг быстропарный,[5]
Строптивый и неблагодарный.
Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый,
Тебя Эллада днесь зовет

[1] Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

[2] Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову.

[3] Под словом клады должно разуметь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.

[4] Г. Пит — знаменитый английский министр и известный противник свободы.

[5] Горячка.

На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет!
Как *здесь*, ты будешь *там* сенатор,
Как *здесь* — почтенный литератор;
Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла!
Лети туда, Хвостов наш! Сам.

Вам с Бейроном шипела злоба.
Гремела и правдива лесть.
Он — лорд, граф — ты! поэты оба.
Се, мнится, явно сходство есть —
Никак! Ты с верною супругой [6]
Под бременем Судьбы упругой
Живешь в любви — и, наконец,
Глубок он, — но единобразен;
А ты глубок, игрив и разен —
И в шалостях ты — впрямь певец.

А я — неведомый Пиита —
В восторге новом воспою
Вослед Пиита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бегущу,
Да Бейрона он узрит кущу. [7]
К тебе я руки простирал,

[6] Графиня... Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего певца. В многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою. (См. последнее замечание к оде: Заздравный кубок.)

[7] Подражание его высокопревосходительству действительному тайному советнику Ивану Ивановичу Дмитриеву, знаменитому другу графа Хвостова.

Уж из отеческия кущи
Взирая на суда бегущи.

И да блюдут твой мирный сон [8]
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

А. С. Пушкин (18)

ОДА НА НОВЫЙ 1831 ГОД

Со скрыпом, вечности заклепы
Отверзлись времени рукой
И в недоведомы вертепы
Ступил прошедший год стопой,
Ступил — заклепы затворились,
Его приходу изумились
Столетья многих, прежних лет,
Гласят: «Сын вечности крылатый!
И ты, событьями богатый,
И ты протек, исчез твой след?»

[8] Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже великого лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун усмиряет перед ним продерзкие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспошлет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников (Магомета) лже-пророка. Зевс улыбается ему с небес; Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подъемлет кубок за здравие его; Псиша, во образе Ипполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вакх и Харон веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного Пииты.

[Примечания А. С. Пушкина.]

И се! По высоте эфирной
Течет на землю Новый год;
Мольба народа, голос лирный
Его приветствуют приход:
На быстропарной колеснице,
Держа в таинственной деснице
Судьбы народов и царей,
Он нас улыбкою встречает:
«Отрите слезы», восклицает,
«В надежде лучших, тихих дней!

«Возвеселитесь: торжествами
Украшу доблесть, правоту;
С лазурно-светлыми цветами
Пред добродетелью пойду;
Украшу лаврами достойных,
И от страстей вас беспокойных,
И от пороков сохраню;
В судах пребудет суд правдивый,
Постигнет злобу гнев строптивый,
Несчастье люто я казню!»

Гряди ж, с надеждами на благо,
На землю нашу Новый год,
Храни от всяка духа злаго,
Пролей источники щедрот!
Тебе алтарь в сердцах поставят,
Твое пришествие прославят
На лирах выспренни певцы,
И слух о счастье обещанном,
В твоем пришествии желанном,
Да пролетит во все концы!

Я. Старовиршин. (19)

ОДА

В полунощь нощи мрак восстал,
Вихрь в твердь до́хнул —
И твердь тряхнулась,
Марс бодр вмиг одр свой оставлял,
Угроба гневом в нем раздулась...

И. А. Крылов. (20)

ЭЛЕГИЯ

ЕЛЕГИЯ

Когда не тронул я, терзаясь...
Ожесточенну грудь твою,
Послушай ты, не улыбаясь,
Плачевну жалобу мою.
Увидишь, сколько я страдаю
С тех пор, как нет тебя со мной,
Все дни я слезы проливаю
О тех, что проводил с тобой.
Сады пустыню мне являют,
Не зрю в беседах никово;
Но город летом оставляют
Все жители и без тово.
Мне кажется, не восклицает
Приятных песен соловей;
Но все он песни покидает,
Лишась весны, приятных дней.
В тот час, как я тебя лишился,
Наполнен злою грустью сей,
К реке без страха я стремился,
Но только лишь купался в ней.
Оплакивая время строго,
В болезнь жестокую пришел,
Но лекарь мне сказал, что много
За ужином я фруктов ел.
Я ночь покою жду напрасно,
Мне сон не может глаз сомкнуть.

Но правда, что клопы всечасно
И блохи не дают уснуть.
Ты зришь, как я тобой пленился,
И сколько муки я терплю;
Хотя своей любви лишился,
Всегда равно тебя люблю.

М. П[*ермский*] (21)

ЭЛЕГИЯ

Увы! тоскую я, увы! тоскую ныне,
Увы! жестокой я подвержен стал судьбине,
Увы! но что еще в напасти говорить?
Увы! судьба меня стремится уморить.
Прекрасныя, увы! колико вы мне милы,
Когда последней я, увы! лишаюсь силы.
Но, ах! не можно мне дыханья испустить,
Доколе буду, ах! прекрасно, ах! любить,
И, ах! как весть сию она внимать, ах! станет,
Ах! с грусти, ах! она, как роза, ах! увянет.
Томлюся я теперь, томлюся и стеню,
Томлюся — говорю; и сам себе маню,
Надеждою еще обманчивой ласкаюсь
И сладким ядом я еще еще питаюсь.

Еще я думаю, еще приятной час,
Еще соединит, еще стократно нас;
Но нет уже, как зрю, надежды уж нимало,
И все уже от нас веселье уж пропало.
Что ж делать мне теперь, терзаться и стенать,
Грустить, печалиться и млеть и тлеть, вздыхать,
Леденеть, каменеть, скорбеть и унывать,
И рваться, мучиться, жалеть и тосковать,
Рыдать и слезы лить, плачевный глас пускать
И воздух жалостью моею наполнять.

Дремучие леса, кустарники и рощи,
Светящую луну во время темной нощи,
А солнце красное, сияющее в день,
Чтобы хранили все возлюбленную тень.

Земля, питай ее ты лучшими плодами,
Ты жажду утоляй ты чистыми струями
Зефиры, вы, узрев любезной вы власы.
Тихонько дуйте вы, в прелестны вы власы.
Когда потребно, вы, вы члены холодите,
Но буйностью вот вы кудрей вы не вредите,
Прости прекрасная, живи ты в той стране,
Ты часто воздыхай о плачущем о мне,
Жалей меня, жалей, жалей, как я жалею,
Я в сердце, я тебя одну, я свет имею.
Прости, прости, еще скажу прости.
Ты вместе ты ко мне с любовью ты расти.

[*М. Попов*] (22)

ЭЛЕГИЯ НА ПОТЕРЮ РОЖКА

Плачь, плачь, мой бедный нос! и токи лей на землю,
Тебе элегию писать я предприемлю:
Жестокая судьба! немилосердный рок!
Почто ты у меня похитил мой рожок?
Для рока красть рожки и срамно и постыдно,
Знать, щастие мое всегда тебе завидно;
Ты ввечеру на мне свечою сжешь колпак,
А ныне нюхаешь ты из рожка табак,
Хотя мне сей рожок принадлежал по праву,
Он составлял мою утеху и забаву,
Он здравие хранил всегда в моих ноздрях;
Ах! никогда оне с ним не были в прыщах.
Увы! я без него стал сущий сирота,
И носа моего увянет красота!

О, люто о рожке моем воспоминанье!
Я в сердце чувствую несносное страданье!
Приятели мои! пролейте слезный ток,
Бывало, я и вам трясу на соколок,
И вы рожком моим блестящим любовались,
А ныне с ним и вы навеки уж расстались.
Рыдай и ты, рыдай, пузырь мой с табаком!
Ах! не увидишься ты более с рожком,
Ты друга потерял в сем Русском человеке,
Такого не найдешь ты друга в нашем веке,
В котором любят все не нас, а кошелек;
Старинных нравов был покойный мой рожок!
Прочь, табакерка! прочь ты, изверг, басурманка,
Ты носа моего свирепая тиранка,
Ты за собой влечешь и струпья и прыщи,
Приятелей таких ты к немцам в нос тащи.
Внемлите мне теперь, несправедливы боги!
Коль к носу моему вы были столько строги,
Что у него рожок насильно отняли
И тем удар ему ужасный нанесли:
Не думайте, чтоб я спознался с изуверкой,
Чтоб гадил Русской нос немецкой табакеркой;
Клянется в том моя печальная ноздря,
Что буду нюхать я всегда из пузыря,
И нос дотоле мой рожка не позабудет,
Доколе в мире сем табак он нюхать будет.

(23)

ЭЛЕГИЯ

Восплачь, Канцелярист, Повытчик, Секретарь,
Надсмотрщик, возрыдай, и вся приказна тварь!
Ланиты в горести чернилами натрите
И в перси перьями друг друга поразите:
О сколь вы за грехи наказаны судьбой!
Зрят тучу страшную палаты над собой,

Которой молния грозит вам просвещеньем,
И акциденций всех и ябед истребленьем.
Как древо сокрушен, падет подъячих род;
Увы, настал для вас теперь плачевный год!
Какие времена! Должны вы слушать курсы,
Судебные места все превратятся в бурсы.
Ах! естьли бы воскрес один хоть Думный Дьяк,
И с челобитною явясь пред царский зрак,
Чем заслужили гнев мои, воскликнул, внуки,
Что посылаются к ним палачи науки?
Ты хочешь, чтоб от их немилосердных рук
Расправился или переломился крюк.
О, солнце! не лишай ты филинов затменья!
Да крюк пребудет крюк по силе уваженья!
Но что! где Дьяк и где прошение к царю?
Беда коллежскому теперь секретарю.
О, чин ассесорский, толико вожделенный!
Ты убегаешь днесь, когда я восхищенный
Мнил обнимать тебя, как друга, как алтын;
Быть может — навсегда прости, любезный чин,
Сколь тяжко для меня, степенна человека,
Учиться начинать, проживши уж полвека.
Какие каверзы, какое зло для нас
О просвещении гласящий нам указ!
Друзья! пока еще не светло в нашем мире
На счет просителей пойдем гулять в трактире;
С отчаянья начнем как можно больше драть:
Свет близок — должно ли ворам теперь дремать?

[*А. Нахимов*] (24)

ЕЛЕГИЯ В НОВОМ ВКУСЕ[1]

...Nugae canorae...
Horat.
[...Звучные безделки...]
Гораций.

Молчит угрюмый бор... луч солнца догорает...
Бродящий ветерок в листочках умирает...
С безбрежной высоты
Прохлада снизошла на лоне темноты,
И ночь таинственным покровом,
Как тучей, облекла природы наготу;
И запад потухал... с мерцанием багровым
Безоблачных небес сливая красоту.
Молчанье мертвое настало,
И тишина на ветвях возлегла.
И ночи божество дремотой оковало
Природу всю — людей, и мысли, и дела.
Как бы окаменев, древ гибкие вершины,
Нахмурившись, стоят,
И вечно трепетной феины
Листочки, опустясь, недижимо висят.
Река в родных брегах не слышима катится,
Как будто жизни нет в живых ее струях...
Невидимая тень на дне ее ложится,
Повсюду бродит тайный страх.
С душой отцветшею для милых наслаждений
Как странник сирота — с улыбкой незнаком —
И жизни молодой крылатых обольщений
Утративши зарю... унынием влеком,

[1] Читавши в рукописи ету Елегию, некоторые строгие критики, или, прямо скажем, Зоилы, осмеливались утверждать, будто в ней незаключается никакого смысла. Пускай и так; за то уж какой слог! какой язык! Кому не известна привязчивость педантов? Но кто же и смотрит на их требования? Истинной Поет, человек со вкусом, гений, не имеет нужды в правилах; он скажет: *так пишут!* И педанты посрамлены! [Рдръ.]

Иду бестрепетно под сосен мрачны своды
И там беседую с приветною тоской
Слезой тяжелою... (один сей дар Природы
Не похищен людей безжалостной рукой).
Слезой тяжелою грудь скорбну омывая,
Воспоминания о бывшем пробуждая,
Лечу в туманну даль, мечтами окрылен...
О, сердца радости!.. погибши безвозвратно,
Почто так рано вас лишен?..
Почто ты было так превратно,
О, счастие моих весенних дней?..
Едва блеснуло... и сокрылось!..
Погас мгновенный блеск лучей
И солнце радостей навеки закатилось!..
Стеснилась грудь моя... и вдруг как будто сном
Или оцепененьем
Невидимый одел меня крылом.
И внял я тайный глас с безвестным мне веленьем:
«О, странник!» он вещал: «воспрянь и ободрись!
«О благах временных ты не крушись тоскою!
«Там, выше твой удел!.. Туда, туда стремись!
«Там обновишься ты душою!..
«Там вкусишь плод добра и бед!..
«Из мрака будет свет!»
И он умолк... неспавшие открыл я вежды,
Душа присутствием небесного полна...
На ней сиял луч кроткия надежды.
Воззрел — окрест меня страна озарена...
Бор черный — побледнел... и плавала луна
Над мной — и подо мною
И все вокруг — повторено коварною рекою.
Познал я сладость слез: незримый спутник мой,
Благое Провиденье!
Прости младенца дерзновенье,
Посмевщего роптать на тайный Промысл твой.

Подражаев. (25)

ЭЛЕГИЯ

Напрасно изливал я миро пред богами,
Обильный возжигал бессмертным фимиам:
Дым жертвы не достиг ко гневным небесам,
И я, отверженный, я мучусь все — зубами!
Увы! окуренный ромашкой, камфарой,
Рядами склянок окруженный,
Лежу недугом злым к постели пригвожденный,
С распухшею, платком обвязанной щекой.
Все средства испытал — нет пользы никакой!
Вот третий день уже одним питаюсь чаем!
Вот третий день уже, страданьем прогоняем,
Не посещал меня благотворитель сон!
И тщетно жалобный мой стон
Во мраке ночи раздается —
Ему лишь иногда Антон мой отзовется!
Ах! я подчас его от зависти бужу.
Как часто в горести, поднявшись с изголовья,
Я дни прошедшие на память привожу —
Дни улетевшего здоровья!
Как часто их назад желал бы воротить,
По саду Летнему, по дачам побродить,
За лакомым столом с друзьями отобедать,
Шампанским жажду утолить,
Десерта́ — хоть отведать!
Но что я говорю? Каким вдаюсь мечтам?
О, суета суетствий вечных!
Ах! не в прогулках ли беспечных
По этим дачам и садам
Подстерегла меня лукавая простуда?
Не эти ль лакомые блюда
Предуготовали свершенно ею зло?
Таков-то человек! Так слепо своеволен!
А между тем всегда собою недоволен:

И несчастлив-то он и часто очень болен,
И уверяет, что прошло
Давным-давно с Сатурновым правленьем,
То радостей земных немногое число,
Которое звалось в сей жизни наслажденьем,
Но разве он забыл, что сам всему виной?
Что в век Сатурнов золотой
Не так, как ныне, люди жили:
Не знали гибельных страстей,
И во сто раз теперешних простей
В душе, в обычаях, в своих затеях были:
А что всего важней,
Умереннее ели, пили.
Умеренность ручалась им
За постоянное здоровья охраненье.
О, лучшее из благ! Что значат перед ним
Все наши выгоды, все наше просвещенье?..
Я первый то могу собою доказать:
Хотелось бы в театр — зубная боль мешает,
На бал, иль в общество — ни в церковь не пускает,
Ах, даже не дает мне книжки почитать!
Убийственное положенье!
И хуже выдумать, конечно, мудрено;
Но я утешен тем, что может быть оно
Другим послужит в поученье.
Так с этого одра, преодолев мученье,
Торжественно ко всем теперь взываю я:
Не ешьте сладкого, друзья!
Моею участью казнитесь,
А более всего простуды берегитесь.

Аркадьин. (26)

ВДОХНОВИТЕЛЬНОСТЬ НОЧИ

Как сладко на коврах ленивых
Дождаться пламенных часов,

Когда, сквозь занавес ревнивых,
Луна глядит из облаков
На перси девы полуночи!
Ее горячие уста,
Власы, язвительные очи,
Движений робких красота —
Льют в душу жаркое волненье,
Златой привет ночной поры,
И надо мною вдохновенье
Плывет, как над землей пары?..[1]

Новизнин. (27)

ЭЛЕГИЯ[2]

Напрасно, разнощик, ты в окна глядишь,
Под бременем сладостной ноши:
Напрасно ты голосом звонким кричишь:
Пильцины, лемоны хороши!..
Напрасно!.. для меня веселою мечтой
Промчались все веселые картины;
И душу, полную какой-то пустотой,
Не соблазнят младые апельсины.
Я отжил жизнь уже давно!..
Разнообразные души моей желанья
Сосредоточились в одно,
Разоблаченные от счастья и страданья,
Пусть апельсина нежный сок
Сосет поклонник муз нарядный!..
Увы! говядины кусок,
Пирог бесчувственный и хладный,
Разочарованный каплун,
И несколько десятков устриц сочных, —

[1] Если читатели потребуют окончания, то сделайте милость вразумите их, что оно вовсе не нужно. [Новизнин.]

[2] Из нового альманаха: «Северные Ягодки». [Примечание автора пародии.]

Вот все, что сердце, злой вещун,
Из радостей и наслаждений прочных
Желудку бросило с презрением в удел!..
Напрасно, разнощик, ты в окна глядишь,
Под бременем тягостной ноши;
Напрасно, ты голосом звонким кричишь:
Пильцины, лемоны хороши!..

С—в. (28)

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ИЗОБРЕТЕНЬЕ СТЕКЛА[1]

Не древность славится глубокая искусством
Производить тела, сквозь кои зренья чувством
Усматривается какой-либо предмет.
Хотя история известия дает,
Что дивное стекло финикияне знали;
Но этой истины еще не доказали.
Правдоподобие является в словах,
Что Плиний начертал. Здесь в пламенных стихах
Передадим мы их, читатель любопытный.
Какие-то пловцы, к богатству ненасытны,
Ввели корабль в одну Сирийскую реку;
Набрав там росшего, густого тростнику,
Вожгли они огонь на берегу песчаном,
И, окруженные ночным, густым туманом,
Трапезу начали вечернюю варить.

[1] Отрывок из дидактической поэмы, не изданной в свет. Многие приписывают ее Делилю, по сходству с произведениями сего писателя, известными публике нашей в переводах. Предмет сего отрывка не уступает занимательностию другим произведениям Делиля. Хотя и было о сем предмете упомянуто в учебной книжке, при императрица Екатерине II, для народных школ изданной; но Литературная Газета в своих ученых известиях сообщила публике полное и любопытное об оном сведение. Оно совершенно согласно с следующим прелестным отрывком, мною переведенным.

[Примечание переводчика.]

Мы о подробностях не станем говорить.
Сосуд скудельный, где трапеза их варилась,
Имел сырое дно. Селитра находилась
Большою грудою под ним на корабле,
И силой сырости на глинистой земле
Сосуда в значущем количестве пристала,
От действия огня она топиться стала,
И, дивным образом соединясь с песком,
Явилась жидким и прозрачным веществом,
Которое тотчас от ветерка остыло.
И стало массою. Стекло, стекло то было!
Промчалися века! Стекло уж знает всяк:
И Русский, и Француз, Турк, Перс, Жид, Финн, Поляк.

Пуд Скучалкин. (29)

ДРУЖЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

СОЮЗ ПОЭТОВ

Сурков Тевтонова возносит;
Тевтонов для него венцов бессмертья просит;
Барабинский, прославленный от них,
Их прославляет обоих.
Один напишет: мой Гораций!
Другой в ответ: любимец Граций!
        И третий друг,
        Возвысив дух,
Кричит: вы, вы любимцы Граций,
    А те ему: о, наш Гораций!

Тевтонова Сурков в посланьях восхвалял:
        О, гений на все роды!
Тевтонюв же к нему взывал:
          О, баловень природы!
              А третий друг,
              Возвысив дух,
Кричит: вы баловни природы
А те ему: о, Гений на все роды.

А я скажу питомцам Муз:
Цвети, хвалебный ваш союз,
        Друг друга прославляйте,
        Друг друга разбирайте,
        С Горацием равняйте,
        Посланья сочиняйте,

В журналы отсылайте,
Видения слагайте,
Друг другу посвящайте
Слепую нас толпу, счастливцы! забавляйте —
И, свой отборный слог любя,
Хвалите вы — самих себя!
Условные желанья,
Немые ожиданья,
Кипящие лобзанья
И сладострастие нег
Твердите и твердите!
Увядши для утех,
В окно незря глядите
Над чашами дремлите
И чашами стучите!
Читателей глушите!
Друг другу дребезжите
О чашах вы своих!
Без чаш не полон стих.
Беспечность, свободу
В кустах огорода
Зовите летать,
Летать и порхать,
Друзей проклинать!
И в юности бывалой
Венки брусники алой
Любите вспоминать!
Заслугой вы велики —
Вам Музы воздадут!..
Венками вас брусники
К бессмертию увьют.

Д. Врс—в. (30)

ПЕСНЯ И РОМАНС

РОМАНС [1]

Для первого куплета

Первая строка.

1. О, Ангел милой мой, бесценный.
2. Любезный друг, нелицемерный,
3. О, Бог души моей, бесценный,
4. Друг сердца верной, друг примерный,
5. О, милый Ангел, друг мой верный,
6. О, друг единственной, примерный,
7. Любезный, милой друг, бесценный,
8. О, друг души, друг драгоценный,
9. О, Ангел кроткой, Ангел нежный,
10. Единственной мой друг, примерный,
11. О, Ангел сердца, друг бесценный.

Вторая строка.

1. Могуль тебя я не любить?
2. Могу ли без тебя я жить?
3. Могуль тебя я позабыть?
4. Могуль тебе я изменить?
5. Как без тебя мне в свете жить?
6. Где мне печаль свою сокрыть?
7. Как чувства мне свои таить?

[1] О способе чтения этих стихов см. комментарий.

8. Где мне мучение сокрыть?
9. Любовну страсть могу ль таить?
10. Где, где тоску мою сокрыть?
11. Могу ли я тебя забыть?

Третья строка.

1. На век с тобою разлученный,
2. Разлукою с тобой сраженный,
3. С тобой навеки разлученный,
4. В стране, в стране ты отдаленный,
5. Разлукой горестной сраженный,
6. Разлукой злобной пораженный,
7. Страдать в разлуке осужденной,
8. Разлукой в сердце пораженный,
9. С тобой разлукой угнетенный,
10. Разлукой злой обремененный,
11. Стенать, томиться осужденный.

Четвертая строка.

1. Я должен вечно слезы лить.
2. Могу ли слезы я не лить?
3. Могу ли я спокоен быть?
4. Знать, рок судил мне слезы лить
5. Я вечно буду слезы лить.
6. Злой рок престань меня томить
7. Спокойну можно ли мне быть?
8. Могу ль печаль я утолить?
9. Могу ли слезы осушить?
10. Мне суждено слез реки лить.
11. Я не могу покоен быть.

Для второго куплета.

Строка первая.

1. Куда я взор ни обращаю,
2. Ни в чем отрады я не знаю,

ПІИТИЧЕСКАЯ
ИГРУШКА,
ОТЫСКАННАЯ ВЪ СУНДУКАХЪ ПОКОЙНАГО ДѢДУШКИ КЛАССИЦИЗМА.

ИЗДАННАЯ

Н. М.

МОСКВА.
Въ Типографіи Николая Степанова,
При Императорскомъ Театрѣ.
1829.

3. Ни в чем веселия не знаю,
4. Нигде отрады не встречаю,
5. Я мысль куда ни обращаю,
6. Везде лишь горести встречаю,
7. Нигде забав не обретаю,
8. Ничем себя не утешаю.
9. Везде уныние встречаю,
10. Забавы я ни в чем не знаю,
11. Что делать мне в тоске, не знаю

Строка вторая.

1. Все, все разлуку мне твердит,
2. Все, все унылой кажет вид.
3. Печальный все являет вид,
4. Весь мир унынием покрыт,
5. Разлуку все с тобой твердит,
6. Печалию весь свет покрыт,
7. Все, все являет мрачный вид,
8. Унылой все являет вид,
9. Разлука сердце мне теснит.
10. Разлука душу тяготит,
11. Все о разлуке говорит.

Строка третья.

1. Томлюсь всегда и унываю,
2. С тоски жестокой умираю,
3. Всегда лишь мучусь и страдаю,
4. Всегда тоскую и страдаю,
5. В тоске всечасно пребываю,
6. С печали лютой умираю,
7. Томлюсь, страдаю, умираю,
8. В тоске, в печали унываю,
9. Всегда в мученьи пребываю,
10. Всечасно в горести вздыхаю,
11. Тебя всечасно вспоминаю.

Строка четвертая.

1. Где ангельский твой взор сокрыт?
2. Где взор твой от меня сокрыт?
3. Где образ твой бесценный скрыт?
4. Страданье душу мне томит,
5. Ничто меня не веселит
6. Все без тебя меня крушит.
7. Где, милая, твой взор сокрыт?
8. Душа моя к тебе летит.
9. Душа моя тобой горит.
10. Все без тебя меня томит.
11. Ничто души не озарит.

Н. М[аркевич?] (31)

РОМАНС[1]

Строка первая.

1. Любезная! услышь глас страстной.
2. Услышь стенание всечасно,
3. Любезная, в тоске всечасно,
4. О, милая, томясь всечасно,
5. Услышь, любезная, вздох страстной,
6. О, милая, услышь стон страстной,
7. В тоске, о, милая, ужасной,
8. В отчаяньи своем всечасно,
9. О, милая, в тоске всечасно,
10. Услышь, о, милая, глас страстной!
11. В печали лютой и ужасной.

Строка вторая.

1. Твой друг одною тобой живет,
2. Ах, твой любовник слезы льет,
3. Тебя друг верной твой зовет

[1] О способе чтения см. комментарий.

4. Ах, друг твой горьки слезы льет.
5. Тебя любовник твой зовет.
6. Услышь, как друг тебя зовет.
7. Тебя друг нежный, страстный ждет.
8. Твой друг, твой друг тебя зовет.
9. Любовник твой ток слезный льет.
10. Узри, как друг твой слезы льет,
11. Тебе, друг верной знать дает.

Строка третья.

1. Не видя образ твой прекрасной
2. Не видя близь себя прекрасной,
3. Тебя не видя, он несчастной,
4. Он без тебя, увы! несчастной,
5. Узнай, что без тебя несчастной,
6. Не видя ангела прекрасна,
7. Твой взор не видя он прекрасной,
8. Не зря твой образ он, несчастной
9. С тобой раставшися, несчастной.
10. В разлуке горестной с прекрасной,
11. Не видя в горести прекрасной.

Строка четвертая.

1. Ни в чем отрады не найдет.
2. Конечно, без тебя умрет.
3. В отчаяньи он жизнь прервет.
4. Отрады в жизни не найдет.
5. Он от мучения умрет.
6. Плачевну жизнь свою прервет,
7. Жизнь безотрадную прервет.
8. Отрады в мире не найдет.
9. Нить жизненную пресечет.
10. В мученьи бедственном умрет
11. Свою, свою жизнь пресечет.

Н. М[аркевич?] (32)

РОМАНС

Венцы, мечи, щиты, порфиры!
Не вас я, бедные, ищу;
Герои, побеждайте миры!
Пред вами я не трепещу.

Натура мне сама сказала,
Что должен жить я меж цветов,
Она любить мне приказала,
Она — малиновка — любовь!

Змеитесь, речки, ветры, дуйте;
Шепчи любовь, младой Зефир;
Вы, нежны голубки, воркуйте;
Ты, соловей, пленяй весь мир.

Натура, я тебе подобен,
Я вольно чувствовать хочу,
Как скромный кролик, я незлобен
И вслед любви везде лечу.

А. А. Шаховской (33)

* * *

Ветер ветры ветром гонит,
Все идет наоборот:
Время все к премене клонит,
Окроме твоих красот.

Хоть еще сто лет на свете
Ты, прекрасна, проживешь,
Все в таком же будешь цвете,
Как и ныне ты слывешь.

Ты, ах! солнце негасимо
И блестящая луна,
И уму невобразимо,
Ты колико, ах! умна.

И. А. Крылов. (34)

ДЕВИЦА-ГАСТРОНОМКА

Романс

(На голос: Je vous aime).

Ботвинью я всегда хвалю;
Селянку ем без принужденья;
Уху я также страх люблю:
Зреть не могу без умиленья!
Кишки ко щам, бараний бок,
Крупою с маслом начиненный,
И доброй ветчины кусок —
Суть три предмета несравненны!

Пирог любимый мой есть тот,
С трудом в руках несут что трое;
Когда кладу кусочек в рот,
Насытились бы оным двое.
Про пирожки что вам сказать?
Они пятками исчезают,
Но чем меня б им насыщать,
Они лишь голод возбуждают.

Из рыб осетр меня пленил,
И чту его я всей душою;
Однако ж мне и угорь мил:
Хоть мал, да виден он собою.
Налим, ерш, лосось, лещ, судак,
Как ноль пред важной единицей,
Они ничтожны точно так

Пред стерлядью — своей царицей!
Горох, щавель, редис, шпинат,
Морковь с турецкими бобами,
Капусту, спаржу, крес-салат,
Все, все считаю пустяками.
Черкасский бык! Тебя пою,
В тебе зрю мира совершенство!
Ты услаждаешь жизнь мою!
И мыслить о тебе — блаженство!

В жарком и поросенок мил,
Когда ему второй годочик;
Но тот блаженства не вкусил,
Не кушал кто телячьих почек.
Еще скажу: хоть у меня
Желудок самый уж девичий:
Но каждый день охотно я
Готова съесть штук пять из дичи.

Вы, слышав песнь сию, друзья,
Помыслите, что я здорова?
Нет, разуверьте в том себя:
Судьба ко мне весьма сурова!
Конечно, так я создана,
Что мне обед хороший нужен;
Зато окрошка, ветчина,
Индейка, гусь — вот весь мой ужин!

Аграфена Людоедова. (35)

«Я ПТИЧКОЙ БЫТЬ ЖЕЛАЮ»

Я моськой быть желаю,
Всегда чтобы храпеть;
Нет нужды, что залаю
И что не буду петь.

„Я птичкой быть желаю...“

Я б зависти не ведал
К богатству и чинам,
Готовое б обедал,
Себе не стряпав сам.
В одном бы теплом фраке[1]
Я круглый год ходил
И датской бы собаке
За лай презреньем мстил.
Не видел бы отмены
Пред аглицким щенком
В приемах от Климены,
Когда б попал к ней в дом.
Лизал бы ее ручки
Всегда с ним наравне,
И все бы были сучки
Равно любезны мне.
Коль моська б изменила,
К болонской бы пристал,
Не тратил бы чернила.
Элегий не писал.
Но в моську превратиться,
Не можно мне вовек,
Так что ж пустым и льститься?
Пусть буду человек.

И. И. Дмитриев. (36)

ПЕСНЯ

(Пародия известной песни: «На то ль, чтобы печали» и проч.)

Совсем не для печали,
Но радость находить:
Нам боги сердце дали,
Способное любить.

[1] В шерсти, то есть. [Примечание автора.]

С малейшим чувством страсти
Забыты все напасти!
С ним горе есть ли где?
Нигде — нигде — нигде!
Но радость и веселье —
Везде — везде — везде.

Никто во всей вселенной
Без страсти не живал!
Какой же с ней влюбленной
Блаженства не вкушал.

Любя — и в огорченье
Находят утешенье;
Кто любит, тот на век
Счастлив — счастлив — счастлив!
Завидное творенье —
Влюбленный человек!

Невольник в заключенье
Когда бы полюбил,
Он верно б наслажденье
В оковах находил.

Чем чувство в нас нежнее,
Тем радости сильнее —
Льзя ль счастливым не быть?
Нельзя — нельзя — нельзя!
Пожалуста, о сердце!
Не преставай любить.

М. Д. (37)

ЖАЛОБА

Я зову, я зову
Все беды на главу,
И по этому зву
Я явлюсь к тебе радостно.

Что же, милый, ты спишь,
Что со мной говоришь,
Что мне, молча, сулишь
Что мне слышать так сладостно?

Злой тоски не буди
Ты в девичьей груди;
Нет! утехи любви
Я в сей жизни не ведала.

Мне любовь — рай земной
О, восторг! Друг ты мой!
Что ж, соловушко? Пой!
Я тебе все поведала.

???? (38)

РОМАНС

Нет! Не должно радостно
Мне младой тужить,
Что в сей жизни сладостно
Милого любить.

Отчего ты знойное,
Солнышко блестишь,
Отчего ты, кровное,
Сердце говоришь.

Солнце, солнце светлое
С холоду горит,
Сердце же заветное
От любви молчит.

Оторву ж тяжелые
Цепи от себя;
Дни мои веселые,
Радуйте меня.

!!! (39)

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как за реченькой слободушка стоит.

Дельвиг.

Как тужила, горевала долго я,
Не смыкая глаз средь утреннего дня.

Нет, не дам я сердцу бедному изныть,
Что меня не хочет милый позабыть.

В зелену пойду я рощу погулять,
Где с утра снег белый начал нападать.

Я послушаю там песни соловья;
Ах! Мороз теперь не страшен для меня!

Что мне нужды, что холодный там мороз,
Для венка пойду искать себе я роз!

Я вплету их в косу русую мою,
А вплетая их, я песенку спою.

! (40)

ПЕСНЯ

Стелется густой туман
По полю шелковому...
Кроется от глаз моих
Дорожка знакомая!

«Не приду к тебе, мой друг!»,
Мне сказала девица:
«Если солнце не взойдет,
«Если будет сумрачно».

Знать, веселья не видать
Мне сегодня, молодцу.
Знать, не надо ожидать
Под окном красавицу!

Не увижу, как пойдет
По дорожке милая;
Не увижу, как махнет
Беленьким платочком мне.

Отуманилася даль,
Скрылся мой знакомый путь;
Пала на сердце мое
Горькая кручинушка.

Санрим-Санрезонов. (41)

ПЕСНЯ КИЕВЛЯН

Над рекою
Над родною
Да над быстрою
Я заботой
Да работой
Хату выстрою;
Разукрашу
Да окрашу
Краской белою;
Где дорожка,
Три окошка
Там проделаю.
Против ясна,
Против красна,
Против солнышка;
А на ловлю
Изготовлю
Я три челнышка.
Всем богата

Будет хата,
Чаша полная.
С светом встану,
Утром рано
Кинусь в волны я,
Наряжуся,
Помолюся
Богу младости,
Подойду я
И скажу я
Деве радости:
«Всем богата,
«Видишь, хата
«Над рекой стоит;
«Светит солнце
«Там в оконце,
«Днепр внизу шумит;
«Да хозяин
«Опечален
«В ней живет, мой свет! —
«Есть и воля,
«Есть и доля,
«Да покоя нет.
«Раз в народе
«В хороводе
«Он пошел плясать,
«Да покой свой
«Со поры той
«Он не мог сыскать.
«Свет-девица
«Белолица!
«Ты взяла покой!
«Так поди же,
«Принеси же
«Мне его с собой!»

К. С. Аксаков (42)

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

ПРИЗНАНИЯ В ЛЮБВИ:

1. Наборщика.

О, редкий экземпляр в природе
О, рукопись утех любви,
Склони свой слух к сердечной оде,
Мои страдания прерви.

Как литеры отливки редкой,
Ты входишь в душу, как в верстать,
К тебе мой шрифт любви не мелкой
Не обракуй, пусти в печать!

Ах, мацами моих объятий
Тебя б коснуться я желал,
В твоем стану — к досаде братий
Я величался б как журнал.

Когда бы небо увенчало
Мой труд над формою твоей,
Мне в детях Цицеро послало,
Петит пошел бы от детей.

Будь неизменной мне матрицей,
Чтоб мог я счастье в ней отлить,
И всех красот тебя царицей
В печати миру объявить,

Я всякой день к тебе исправно
С набором чувств являться рад,
Когда же погрешу случайно,
Корректором твой будет взгляд.

2. Врача.

О, ты мой мускус драгоценный,
О, ты магнит всех чувств моих;
Прости, что врач, тобой плененный,
Дерзает пасть у ног твоих,

Как скоро устремить случилось
Мне орган зренья на тебя,
Все сердце кровью обливалось,
В бинтах любви я зрел себя.

Мои сосуды напрягались,
Расторглися системы жил,
И духи жизненны спирались,
Пострелом поражен я был.

О, сколь любови шнипер меток,
И сколь востер ее ланцет,
Пилюля смерти напоследок,
Казалось, пульс совсем прервет.

Что ж инфлюенция такая
Артерии моей дана;
И тем ли страсть моя живая
Тобою днесь награждена?

Уж жизни влаг во мне не стало,
И весь иссох я, как скелет;
И шпринц питательный ни мало
Телесных соков не дает.

Где пластыри надежд девались
Пленира! мой упал весь дух;
Уже так лапис-инферналис
Я чорен сделался и сух.

Увы! жестокая, тронися,
Целебный свой бальзам пролей;
И над несчастным умилися,
Позволь тебя считать моей.

Будь ты Аптекою моею,
Будь ты и Эскулапий мой,
И перевязкою своею
Ты жизнь мне возвратишь, покой.

3. Секретаря межевых дел.

О, ты, преузорочна дача,
Усадьба прелестей одних,
Но это для меня задача,
В экстракте поясню я их.

Позволь диоптром чувств прилежных
Измерить маетность твою;
О, сколь живых урочищ нежных,
В тебе я с восхищеньем зрю.

Но паче волость низовая
К тебе мой ум и дух влечет,
Инструкция хоть межевая
И вопреки мне вопиет.

Коль нет других владельцев спору
На волость милую твою,
То справь за мной по договору,
А я удобрю, как свою.

Да будет же тебе известно,
Что я в Сенате землемер,
Мое познание чудесно:
Чужим землям вести размер.

И в силу-то сего искусства
Секретарем я нахожусь
По праву благородства чувства
В меже сфальшивить я боюсь.

Притом же похвалюсь, — в бездетстве,
Я вдов, имею хутор свой,
Он, так сказать, почти в соседстве
С реченной волостью твоёй.

И если ты связать решишься
Мой хутор с волостью в одно;
Сама ты после согласишься
Открыть златое мне руно.

4. Дьячка.

Егда аз убо тя узрех,
О! Ангел во плоти чистейший,
Впадох внезапу в лютый грех,
Грех лютый, абие презлейший.

Держах тогда псалтырь твою,
И чтох кафизьму уж шестую,
Но лишь узрех красу твою...
Аз книгу уроних святую.

Власы твои — как стадо коз,
Близ Талаадския пустыни,
Как кедр Ливанский — твой есть нос
И взоры яко голубины.

И перси тучные твои,
Как серны на горах младые.
Внемли! внемли мольбы мои! —
Вместилище души святые!

Егда бы зрел красы твои,
Узрел лепи если колико,
Воспел бы гимны-то свои
И сам священнейший Владыко!

Аз убо тя прошу, молю,
Во еже ми любовь творити...
Да впредь не мучусь, не скорблю,
И сице не останусь жити.

5. Буточника.

О, ты! Которая красою
Во всех кварталах верх берешь,
Меня убила ты тоскою;
И вон из будки все влечешь.

Так! ты на душу наложила
Колодку с цепью и замком
И сердце бедное сразила
Ты алебарды острием.

С тех пор я не смотрю уж строго
За околотком всем моим;
И пьяных появилось много,
Но для тебя — прощаю им!

Когда лик алебарды ясной
Играет с солнечным лучом,
Твой образ милый и прекрасный,
Как в зеркале, я вижу в нем.

Я рад, коль на часах бываю,
Все думаю, нейдешь ли ты?
Но тщетно, тщетно ожидаю
Тебя, о Сьезжа красоты.

Твой стан, как каланча прямая,
И, как фонарь, твой светел взор,
Как часто о тебе мечтая,
Не вижу, что идет дозор.

Хоть Частный Пристав проезжает
Идет Квартальный ли порой;
Но их мой взор не примечает;
Он занят — только лишь тобой.

Лишь в облаках луна взойдет,
Я, всем покоя не давая,
Кричу прегромко: кто идет?
И думаю: не ты ль, драгая?

Мне душно в будке становится,
Какой-то мучит сильный жар,
Вся внутренность моя стремится —
К тебе, как трубы на пожар.

Пусть буду мучиться на страже,
Но стану все тебя любить,
И обер-полицмейстер даже
Того не в силах запретить.

Но коль отвергнешь ты признанье,
Столь верное, как рапорт в часть,
Мне не снести то наказанье,
Мне не снести мою напасть.

Когда ж, Архангел Полицейский,
Ко мне ты будешь столько строг,

То властию тогда судейской
Пусть буду брошен я в острог.

(43)

6. Портнова.

О ты, которая пришила
Меня к себе красы иглой,
И страсть любовну укрепила,
Как самый лучший шов двойной!

Смягчись над горестью портнова,
Катюша, мой любезный друг!
Уж выкройка любви готова,
Нагрето сердце, как утюг.

Ты грудь мне распорола взглядом,
Как ножницами старый шов.
С тех пор каток мой стал мне адом,
Как села на него любовь!

С тех пор тебя во всем мечтаю:
Я в нитках зрю твои власы,
С атласом белым вспоминаю
Пушистых рук твоих красы.

Твои уста, как бархат, алы,
Глаза, как пуговки, блестят,
А грудь, вздымаясь из-под шали,
Как деньги, мой прельщает взгляд.

Все, все наполнено тобою:
Поджавши ль ноги я сижу
И мастерской своей иглою
Рубцы на платье вывожу.

Во всем меня ты подкрепляешь,
Заплата сердца моего!

Но ты с холодностью внимаешь
Любви портнова твоего.

Ах! спрысни ты водой отрады
И выгладь дух измытый мой;
Увы! без малой сей награды
Умрет нещастный твой портной.

Иван Либ[*ен*]*ау*. (44)

ИЗЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ ОДНОГО ПРИКАЗНОГО

О ты, всех прелестей палата
И президент души моей!
Твой взор — указ мне из Сената,
Понеже в воле я твоей.

Твоей прельщен я красотою
Спешу в секвестр себя отдать,
Меня ты можешь за собою
Без пошлин, справок отказать.

В Архиве ль я когда бываю
Иль в канцелярию спешу,
Повсюду образ твой встречаю,
В повытке я бумаг ищу.

Клянусь по чести пред зерцалом,
Что перед тобою сущий вздор
И сам Сенатор в платье алом,
В мундире шитом Прокурор.

На век твоей я предан власти,
В журнал любви меня впиши,
Прочти экстракт нежнейшей страсти
И выпись пламенной души.

Взгляни хоть раз один умильно
В контору сердца моего,

Оно трепещет, бьется сильно
И ждет ответа твоего.

Твои мне разговоры сладки,
Я под присягой говорю:
Они приятней мне, чем взятки
Бездушному Секретарю!

Прими любви моей прошенье,
Я пред тобою бью — челом:
Скрепи о мне определенье
Своей улыбкой, как пером.

И так, как бы процесс безгласный,
Судьбу мою возобнови;
Я буду истец самый страстный
Вышеописанной любви.

Коль место то, которым льщуся,
В твоем я сердце получу,
Сидеть в совете откажуся,
Министром быть не захочу.

Но коль себя, всех зол вдобавок,
В твоей Герольдьи буду зреть,
Мне легче без суда и справок
На лобном месте умереть.

(45)

МОРСКАЯ ПЕСНЯ, В КОТОРОЙ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ ИЗЪЯСНЯЕТ ЛЮБОВНУЮ СТРАСТЬ СВОЮ МОРСКИМ ЯЗЫКОМ

Как молния пловущих зрак
Средь темной ослепляет ночи,
Краса твоя, подобно так
Сверкнув, мои затмила очи:

Смущен и изумлен я стал,
Узрев толь ангела прекрасна;
Не так опасен мачтам шквал,
Как ты казалася опасна.

Исчез тогда штиль чувств моих,
Престрашна буря в них восстала;
Ты ж из очей твоих драгих
Брандскугели в меня метала:
Тогда в смятении моем,
Зря грозну прелесть пред собою,
Не мог я управлять рулем
И флаг спустил перед тобою.

С тех пор, тебе отдавшись в плен,
Твоей я воле повинуюсь,
К тебе душевно прикреплен,
Я за тобою буксируюсь.
С тех пор нактоуз твой, иль дом
Магнит, где сердце обитает.
С такою силой, как Мальштром,
Меня отвсюду привлекает.

Мне в мире утешенья нет,
Везде я без тебя тоскую,
И часто мысленно, мой свет,
К тебе я ныне лавирую.
Наполненный всегда мечтой,
Тебя в убранстве зрю богатом,
То яхтой иногда златой,
То легким чистеньким фрегатом.

Тогда хочу тебя догнать,
Надеждою себя ласкаю,
Спешу и марсели отдать,
И брамсели я распускаю;

Когда же парусов нельзя
При шторме несть жестоком,
Любовию трюм нагрузя,
Иду, лечу к тебе под фоком.

Или, коль неизвестен мне
Пункт места твоего, драгая,
По близости я в той стране
Лежу на дрейфе, ожидая:
Лишь ты отколь предпримешь путь,
Конструкцию твою драгую
Узрю, хоть в горизонте будь
И в миг тебя запеленгую.

Тогда, не медля ни часа,
К тебе я курс свой направляю,
Брасоплю, ставя паруса,
Сержусь, кричу, повелеваю,
Узлов по десяти несусь,
Держу в кильватер за тобою:
Но вдруг от мыслей пробужусь,
И зрю, что льстился я мечтою.

А. С. Шишков. (4

БАЛЛАДА

РЫЦАРЬ

Стоит конь бурный у крылечка,
Поднявши вверх свое чело.
Вся в серебре на нем уздечка;
На нем турецкое седло.
Седло с стальными стременами,
Чепрак с златыми бахромами.

Конь богатырский ржет, грохочет,
Главою и ушми трясет;
Сыру землю ногами топчет;
Со удил влажна пена бьет.
Кого же ждет сей конь ретивый?
Кто будет тот ездок счастливый? —

Выходит молодец удалый
По-богатырски разодет;
На нем мундир московский алый.
На нем и шарф и эполет,
Камзол, обшитый галуном,
Булатна сабля с темляком.

А на головушку уборну
Он надевает шляпу чорну.—
На шляпе бел султан дрожит,
И сабля с шпорами звучит,

Он на добра коня садится,
Ретивый конь под ним гордится.

Он тронул шпорами коня:
«Вези ты, добрый конь, меня!»
Конь с рыцарем стрелой пустился;
Огонь и дым в ноздрях открылся;
Сыра земля под ним дрожит;
За ними сера пыль летит. —
Куда так рыцарь быстро мчится?
Не в поле ль ратное стремится,
Чтоб мстить отечества врагам? —
О, как он будет страшен там!..

Но что я вижу? — рыцарь бранный!
Скажи! куда так едешь ты?
Таков ли путь тобой избранный?
Иль вижу сонные мечты?
Или то истинны приметы,
Что рыцарь едет у кареты?
В порядке с задним колесом
Щитает спицы он верхом?

Не столько подвиг сей достоин,
Чтоб в нем трудился храбрый воин!
А вот! нахалливо в карету
Он, выпуча глаза, глядит; —
Кого же видит там? — Брюнету; —
Брюнета — грудь его щемит.

Брюнета хороша — прекрасна
Осанкой, взором и лицом;
Но грудь Брюнетина бесстрастна
Пред сим удалым молодцом.
Наш рыцарь едет вкруг кареты;
Наш рыцарь вьется вкруг Брюнеты,

То с той сторонки, то с другой;
Но нет удачи никакой.

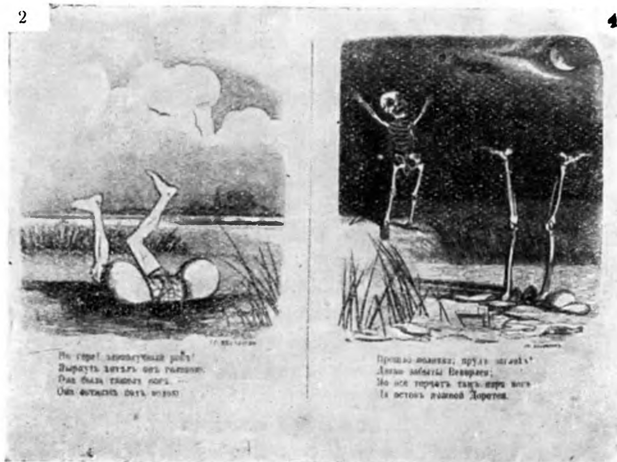
Ни в путь, ни в дело все пролазы;
Он слышит лишь одни отказы; —
Но он еще надежней льстится;
Еще кипит горюча кровь;
Он мнит, что девица стыдится
Открыть ему свою любовь.
Он думает еще атакой
Брюнеты милой сердце взять;
Но крючкотворной, знать, ухваткой
Сердец нельзя завоевать.

И вместо страстного ответа,
Сему богатырю пригожу
Открыв окошечко, Брюнета
Учтиво наплевала в рожу,
Сказала прямо наотрез,
Чтоб больше он в глаза не лез:
Чтоб больше рыцарь не трудился,
«Извольте взад поворотиться!
«Да просим милости вперед
«Не врать таких мне глупых бред».

С досады рыцарь наш задохся;
Хотел схлебнуть, бедняк — обжегся; —
Насупил богатырску морду,
Поворотил коня назад;
Согнул свою осанку горду
И в землю свой потупил взгляд;
А богатырской неудачей
И бодрый конь его стал клячей.

Срв. (47)

Веверлей и Доротея.
Баллада.

Рис. К. И. Рабусс.

БАЛЛАДА

Замок Альфа чудесами
Был издревле знаменит;
Домовыми и чертями
С низу до верха набит.

Там в подвалах, в подземелье,
На высоких чердаках,
Писк и визг — чертям веселье;
Людям горе; людям страх!

Были рыцари лихие:
Подходили к воротам,
Но не дале: духи злые
На часах стояли там.

Вмиг в бесовский рог ревели,
Поднимался стук и вой...
Так, что рыцарь еле, еле
Ноги уносил домой.

Наконец судьба героя
В замок Альфа привела;
Не Ринальд, не Ивангое;
То Филатьевна была!

Витязь дюжий, витязь бравый!
Что за голос? что за вид?
За сто верст гремела славой;
Рот разинет — все бежит!..

Скрылось солнце за горою,
Все утихло... полночь бьет;
Вот Филатьевна с метлою
К замку страшному идет.

В эту ночь был в замке праздник;
Ведь недаром говорят:
Сатана большой проказник;
Пляска шла у чертенят.

Вдруг Филатьевна в ворота
Хлоп могучим кулаком!..
Всем чертям пришла работа,
Поднялся по замку гром.

Ворота с крюков слетели
От ужасного туза!
Черти, струся, одурели:
Встали, выпуча глаза.

Тут налево и направо
И назад и пред собой
Начал витязь смелый браво,
Как мечом махать метлой,

Битвы страшная картина:
Здесь бесенок без хвоста,
Там без рог, у этих мина
Так кисла, как бы с поста.

Позабыли черти пляску:
Плохи, плохи их дела;
И Филатьевна им таску
Мастерскую задала.

Замок с той поры в покое;
Тих, в развалинах стоит;
Но там слава о герое,
О Филатьевне, гремит.

Ш. (48)

ПУТНИК

Баллада

Путник едет косогором,
Путник по полю спешит;
Он обводит тусклым взором
Степи снежной грустный вид.

«Ты к кому спешишь навстречу,
Путник, гордый и немой?» —
— Никому я не отвечу,
Тайна то души больной.

Уж давно я тайну эту
Хороню в груди своей,
И бесчувственному свету
Не открою тайны сей;

Ни за знатность, ни за злато,
Ни за груды серебра,
Ни под взмахами булата,
Ни средь пламени костра.

Он сказал — и вдаль несется
Косогором, весь в снегу.
Конь испуганный трясется,
Спотыкаясь на бегу.

Путник с гневом прогоняет
Карабахского коня.
Конь усталый упадает,
Седока с собой роняет
И под снегом погребает
Господина и себя.

Схороненный под сугробом,
Путник тайну скрыл с собой.
Он пребудет и за гробом
Тот же гордый и немой.

Козьма Прутков. (49).

НЕМЕЦКАЯ БАЛЛАДА

Барон фон-Гринвàльус,
Известный в Германьи,
В забралах и в латах,
На камне пред замком,
Пред замком Амальи,
Сидит, принахмурясь...
Сидит и молчит.

Отвергла Амалья
Баронову руку...
Барон фон-Гринвàльус
От замковых окон
Очей не отводит
И с места не сходит,
Не пьет и не ест.

Года за годами...
Бароны воюют,
Бароны пируют,
Барон фон-Гринвàльус,
Сей доблестный рыцарь,
Все в той же позицьи
На камне сидит.

Козьма Прутков. (50)

АРТАМОНЫЧ

Не ходите вы, девицы,
Поздно в нижний сад гулять!

Козьма Прутков.

Там такие небылицы,
Что и слухом не слыхать!
В роще, меж двумя прудами,
Виден домик, вы туда
Не ходите; право, с вами
Может встретиться беда!

Артамоныч, в час полночи,
Часто ходит в тех местах;
Как огонь, сверкают очи,
Бледность смерти на щеках;
Грозно машет он руками,
В белом саване обвит;
Страшно щелкает зубами,
Зорко, пристально глядит.

Стон невнятный произносит,
Будто ветра дикий вой,
И чего-то точно просит
Этот голос гробовой.
Грешный дух его терзает,
Несносимая тоска,
И с собою он таскает
Два зеленые бруска.

Артамоныча могила
Под горой в погосте там;
Буря крест с нее сломила:
Крест разбился по кускам;
Долго на земле лежали
Все обломки; но зимой
Их мальчишки растаскали,
Кто играть, а кто домой.

Но вокруг могилы срыты
Кучи мокрого песка —

И на них лежат забыты
Два зеленые бруска;
Их-то верно все и носит
Посетитель этих мест,
И людей он добрых просит
Починить могильный крест.

И. П. Мятлев. (51)

БАСНЯ

МЕДВЕДЬ И КОЗА

Медведь сказал козе:
«Коман вуз озе
«Скакать, плясать, меня так беспокоить,
«Когда тебя я вздумал удостоить
«Быть компаньонкою моей?
«Постой, проклятая! я дам тебе суфлей».
И с словом сим он важно потянулся,
Вскочил и лапой размахнулся,
Но стукнул вдруг водильщик в барабан
И наш Медведь ту дусеман,
Пошел с поникшей головою,
Плясать попрежнему с Козою.

Столоначальник так на писарей кричит,
Взойдет директор, — замолчит.

И. П. Мятлев. (52)

ПАСТУХ, МОЛОКО И ЧИТАТЕЛЬ

Басня

Однажды нес Пастух куда-то молоко,
Но так ужасно далеко,
Что уж назад не возвращался?

Читатель, он тебе не попадался?

Козьма Прутков. (53)

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ». МАДРИГАЛЫ АЛЬБОМНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ХЛОЕ

О, Хлоя милая! зачем желать венцов
И славы и побед, слезами окропленных?
Нет! Я не приведу к стопам твоим рабов,
Не приведу к тебе героев, мной плененных:
Тобою побежден, тобой плененный сам,
Я тихую мою и счастливую долю,
За блеск и почести, и славу не отдам,
И воле предпочту блаженную неволю!

Мыслинский. (54)

В АЛЬБОМ А. Б. В.

Нет! Нет, не уверяй в бывалом!
Моя весна исчезла сном,
И сердце грустное завяло,
И память сгибла о былом!

Мои восторги сладострастья,
Моя приветная весна,
Уж не мои, и призрак счастья
Моя богиня... где она?

Холодный разум, мой губитель,
В могиле сердца склеп мечтам

Кладет безжалостный строитель.
Ему былое я отдам...

Ты памятник мечты священной
И прежних радостей моих,
Листок в Альбоме незабвенной
Будь поученьем для других!

Н. А. Полевой. (55)

В АЛЬБОМ К Д. Е. Ж.

Альбом прелестен ваш — и грустным
Его охолодит стихом,
Моим напевом неискусным,
Мечтою бог знает о чем?

Но по листочку алой розы
Ползет бедняжка червячок...
Пусть и в Альбоме вашем слезы
И мой останется листок!

Н. А. Полевой. (56)

В АЛЬБОМ Л. А. Л.

Шутя я вам сказал, что будто бы Альбомы
В Москве, in folio, огромнейшие томы,
Суть сборы нежностей, смешенье языков,
Чужих испорченных стихов.
Добавьте к этому — загадки и шарады.
Вот очерк вам Альбомов тех.
Лишь вздумаешь о них — берет невольно смех.
«А вы, как кажется, всему смеяться рады:
«Возьмите ж мой Альбом и напишите в нем
«Против сих странностей опроверженья».
Вы отвечали мне — и признаюся в том,

Что я не ждал такого возраженья.
Но делать нечего — исполню ваш приказ,
И в нескольких словах я докажу сей час
Все сказанное мной. Начну с стихотворений:
Они мне нравятся, хоть нет и смысла в них.
Но genre бессмысленный и непонятный стих
Меж многими давно в большом употребленьи.
Что ж видишь первое? — Здесь, на краю листа:
Кому вы к сердцу ближе,
Пускай напишет он пониже.
Вот надпись милая, хоть несколько проста.
И романтизма вам пример сейчас представлю
. . . .
И чем же память вам оставлю?
За вас свечу поставлю.
Прошу понять. — К рисункам перейдем:
Малеванный Амур под сеткою бумажной
Посажен в розане с фигурой важной
И странной подписью кругом;
Иль видишь лестницу с сердечком на вершине:
Горит бедняжечка пунцовым огоньком;
Вверху написано: Корине,
А в сердце слово récompense
И что ж к нему ведет? fidelité, constance.
C'est, si nouveaux, n'est-ce pas? et puis encore six lances.
И четко: j'aime, в середине.
И значит, что к вам страсть питают en silence.[1]
Все это нежно, бесподобно.
Все мило страх, но, как угодно,
До крайности смешно и приторно подчас.
А ваш Альбом, хотя Москвы произведенье,
Прекрасен истинно, могу уверить вас;
И в этом-то теперь мое все затрудненье,

[1] *Перевод:* Награда... верность, постоянство. Это так ново, неправда ли, и затем еще шесть копей... люблю... молча.

Что мне вам надо написать
Стихами — да еще какими?
Сам сочини, а не чужими!
Так было вам угодно приказать!
Я написал, исполнил повеленье,
Но вас прошу — мне в награжданье
Мои стихи скрывать
От взоров детушек старушки,
Старушки матушки Москвы;
А то мне будут не игрушки:
Беды наделаете вы!..

Э. (57)

В АЛЬБОМ №№

Желанья вашего всегда покорный раб,
Из книги дней моих я вырву полстраницы
И в ваш альбом вклею... Вы знаете, я слаб
Пред волей женщины, тем более девицы.
Вклею!.. Но вижу я, уж вас объемлет страх.
Змеей тоски моей пришлось мне поделиться...
Не целая змея теперь по мне, но — ах —
Зато по пол-змеи в обоих шевелится.

Козьма Прутков. (58)

ЭПИГРАММА

* * *

Корчи харю философа,
Сухопарый критик мой!
Я молчу: в ответ ни слова;
Не разделаюсь с тобой!
С длинноухими ослами
Нас дубина разочтет,
И с тобою не стихами —
Палкой кончу я расчет.

Талантин. (59)

ЭПИГРАММА

Пия душистый сок цветочка,
Пчела дает нам мед взамен.
Хотя твой лоб пустая бочка,
Но все же ты не Диоген.

Козьма Прутков. (60)

«ЧЕРТОПОЛОХ» [1]

ВОТ ТЕРПЕНИЕ

Во дне, туманною порою,
Когда все блекло по лугам,
С подпорой слабости — клюкою
Я видел мученика дам.
Он взоры к небу устремляет,
Печать страданий на челе.
Никем невидимый во мгле,
Сердечны чувства изливает:

«Когда пройдет мой рок злосчастный:
Когда услышу правды глас?
Когда узрю, бедняк, день ясный,
Не стану слезы лить из глаз?
К кому с растерзанной душою
Прибегну, сирый, под покров?
Когда невинность из оков
Исторгнется и чьей рукой?

Там мать несчастная в терзанье
Живет под кровлею чужой!
Я должен дать ей пропитанье;
А сам — теснимый и больной!..

[1] Издатели почли долгом во всех пьесах не делать ни малейших перемен: слог, орфография и знаки препинания оставлены совершенно неприкосновенными [«Чертополох», СПБ, 1830, стр. 2].

От голода изнемогаю,
Дрожу от стужи — в наготе,
И вместо истинны в суде
Одни лишь горести встречаю...

Ах, нет отрады!.. люди злобны!..
Им часто в помощь слова жаль!
Не умолимы, не преклонны!
У них сердца — как будто сталь'
Судья, от роскоши хладеет;
Беспечно действует умом.
Найдет ли что страдалец в нем,
Когда вздыхать он не умеет?

К тебе, творец, мой вседержитель!
К тебе гонимый вопиет!
Один ты — бог и покровитель!
Приди на помощь! нищь зовет.
В глазах людей ничто тот ближний,
Который бедностью сражен!
Он ими презрен, унижен».
Коль скоро беден... в свете лишний

«Ничьи уста не отверзались!
Сказать: поди, вот на — обед.
И души в них не содрогались,
Куда как тягостно, ничтожно
Смотря на бледно-желтой цвет!
В убожестве в сем мире жить!
Один удел: рабом всех быть
И кланяться рабам их должно!

И так, от бремя увядая,
Спокойно смерти дожидал.
«Прости! страна и мать родная
И сердцу милая!..», сказал!

Вся кровь в нем вдруг остановилась,
Не стало силы у него.
На грудь иссохлую его
Слеза несмытная скатилась!

Настала ночь; он для покою
Зготовил камень в голова;
С подругой верною — тоскою
Прилег уснуть под дерева.

Питомец скорьбей наслаждался
Не больше час приятным сном.
И в ветхом рубище своем
Пошел. Не знаю, где девался.

А. Щ. (61)

Ноябрь, 1826 года.
Г. Орел.

ПЕСЕНКА-ИМПРОМТЮ

петая от сердца в 1770 году и чувствуемая стольже глубоко в 1817 году, в продолжении 47 лет

Без Лизеты прелюбезной!
Живу в участи я слезной,

Куды взор лишь не стремится,
Все досадой становится!

Что до слуху лишь дойдет,
Сердце душу все метет!

Без Лизеты грусть везде!
Без ней нет отрад нигде!

Слава, власть, чины, богатство!
Зеленых садов изрядство!

Блеск палат больших, прелестных!
И лазурь небес чудесных!

Не покоят ум стесненный!
Не легчат дух отегченный!

Без Лизеты все немило!
Без Лизеты все уныло!

Каждой час то ново бремя.
Не бежит, ах гибнет время.

Лягу спать — мука готова!
А встаю, так мучусь снова!

Грусно все, ничто не льстит!
Вздох за вздохом лишь летит!

Ко Лизете дорогой!
С ней остался весь покой.

С ней остались все утехи!
Щастье, радость, сладки смехи!

В ней одной я все имею,
Без ней жить я не умею!

Без дружбы, без любви
Хоть на свете не живи!

А ты, дихтинка моя!
Сердцу милая душа!

После маминьки твоей!
Всей вселенной мне милей. *(Два раза)*

ЧЕРТОПОЛОХЪ,

КАРМАННАЯ КНИЖИЦА

для

ЛЮБИТЕЛЕЙ И ЛЮБИТЕЛЬНИЦЪ

ГАЛИМАТЬИ.

НА XIX. СТОЛѢТІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи А. Плюшара.

1830.

Мне милей!
Мне милей!

(62)

К ДАШЕ

Говорят, что Даша
Очень хороша,
Очень пригожа,
Общества душа,
И я в том согласен.

Как звезда ясна,
Так она прекрасна,
Приятна, любезна,
Весела, прелестна,
Красота природы.

Говорят, что Даша и т. д.

Модна в обхожденьи,
Остра в изреченьи,
Юношей смущенье,
Девиц украшенье,
Честь женского пола.

Говорят, что Даша и т. д.

Глаза голубые,
Локоны густые,
Веселые взоры;
Прекрасны уборы,
Делают прелесной
Ни с чем несравненной,
И я в том согласен.

(63)

МЕЧТЫ

Спешит уж солнце утопать
В морские волны, и лучами
Оно прощается уж с нами...
Мы с ним увидимся опять.
Вот закатилось... след багровый
Еще на Западе горит, —
На черных крыльях ночь спешит,
Одеть весь мир одеждой новой.

У моря здесь волна волну
Как быстро гонит за собою,
Кипит и пенюю седою
Вверх брызжет с шумом на скалу.
Я здесь один на берегу,
Ко мне лишь брызга долетает,
Струею влажной орошает
Мою горящую щеку.

Свои мечтанья я вверяю
Лишь только плещущим волнам,
Скале мохнатой, берегам,
Ах, сладко я, мой друг, мечтаю!..
Как берег стонет от волны,
Так сердце стонет от страданий...
Сопутницы очарований —
Мечты, куда умчались вы?

Я знаю, мчитесь вы куда:
Но труд ваш жалок и напрасен,
Он безрассуден, он ужасен,
Не избежите вы суда!
Раздрать завесу вы хотите,
Сорвать с Природы всей печать,

Постигнуть все... вас удержать
Не в силах я... куда спешите?

Для вас все в мире непонятно:
Кто человек? и от кого?
Кто он? кем создан, для чего?
За гробом что?.. Вам знать приятно!

Вы рветесь, силитесь... напрасно!
Пред вами там густая мгла.
Нет брега морю, бездне дна...
Об этом и мечтать ужасно!

Людям сего не доверяю,
Не только плещущим волнам,
Скале мохнатой, берегам,
Ах, сладко я мой друг мечтаю!
(64)

Одесса. 1830.

ОДА К НАПОЛЕОНУ

Герой убивственный, Наполеон,
Не могший жить на свете без стяжаний
Но где ж тепере он!
Под камнем сим лежит на острове Елене.

А. Ф. Вельтман. (65)

ЭКЛЕКТИКИ, ДИЛЕТАНТЫ И ПОДРАЖАТЕЛИ

(30-е годы)

НАПОЛЕОН

Кто он? Гигант и Атлас новый,
На рамена поднявший свет,
И бросивший его в оковы
Могучей дланию побед?
Кто он? Как конь неистов, тучей
Над миром мчится, громом ржет,
Пыль из ноздрей, как вихрь летучий,
Из уст клубами пена бьет,
От взоров молнии снопами,
Бежит и царства бьет стопами!..
Кто он?

Кто он? Под огненным венцом
Стопы на грудь поставил мира?
Пылает, искрится на нем
Из молний тканая порфира.
Вокруг него рабы рабов
Стоят не живы и не мертвы;
Взор грозный движет тьмы полков.
Десница исчисляет жертвы.
Кто он?

Кто он? Тот вождь непобедимый,
Внимавший хор земных похвал,
Сорвавший с глав их диадимы...

Кто он?.. Не спрашивайте!.. Пал,
Пал гений, славой ведомый,
И смолкли грозы, стихли громы!..
Весь мир облекся тишиной...
И род Адама отдыхает...
И снова плавною струей
Река событий протекает.

А. Ф. Вельтман. (66)

КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ

(«La fontaine de Castali».)

Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горней высоты,
Поящий дол роскошно-злачный,
Кропящий перлами цветы...
В твоих извивах серебристых,
Румянцем девственным горя,
И сыпля купы роз огнистых,
Играет ясная заря...
Когда же солнце воцарится,
Природу светом облечет,
Кристалл твой вспыхнет, загорится
И ярким золотом течет!..
Но ты мила ночной порою:
Ты перлы катишь при луне;
Все тихо, мирно над тобою,
И рощи дремлют в тишине...
Как мученик заботы дневной,
Я прихожу к тебе, ручей,
И утоляю жар душевный
Струей прохладною твоей!..
Пои меня! в ладу я с роком;
Когда тобой упьюся я,

Взыграет дух мой, и потоком
Польется звучно песнь моя!

А. Ф. Вельтман. (67)

[«ЭПИЗОД ЛАМАРТИНА»]

На бреге моря, над стремниной,
Задумчиво склонясь, сидел,
И думу думал и глядел,
Как месяц светит над пучиной.
Печально бледная луна
Меж тем текла по горизонту;
И сыпались лучи по Понту,
Проникнув в глубину до дна...

А. Ф. Вельтман. (68)

* * *

1.

На холме, миртами венчанном,
Где льется шумный водопад;
На ложе роз благоуханном,
Среди приюта Ореад,
Склонился юноша прекрасный
С подругой нежной, пылкой, страстной;
Их чувства вспыхнули, горят,
Душа в блаженстве неги тает!..
И поцелуями порой
Он страстный шопот прерывает,
И душу девы молодой,
Как дивный нектар, испивает!

2.

Вонзив свой ятаган в врага,
Помчался в свой аул Трухменец.
Ночь. Воет ветр, шумит река,

Вдруг слышит он издалека,
Как будто плачущий младенец...

А. Ф. Вельтман. (69)

ВОСПОМИНАНИЕ

Безумства юного бескрылые желанья,
Мечта минувшего, тяжелый думы след,
Мои бывалые, живые бушеванья,
Страстей и призраков давно заглохший цвет,
Обман надежд моих, и славы обольщенья,
Любви, вина и слез живые наслажденья,
Вас нет, давно вас нет!

Грошевиков. (70)

ПОДРАЖАНИЕ СОВРЕМЕННЫМ ЛИРИКАМ

Мне был не страшен жизни холод,
Когда я с ней вдвоем сидел:
Блажен, кто с молоду был молод,
Блажен, кто во-время созрел!

При взгляде девы черноокой
Я был немым ее рабом.
Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.

Но легче призрака Ундины
Она явилась и ушла,
Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела?

И все мне снилась ночь свиданья,
Скалистый берег под луной,
Печальный демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей.

О, сколько новых угрызений,
Рыданий жгучих и тревог!
Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок.

Как обесславленный предатель,
Бродил я с пасмурным лицэм,
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!

Д. Д. Минаев. (71).

РУССКИЙ ГЕЙНЕ

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

Как будто из Гейне.

Помню я тебя ребенком,
Скоро будет сорок лет;
Твой передничек измятый,
Твой затянутый корсет...

Было в нем тебе неловко,
Ты сказала мне тайком:
«Распусти корсет мне сзади;
Не могу я бегать в нем».

Весь исполненный волненья,
Я корсет твой развязал...
Ты со смехом убежала,
Я ж задумчиво стоял.

Козьма Прутков. (72)

* * *

Локтем плотнее мне к локтю прижмись...
В городе грохот и стук...
Вместе со мной перейти торопись
Через проспект, милый друг.
Если же кровный, столичный рысак
Хватит оглоблей нас в лоб,

Крепко обхватим друг друга — и так
Вместе положат нас в гроб.

Д. Д. Минаев. (73)

ИЗ ГЕЙНЕ

Ночь. На море качка.
Убоясь истерик,
Милая рыбачка,
Выдь ко мне на берег.

В вихре непогоды
Пред рыбачкой таю,
Гейне переводы
Нежно ей читаю.

Но она, о горе! —
Стал пред ней, как пень я, —
Вновь пустилась в море,
Испугавшись чтенья.

Н. П. Греков. (74)

СТИХОТВОРЕНИЯ В ГЕЙНЕВСКОМ ДУХЕ

I

(С саркастическим оттенком)

Я верю: меня ты любила,
Да я-то тебя не любил;
Меня ты еще не забыла,
Тебя я давно позабыл.

II

(С оттенком иронии)

Меня ты когда-то любила,
Тогда я тебя не любил;

ГЕЙНЕ. ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Теперь ты меня позабыла —
И что ж? — я тебя не забыл.

III

(Ординарное)

Ты меня любила,
Я тебя любил, —
Ты меня забыла
Я тебя забыл.

Н. Л. Гнут. (75)

БУДТО БЫ ИЗ ГЕЙНЕ

Разуваясь, ходят в небе
Звезды ножками босыми,
Чтоб земля не пробудилась
Под туманами ночными.

Я давно люблю вас, звезды,
И во всем вам подражаю,
И теперь в глубокую полночь
Сапоги с себя снимаю.

Проберусь тихонько к милой
Прямо на ногу босую,
Чтоб во сне не потревожить
Тетку старую, седую.

Ходят звезды-босоножки,
Над землей сны веют кротко,
И в пикет во сне играет
Подозрительная тетка.

Д. Д. Минаев. (76)

ПАРОДИЯ

Темно уж на улице стало,
И хлопьями снег выпадал,
Она у окошка стояла,
А я у калитки стоял.

Закинув свой плащ, на стороже
Я робкие взоры бросал,
Боясь, чтобы дворник, о боже!
Метлою меня не прогнал.

Все было мне как-то неловко,
О чем-то я тяжко вздохнул;
Она мне кивнула головкой,
А я ей рукою махнул.

Н. Ф. Щербина. (77)

ЭКЗОТИКА

ВЕЗДЕ И ВСЕГДА

Где ни бродил с душой унылой,
Как ни текли года, —
Все думу слал к подруге милой
Везде я и всегда.

Везде влачил я, чужд забавам,
Как цепь, свою мечту:
И в Альбионе величавом
И в диком Томбукту;

В Москве при колокольном звоне
Отчизну вновь узрев, —
В иноплеменном Лиссабоне,
Средь португальских дев;

И там, где снится о гяуре
Разбойнику в чалме,
И там, где пляшет в Сингапуре
Индейская альмэ;

И там, где гброда под лавой,
Безмолвствуют дома,
И там, где царствует со славой
Тамеа-меа-ма;

Когда я в вальсе мчался с дамой,
Одетэю в атлас,

Когда пред грозным далай-ламой
Стоял я преклонясь;

Когда летел я в авангарде
На рукопашный бой,
Когда на мрачном Сен-Готарде
Я слушал ветра вой;

Когда я в ложе горе Теклы
Делил, как весь Берлин,
Когда глядел на пламень Геклы,
Задумчив и один;

В странах далеких или близких,
В тревоге тяжких дней,
На берегах Миссисипийских,
На высях Пиреней;

На бурном море без компаса,
В лесу, в ночной поре,
В глухих степях на Чимборасо,
В столице Помаре,

Где ни бродил с душой унылой,
Как ни текли года,
Все думу слал к подруге милой
Везде я и всегда.

Новооткрытый поэт. (78)

№№ 39 и 40.

ИСПАНСКІЙ РОМАНСЪ

[illegible]

Ночь покрыла мракомъ горы,
Весь Мадритъ вкушаетъ сонъ;
Свѣтятъ звѣздъ живыя взоры,
Какъ глаза прелестныхъ доннъ.

Вереницей мрачной, длинной,
Выступаетъ грандовъ строй,
Мѣрнымъ шагомъ, съ мандолиной
Иль съ гитарой подъ рукой.

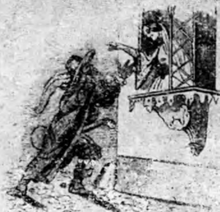
Впереди спѣшитъ, пылая,
Къ дому Клары, Альмадоръ;
Онъ поетъ, струной бряцая,
Сладкозвучный милый вздоръ.

Тамъ, гдѣ стройная платана
Машетъ утромъ подъ окномъ,
У жемчужнаго фонтана,
Плачетъ мелко по [illegible]

И, услышавъ звонъ гитары,
Отворяетъ свой балконъ....
— Это вы, другъ нѣжной Клары?
— Это я — отвѣчалъ онъ.

— Вы одни? — она спросила.
— Я одинъ, — онъ отвѣчалъ.
— Такъ до завтра, другъ мой милый!
— Ахъ, до завтра! — онъ сказалъ.

И онъ, [illegible]
Затворивъ [illegible]
Завернувъ свою [illegible]
Спать уходитъ [illegible]

Испанский романс.

Рис. К. И. Рабуса.

ГИМНЫ И ДУХОВНАЯ ПОЭЗИЯ

* * *

Боже! вина, вина!
Трезвому жизнь скучна,
Пьяному рай!
Жизнь мне прелестную
И неизвестную,
Чашу ж не тесную,
Боже, подай.

Пьянства любителей,
Мира презрителей,
Боже, храни!
Души свободные,
С Вакховой сходные,
Ты помяни!

Чаши высокие
И преширокие,
Боже, храни!
Вина им цельные
И неподдельные;
Вина ж нехмельные
Прочь отжени!

Пиры полуночные,
Зато непорочные,
Боже, спасай!

Студентам гуляющим,
Вино обожающим,
Тебе не мешающим,
Ты не мешай.

Н. М. Языков. (79)

REQUIEM С РУССКОЮ ПАРОДИЕЙ

Покой, о господи, усопших!
Благослови в твоем раю
Людей погибших на бою,
Людей опившихся, утопших
Царей, попов и прихожан!
К тебе молитвы воссылаем.
Тебе и гусли и тимпан,
И ум, и сердце посвящаем.

Услыши, господи, твоих!
Мы теплой верой пламенеем, [1]
Мы не сидим в беседе злых
И после масляной говеем.
Вели, да будут хороши
Дни воскресения святого.
По части сердца и души,
По части пойла и съестного.

Еще вели, о Русской бог!
Да не мрачатся неба своды,
Когда начнут твои народы
Есть куличи и таварог.

(80)

[1] В Петропавловской крепости в Петербурге.
[Примечание в рукописном тексте пародии.]

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ПАРОДИЯ

ѴСТОРІЧЕСКАЯ ЕПІГРАММА

Хвала, мастітый нашъ Зоілъ!..
Когда-то Дмітріевъ бѣсілъ
Тебя счастлівымі струнамі;
Бѣсіл Жуковскій вслѣд за німъ;
Вотъ бѣсітъ Пушкінъ: как любімъ
Ты дальновіднымі Судьбами!
Трі поколѣнія пѣвцовъ,
Тебя, красой своіх вѣнцовъ
В негодованье пріводілі;
Пекісь о здравіі своемъ,
Чтобы подобно первым тремъ
Другіе трі тебя бѣсілі.

Е. А. Баратынский. (*81*)

П О Э Т Ы

В виде эпиграфов в настоящем разделе приводятся отрывки пародируемых произведений.

В. К. ТРЕТЬЯКОВСКИЙ

(1703—1769)

* * *

1. Ну же, Муза, ну, ну, ну,
Натяни свою струну,
Возьми арфу,
Воспой Марфу,
Третьяковскую жену.

2. Стоит древесно,
К стене примкнуто,
Звучит прелестно,
Коль пальцем ткнуто.

3. Императрикс Екатерина, о!
Поехала в Царское Село.

4. Составы, кости трепещут,
И власы глав их клекещут.

(82)

ПЕСНЯ

(Сочинена на голос — «О, место, место драгое»...)

Красоту на вашу смотря распалился, ей! ей!
Изволь меня избавить ты от страсти тем моей!
Бровь твоя меня пронзила, голос кровь зажег,
Мучишь ты меня, Климена, и стрелою сшибла с ног.

Видеть мне тебя есть драго,
О, богиня всей любви!
Только ты мне есть не благо,
Что живешь в моей крови.

Иль ты меня, спесиха слатенька, любезный свет,
Завсегда так презираешь, о! увы! моих злых бед!
Хоть Климена из-под тиха покажи мне склонный вид!
И не делай больше сердцу преобидных ты обид.

Не теряй свою тем младость,
Приклони ко мне себя,
Мысль моя увидит сладость,
Буду жить ся не губя.

А. П. Сумароков. (83)

ВЫВЕСКА

Сим объявляется
И повторяется,

Что римския том перв исторьи Роллена
Да и по русскому — какая о премена! —
В продаже есть на том дворе, где сам толмачь
Живет, что преж сего стихов был русских ткачь:

Дом — краска зелена
В двенадцатой линеи
Покажет, а цена —
Вот вам, о благодеи!

Бумаге на простой рубль пол и гривны три,
На чистой два рубли, кто даст, то и бери.

А. А. Нартов (84).

ОДА 1

Российским солдатам на взятие крепости Очакова сего 1796 года Декабря 6 дня, сочиненная от лица некоего древнего российского пииты.

Аз чудопевец, строгий Пиита,
Красного слова борзой писец,
Сиречь чья стопно мысль гарновита:
Что же бы в рифму? — Русский творец,

Бряцнул на лирке песни похвальны
Ратникам Русским, аки Русак:
Прочь скоротечно мысли печальны!
Вас не изволю слушать никак.

Вот уж тревожно в мрачном жилище
Демоны злые злее стократ!
Или невзгода в татарской пище?
Иль прогоняют злых на Ефрат?

Ну же, о Музе! вспрянь из-под бездны,
Где ты гнездишься двадесят лет;
Пой громогласно песни любезны,
Нуди к России быстрый полет.

Лишь проглаголал — дух оперился,
Стража бесовска! брызь от меня!
Русс филологус сам прибодрился:
Вот уж Пегаса шпорит коня!

Толк — и из ада зрюсь на Лимане...
Кая пречудность там веселит?
Сгибла нежданность, ах! в басурмане;
Втуне весь Тартар с Турком палит.

Втуне затеи: мины, окопы;
Тысяща тысящ что Русачку?
Двинулся грудью в вражески склоны,
Грянул... и жертвы нет кулачку...

Лишь прогласила Екатерина:
Други Российски! пыщется враг:
Все на примету, огнь и пучина,
Стала призраком трудность и страх.

Злоба с зимою, рвение с летом:
Турок замерзнул, Русский в поту.
Приступ единой в сердце нагретэм:
Пхнул... и Очаков бряк под пяту!

Гордый Султане! мрачный владыко!
Что не в причину тако кутил?
Тяль не постигло бедство велико?
Турчу ли ныне Рус не скрутил?

Ну же, быстренько вон из Европы!
С вольною волей мене беды.
Иль тя загонит Русь в Ефиопы!
Ей, преупруглый! жди сей гряды.

С нами ли, Турчи! вам огрызаться?
Праздно набили Шведу вы зоб;
Сей вить изволил лбом показаться:
Что ж приключилось? Шведа же в лоб!..

Русы к примеру всем не приличны
Ратников наших всюду веди:
Неги не знают, к хладу привычны;
Воля их в вере, сила в груди,

Что приудержит нашего воя?
Агнец послушный в гневе, как лев;
Важность Очаков! пышная Троя
(Молвить не красно) — Русскому плев!

Слыши, вселенна, ратников Русских!
Тако вещает каждой солдат:
Нет нам проходов скользких ни узких;
Шаг лишь пошире, Турку и мат!

Страху не знают Русские души,
Кровью готовы лавры купить;
По морю пройдут аки по суши:
С Тавра на Гемус долго ль вступить?

Дело в приказе ... вот и причина!
Матушку нашу словом не тронь,
Отче Никола, мать Катерина!
Вам мы в защиту рады в огонь.

Лихо богине вымолвить слово;
Матка лишь скажет: детки в парад!
Орлики вспорхнут... войско готово!
Глядь, Мусульманин... Русской Царь-Град.

О пресловуты войски Российски!
Брякну стихами вам комплимент:
Вражески грады вам обелиски,
Храбрость и слава ваш есть патент.

Я же пиита певша причина,
С коей наградой! .. сердца спросись!
Слышу в ответе... Екатерина!
Вот мне награда!.. чтя, улыбнись.

Н. П. Николев. (85).

ОДА 2

К премудрой Фелице от старого русского пииты из царства мертвых

Буди преклонна вниманьем, Фелица!
Древний Пиита из ада поет.
Нудит взять лиру твоя мя десница,
Кая блаженство полсвету дает.

Бледная зависть тобой разъяренна,
Вести приносит и в ад о тебе,
Тако вещая: ах! вновь сотворенна
Область Фелицой в щастливой судьбе.

Я ж многогрешный во тартаре тая,
В казнь необычной охоте к стихам;
Слышал до слова, что зависть презлая
Плачно вещала подморным богам.

Весть пресловута, как солнце с востока
Дух мне Пиите согрела тотчас;
Вдруг позабылись все лютости рока,
Перышко в руки, и шмыг на Парнас!

Вот уже время Фелицу воспети;
Лирка погласней струной возгласи!
Ах! при начале ум начал тупети,
Глас како лиры поднять к небеси?

Ну ж, чудопевец! воспой не в примету,
Мать человеков к стихам не строга;
В том Собеседник порукою свету,
В коем и роза, и колки рога,

Се начинаю пребыстрым глаголом
Честной царевне хвалу соплетать,
Кая с оливой владеет престолом,
Кая род смертных родилась спасать.

Кая все пользы постигнувши светски,
В людях не гонит им свойственных чувств;
Мыслить не нудит Татар по-немецки,
Но и Немецких не гонит Искусств.

Кая создавши премудры законы,
К ним добровольно под иго идет;
К коей гонимый без малой препоны
Сердце с прошеньем без страха несет.

Кая народы отвсюд многостечны
В степях прикладных щедротно селит;
Кая проникнув во тайны сердечны,
Слабость с преступком разумно делит.

Кая все веры содержит в терпимстве,
Помня, что общий создатель есть бог;
Жид ли, Русак ли, живи в благочинстве,
Будешь спокоен, лишь знай свой порог.

Кая взирая премудрственным оком
На Европейски кулашны бои,
Видит, как люди в забвеньи жестоком
Выгоды сами теряют свои.

Видит затеи и старого мужа,
Кой и при гробе корыстию полн,
Зрит из средины, как силится лужа
Северных беги осилити волн.

Кая безменом не весит породы,
Знав, что с Адама всяк род свой ведет.

Хоть не колотит долбнею народы,
Ладно однако ж все в царстве идет.

Кая головки за то не отрубит,
К ней что вельможа причелся в свойство;
Или в сибирке того не погубит,
Кто по доносу попал в колдовство.

Знает Царевна и быль и былицу,
Дать на вопросы умеет ответ;
Слушает жука, бобра и лисицу,
Ладит однако ж по-своему свет.

Делай, вельможа, лишь то, что Царевна
Повелевает в законах своих;
Право воскреснет, отрада вседневна
Прежде текущих времян золотых.

Зная, что шутка трудам не помеха,
Зла в балагурстве Фелица не зрит.
Дело будь делом, потехой потеха;
Зависть не шутит, а козни творит.

В рифмах писати нынь не опасно,
Что б кто не збредил, цела голова.
Сердце Царевны без мщения властно,
Злом не считает пустые слова.

Зная, что казнью вралей не убавить,
Как про Богиню Зоил ни болтай,
В вечные снеги его не отправит
Черных куничек искать под шугай.

Знает Фелица и Мурз и Мурзишек;
Знает, кто с толком и кто бестолков;
Видит инова в проказах и лишек,
Видит и хищных приказных волков.

Видит не меньше козла в огороде,
Кой без капусты суда не дает,
Кой все законы толкует в народе
Толком, который ему поднесет.

Кой не страшливо и в самой столице
Лестью забравшись в большой огород,
Чести в прикору и мудрой Фелице,
Жмет и капусты невинной народ.

Что же Царевна не гонит козлища?
Тако вопросно мне Муза речет,
Или невинной для козлика пища?
Дай же Пиита в том Музе ответ.

Люди не пища, а паче с Фелицей,
Козлищам алчным и жадным волкам;
Все истребится премудрой десницей!
Вот тебе Муза ответ по толкам.

Помни, что немощь не лечится сразу,
Скорость в леченьи есть дерзость врача:
Так и Царевна народну заразу
Исподволь гонит, премудро леча.

Ах! вспомянувши старинные лета,
Телемахида как вышла на свет,
Кою премудрость обширного света
(Молвить келейно), ей-ей, не поймет.

Сколько дивиться вдруг станет прилично,
Видя Фелицей прославленный век!
Век, в коем тако предиворазлично,
Дар свой для пользы стремит человек.

О лепомудра богиня Фелица!
Выше делами ты Фебских высот;
Всем неизключно сердцам ты царица,
Сердцем родяся красивей красот.

Око Богини подобно небесно,
Блещет с престола повсюду лучем.
Жить под тобою любовно и честно,
Токи щедротны лиются ко всем!

Древним и новым царям ты корона,
Добрым отрада, злым ужас врагам;
Славой вспрыгнула ты выше Солона,
Подобрался ко самым богам.

Кир ли поспорит в победах с Фелицей?
Тит ли в щедротах ее превзойдет?
Перст лишь поднимет, и Кир с колесницей
Аки мурашка стремглав ниспадет.

Ей невозможно сказати нельстивно,
Царство, что снова ты в свет создала,
В коем народу так распредивно
Знание, разум и душу дала.

Но уж довольно мы, Муза, гремели;
Лирка без ладу, и глас ослабел.
Тыж, о Богиня! мы коей воспели
Мудрость премногу премножества дел.

Взглянь милосердно на сердце Пиита,
Кое подносит (за скудностью жертв)
Оду нельсгивну... ей буди защита!
Вспомни, Богиня, что я уже мертв.

Н. П. Николаев. (86)

СОНЕТ

нарочно сочиненный дурным складом, для показания, что естьли мысль и изрядна, стихи порядочны, рифмы богаты, однако при неискусном, грубом и принужденном сложении, то сочинителю никакова плода, кроме посмешества, не принесет

Вид, богиня, твой всегда очень всем весь нравный,
Уязвляет, оный бы ни видел кто.
Изо всех красот везде он всегда есть славный,
Говорю без лести я предо всеми то.

Всяко се наряд твой есть весь чистоправный
А хотя же твой убор был бы и ничто,
Был однако бы на тебе злату он не равный,
Раз бы Адаманта был драгоценняй сто.

Ти покорный я слуга много и премного,
Пышно хоть одета ты иль хотя убого.
Полюби же ты меня, ах! немного хоть.

Объяви прекрасна бровь о любви своей прямо.
И на час ко мне хотя, о богиня, подь,
Иль позволь прийти к себе поклониться тамо.

А. П. Сумароков. (87)

М. В. ЛОМОНОСОВ

(1711—1755)

ОДЫ ВЗДОРНЫЕ

ОДА 1

Превыше звезд, луны и солнца
В восторге возлетаю нынь:
Из горних областей взираю
На полуночный океан:
С волнами волны там воюют,
Там вихри с вихрями дерутся,
И пену плещут в облака:
Льды вечные стремятся в тучи,
И их угрюмость раздирают
В безмерной ярости своей.

Корабль шумящими горами
Подъемлется на небеса:
Там громы в громы ударяют
И не минуют тишины:
Уста горящих тамо молний
Не упиваются росою,
И опаляют весь лазурь:
Борей замерзлыми руками
Из бездны китов извлекает
И злобно ими в твердь разит.

Возникни, лира, вознесися,
Греми во всех концах земли,
И песнию великолепной
Умножи славу ты мою!
Еол, пусти на волю ветры
И возложи мои ты мысли
На буреносны крылья их!
Помчуся ко всему пространству,
Проникну воздух, небо, море
И востревожу весь Ефир.

Не сплю, но в бодрой я дремоте
И на яву зрю страшный сон:
Нептун из пропасти выходит,
Со влас его валы текут,
Главою небесам касаясь,
Пучины топчет пирамид,
Где только ступит, тамо ров;
Под тяжкою ево пятою,
Свирепы волны раздаются,
Чудовищи ко дну бегут.

Как естьли я того достоин,
Скажи мне, о Сатурнов сын.
Почто оставил ты чертоги
И глубину ревущих вод?
Отверз уста правитель моря,
Стократ сильнее стала буря,
И Океан вострепетал,
Леса и горы затрещали,
Брега морские затряслися,
И устрашился сам Зевес.

Твоею лирой насладиться
Я вышел из пучинных недр:

Поставь Фебанские ты стены
На мрачных северных брегах:
Твои великолепны песни
Подобны песням Амфиона;
Не медли, зижди новый град
И украси храм музам пышно,
Мусией, бисером и златом:
Он рек: и скрылся в бездне вод.

А. П. Сумароков. (88)

ОДА 2

Гром, молнии и вечны льдины,
Моря и озера шумят,
Везувий мещет из средины
В подсолночну горящий ад,
С востока вечна дым восходит,
Ужасны облака возводит
И тьмою кроет горизонт,
Ефес горит, Дамаск пылает,
Тремя Цербер гортаньми лает,
Средьземный возжигает понт.

Стремглав Персеполь упадает,
Подобно яко Фаетон,
Нептун державу покидает,
И в бездне извергает трон,
Гиганты руки возвышают,
Богов жилище разрушают,
Разят горами в твердь небес,
Борей озлясь ревет и стонет,
Япония в пучине тонет,
Дерется с Гидрой Геркулес.

Претяжкою ступил ногою
На Пико яростный Титан,

И, поскользнувшися, другою
Во грозный льдистый Океан:
Ногами он лишь только в мире,
Главу скрывает он в Ефире,
Касаясь ею небесам.
Весь рот я Музы разеваю,
И столько хитро воспеваю,
Что песни не пойму я сам.

А. П. Сумароков. (89)

ОДА 3

Среди зимы, в часы мороза,
Когда во мне вся стынет кровь,
Хочу твою воспети,. Роза,
С Зефиром сладкую любовь.
В верхах Парнасских быстры реки,
Цветов царицу вы навеки,
Взнесите шумно в небеса;
Стремитесь мысленные взоры
На многие Парнасски горы,
Моря, внимайте, и леса.

Стесненна грудь моя трепещет,
Вселенная дрожит теперь.
Гигант на небо горы мещет,
К Юпитеру отверсти дверь;
Кавказ на Етну становится:
В сей час со громом гром сразится:
От ада помрачится свет:
Крылатый конь перед богами,
Своими бурными ногами
В сей час ударит в вечный лед.

Пекин горит и Рим пылает,
О светской славы суета!
Троянски стены огнь терзает:
О, вы ужасные места!
Нынь вся вселенна загорелась,
Вспылала только, лишь затлелась,
Всю землю покрывает дым;
Нарцисс любуется собою,
Так, Роза, как Зефир тобою:
Пылай великолепный Рим!

Мятутся ныне все планеты,
И льва пресильного рукой
Свергаются с небес кометы:
Премены ждал и кто такой?
Великий Аполлон мятется,
Что лира в руки отдается,
Орфею Амфиону нынь:
Леса, сей песнью наслаждайтесь,
Высоки стены, созидайтесь
В ефире лед извечный синь.

В безоблачной стране несуся,
Напившись Ипокренских вод,
И их напившися, трясуся.
Производитель громких од!
Ослабли гордыя нинь ямбы,
Ослабли пышны дитирамбы;
О Бахус, ты ль награда мне?
Орфей, ты больше не трясися:
Возникни, Муза, вознесися,
Греми в безоблачной стране!

Род смертных, Пиндара высока,
Стремится подражать мой дух.

От запада и от востока
Лечу на север и на юг
И громогласно восклицаю,
Луну и солнце проницаю,
Взлетаю до предельных звезд;
В одну минуту восхищаюсь,
В одну минуту возвращаюсь
До самых преисподних мест.

Там вижу грозного Плутона,
Во мраке мрачный вижу взор:
Узрев меня, бежит он с трона,
А я тогда вспеваю вздор,
Из ада вижу Италию,
Кастильски воды, Остъиндию,
Амур реку и вечный лед.
Прощай, Плутонова держава:
О вечный лед, моя ты слава!
Ты мне всего милей, мой свет.

Трава зеленою рукою
Покрыла многие места,
Заря багряною ногою
Выводит новые лета.
Вы, тучи, с тучами спирайтесь,
Во громы, громы, ударяйтесь,
Борей, на воздухе шуми,
Пройду нутр горный и вершину,
В морскую свергнуся пучину,
Возникни, Муза, и греми.

О Роза! я пою мятежно:
Согласия в сей оде нет:
Целуйся ты с Зефиром нежно;
Но помни то, что я Поэт;

Как естьли ты сие забудешь,
Ты ввек злодейкой будешь;
Не стану я хвалить тебя;
А кто Поэта раздражает,
Велико войско воружает
Против нещастного себя.

А. П. Сумароков. (90)

А. П. СУМАРОКОВ

(1718—1777)

Вы все свидетели моих
безбожных дел.
Того противна дня, как ты на
трон взошел,
Тех пагубных минут, как честь
я потеряла,
И на супружню смерть не
тронута взирала.

Женился Блез, старик без мочи,
На Стелле, что в пятнадцать лет,
И, не дождавшись первой ночи,
Закашлявшись, оставил свет.
Тут Стелла бедная вздыхала,
Что на супружню смерть не тронута взирала.

М. В. Ломоносов. (91)

ВЫВЕСКА

Под камнем сим лежит Фирс
Фирсович Гомер,
Который, вознесясь ученьем
выше мер,
Великого воспеть монарха
устремился,
Отважился, дерзнул, запел —
и осрамился:
Дела он обещал воспеть велика
мужа;
Он к морю вел чтеца,
а вылилася лужа.

Терентий здесь живет Облаевич Цербер,
Который обругал подъячих выше мер,

Кощунствовать своим «Опекуном» стремился,
Отважился, дерзнул, зевнул и подавился:
Хулил он, наконец, дела почтенна мужа,
Чтоб сей из моря стал ему подобна лужа.

Г. Р. Державин. (92)

ПРИТЧА

Свинья в лисьей коже.

Осел, одетый в кожу львову,
Надев основу,
Гордиться стал,
И будто Геркулес под оною блистал
Ворчал
Мычал
Рычал
Кричал
На всех сердился:
Великий Александр толико не гордился...

Надела на себя свинья
Лисицы кожу,
Кривила рожу,
Моргала,
Гащила длинный хвост, и как лиса ступала;
И так во всем она с лисицей сходна стала.
Догадки лишь одной лисе недостает:
Натура смысла всем свиньям не подает.
Но где могла свинья лисицы кожу взять.
Не трудно то сказать.
Лисица всем зверям подобно умирает,
Когда она себе найтить где есть не знает.
От глада и людей на свете много мрут,
А паче те, кто врут.

Таким от рока суд бывает:
Он хлеб их отъимает,
И путь их ко вранью тем вечно пресекает.
В народе сем везде пошла свинья бродить
И стала всех бранить.
Лисицам всем прямым ругаясь говорила:
Натура де меня одну лисой родила,
А вы де все ноги не стоите моей,
Затем что родились от подлых вы свиней.
Теперя в гости я сидеть ко льву сбираюсь,
Лишь с ним я повидаюсь,
Ему я буду друг.
Не делая услуг.
Он будет сам стоять, а я у него лягу.
Неужто он меня так примет, как бродягу?
Дорогою свинья вела с собою речь:
«Не думаю, чтоб лев позволил мне там лечь,
Где все пред ним стоят знатнейши света звери;
Однако в те же двери
И я к нему войду.
Я стану перед ним, как знатный зверь, в виду».
Пришла пред льва свинья и милости просила,
Хоть тварь была подла, но много говорила,
Однако все врала,
И с глупости она ослом льва назвала.
Не вшел тем лев
Во гнев.
С презреньем на нее он глядя, рассмеялся,
И так ей говорил:
«Я мало бы тужил
Когда б с тобой, свинья, вовек я не видался;
Тотчас узнал то я,
Что ты — свинья,
Так тщетно тщилась ты лисою подбегать,
Чтоб врать.
Родился я во свет не для свиных поклонов;

Я не страшуся громов,
Нет в свете сем того, чтоб мой смутило дух.
Была б ты не свинья,
Так знала бы, кто я,
И знала б, обо мне какой свет носит слух».
Свинье не удалось: пред львом не полежала,
Пошла домой с стыдом, но идучи роптала,
Ворчала,
Мычала,
Кричала,
Визжала,
И в ярость и себя стократно проклинала;
Потом сказала:
«Зачем меня несло со львами спознаваться,
Когда мне рок велел в грязи всегда валяться».

М. В. Ломоносов. (93)

И. П. ЕЛАГИН

(1725—1794)

ВОЗРАЖЕНИЕ, ИЛИ ПРЕВРАЩЕННЫЙ ПЕТИМЕТР

Открытель таинства любовные нам лиры
Творец преславные и пышные Семиры...

Открытель таинства поносные нам лиры,
Творец негодные и глупые сатиры,
Из дрязгу рождшейся Химеры глупой сын,
Наперсник всех вралей, российский Афросин,
Гонитель щеголей, подборник петиметров,
Рушитель истины, защитник нижних ветров.
Скажи мне, кто тебя сим вздорам научил,
Которы свету ты недавно предложил.
Когда я сложенный тобою вздор читаю,
В нем враки, пустоту и глупость обретаю,
И вижу, что ты, их слагая, не потел,
Без принуждения ты врал все, что хотел,
Всей силой тщился ты то свету показать,
Что сам Штивельн[и]ус не может так соврать.
О, горька часть твоя, — я вижу то и сам;
Напрасно объявил ты о себе тот срам,
Что ты по горнице раз сто вкруг обойдешь,
А рифмы ни одной под стулом не найдешь.
Тогда орудие писателей невинно —
Несчастное перо с сердцов грызешь бесчинно.
Ссылаюсь на тебя — ты можешь сам признаться,
Возмог ли б кто тогда от смеху удержаться,
Увидя то, как ты по горнице вертишься,

Засыпан табаком, ко всем углам кружишься;
Бумаги стопы три в один день замарал —
И ни одной строки умно не написал,
И только глупые сатиры вымышляешь,
Которыми себя лишь больше всех ругаешь.
А петиметров ты напрасно осудил:
Скажи мне: одного тебя глупей кто б был.
Когда гнушаешься сравнить ты их с собою,
Зачем позволил им смеяться над тобою.
Иль мнишь, что их ты сам чем можешь обругать,
Когда ты все начнешь наряды их считать.
Нет, верь, что будет в том тщетна твоя утеха,
Потей хоть кровию, не будет в том успеха.
Хотя ты сто еще таких сатир наврешь,
Спасения себе ты мало в них найдешь;
А только тем себя ты больше остыдишь,
Что глупости твоей ты в них не утаишь;
Совет тебе даю их больше не ругать,
Остаться, как ты был, и врать переставать.
Опомнись, что ты сам птиметром быть желаешь,
Да больше где занять ты денег уж не знаешь.
Так всех теперь, мой друг, в покое оставляй,
Свояков ты забудь и век не вспоминай;
Известно то уж всем, что знал ты и до брака,
Что будешь ты иметь и сам в ту ночь свояка
И будешь вотчим слыть, на девушке женясь,
Или отец княжне, сам будучи не князь.
Горациевых сил напрасно не желай,
Но кто умней тебя — ты тем то оставляй;
Немецких авторов без нужд не защищай,
Не в них одних ты всю премудрость полагай,
Парнасского писца для бога не замай;
Стократ умней тебя — его не задирай;
Когда ж не хочешь ты меня послушать в том,
То знай, что прослывешь повсюду дураком.

(94)

В. П. ПЕТРОВ

(1736—1799)

ДИФИРАМБ ПЕГАСУ

Мой дух, коль хочет быти славен,
Остави прежний низкий стих!
Он был естествен, прост и плавен,
Но хладен, сух, бессилен, тих!
Гремите, Музы, сладко, красно,
Великолепно, велегласно!
Стремись, Пегас, под небеса:
Дави ефирными брегами,
И бурными попри ногами,
Моря и горы и леса!

Атлан горит, Кавказ пылает
Восторгом жара моего,
Везувий ток огня ссылает:
Геенна льется из него:
Борей от молнии дымится,
От пепла твердь и солнце тмится:
От грома в гром, удар в удар:
Плутон во мраке черном тонет,
Гигант под тяжкой Етной стонет,
На вечный лютый льдах пожар —

Тела в песке лежащи сером
Проснулись от огромных снов:
Пентезился с Агасфером:
Выходят бодро из гробов,

И более они не дремлят,
Но бдя музыки ревы внемлят:
Встал Сиф, Сим, Хам, Ник, Кир, Рем, Ян:
Цербера песнь изобразилась:
Луна с светилом дня сразилась,
И льется крови Окиян.

Киплю, горю, потею, таю,
Отторженный от низких дум:
Пегасу лавры соплетаю,
С пресерьем напрягая ум.
Пегас летит, как вешний бурка,
И удивляет Перса, Турка:
Дивится Хинец, Готтентот:
Чудится Гюр, герой Индеян.
До пят весь перлами одеян,
Разинув весь геройский рот.

Храпит Пегас и пенит губы,
И вихрь выходит из-под бедр:
Открыл свои Гермесски зубы.
И гриву раздувает ветр;
Ржет конь, и вся земля трепещет,
И луч его подковы блещет:
Повергլись горы, стонет лес.
Воздвиглась сильна буря в Понте:
Встал треск и блеск на горизонте,
Дрожит Самсон и Геркулес.

Во восхищении глубоком
Вознесся к дну морских я вод,
И в упоении высоком
Низвергся я в небесный свод,
И быстротечно мчася вскоре,
Зрюсь купно в небе я и в море;
Но скрылся конь от встречных глаз;

Куда герой крылатый скрылся?
Не в дальних ли звездах зарылся?
В подземных пропастях Пегас.

И тамо, где еще безвестны
Восходы Феба и Зари,
Ни коему коню не вместны,
Себе поставил олтари:
Во мраке непрестанной тени
Металлы пали на колени,
Пред холкой движного коня:
Плутон от ярости скрежещет,
С главы венец сапфирный мещет
И ужасается стеня.

Плутон остался на престоле,
Пегас взлетел на Геликон:
Не скоро вскочит он оттоле:
Реку лежанья пьет там он,
О конь, о конь Пиндароносный,
Пиитам многим тигрозлосный,
Подвижнейший в ристаньи игр!
По путешествии обширном,
При восклицании всемирном,
Да здравствует пернатый тигр.

А. П. Сумароков. (95)

Д. И. ХВОСТОВ

(1757—1835)

1. КРЫЛОВСКИЙ ХВОСТОВ

1. ПАУК И ГРОМ

Перед окном
Был дом,
Ударил гром,
И со стены паук
Вдруг стук.
Упал, лежит,
Разинул рот, оскалил зубы
И шопотом сквозь губы
Вот что кричит:
Когда б ослом
Я создан был Зевесом,
Ходил бы лесом,
Меня бы гром,
Тряся окном,
И дом
Со стены не мог стряхнуть.

2. ОСЕЛ И ЗАЯЦ

Осел не птица.
Он не горазд летать.

Однакож для него не в первый раз хвастáть,
Мычать
И род зверей все уверять,
Что молодец и он летать,
Что он под облака взовьется, как синица,
Или царица
Орлица
А заяц тут: «Ну, ну-т-ка полети!
Ах, ты косой трусиха!»
Осел рычит: «Летаю как Орлица,
Но не хочу!» — «Пожалуй, захоти!»
Так мудро заяц отвечает,
Осел бежит, скакает,
И в яму — хлоп!
Не суйся в ризы, коль не поп!

3. КОМАР И ВОЛК

Комар
Жил у татар
Иль у казар.
Вдруг волк
К ним в двери толк.
Давай кричать
И комара кусать.
Комар испугался,
На печку забрался.
Тут волк ему:
«С печи тебя стяну!»
А тот: «Нет, не достанешь,
Устанешь,
Отстанешь!»
А волк
Вдруг скок
К нему тут на полати,
Да вот его и проглотил,

А сам таков и был.
И мне пришло сказать тут кстати,
Что так бывает со робкими во рати.
Что сильный слабого изволит жрати
Недавно погубил.

И. А. Крылов. (96)

2. АРЗАМАССКИЙ ХВОСТОВ

* * *

Се росска Флакка зрак! Се, тот, кто, как и он,
Выспрь быстро, как птиц царь, нес звук на Геликон.
Се лик од, притч творца, муз чтителя Свистова,
Кой поле испестрил российска красна слова!

В. А. Жуковский, Д. В. Дашков, А. Ф. Воейков и А. И. Тургенев. (97)

ЭПИГРАФЫ ИЗ СОЧИНЕНИЙ ГР. ХВОСТОВА

Я в царстве притченном так, как пчела, летаю,
Ослу в рот не вложи разумны разговоры,
Ни филину, сове не дай прекрасны взоры.

(Поэма. Притчи гр. Хвостова).

Уверь, что звери все перед моим крыльцом.

(Из той же поэмы и того же гр. Хвостова.)

Не вздумай по небу кататься на ослах.

(Все из той же поэмы и того же гр. Хвостова.)

Словесность на верхи кремнистых гор взлетает.

(Из послания о пользе словесности гр. Хвостова.)

Иные, разум весь включая в сладость уха,
Не требуют в стихах ни вымысла, ни духа.

(Гр. Хвостов.)

Однако неоспоримо то, что притчи есть род самостоятельный.

(Из примечаний гр. Хвостова к посланиям гр. X.).

Итак, писатель оные [притчи] необходимо должен погрузить свое перо в совершенную естественность.

(Гр. Хвостов.)

Кому противно что,
Тому, конечно, то
Не надо ни на что.

(Притча „Мышь и Орехи“ гр. Хвостова.)

Как хочешь, так кусай и злися,
Но только не воняй.

(Гр. Хвостов.)

Павлиным гласом петь толико не способно,
Как розами клопу запахнуть неудобно.

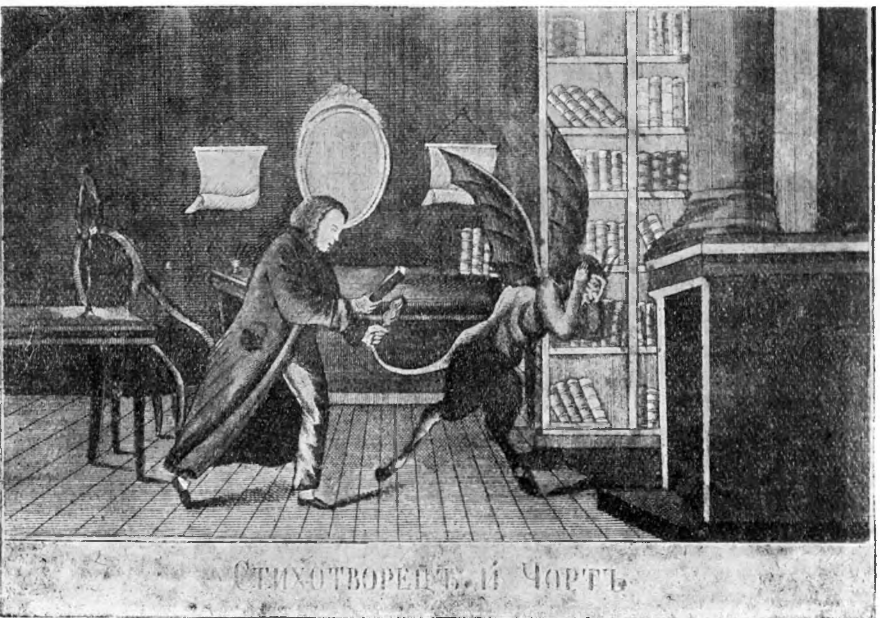
(Притча Дмитрия Хвостова из „Собеседника Любителей Российского слова“ 1875 г).

ПОСВЯЩЕНИЕ ПРИ СЛЕДУЮЩИХ ПРИТЧАХ

Непринужденный баснослов,
Люблю я твой язык скотов:
Он прост, щеголеват и сладок,
Парнасса нашего ты приподнял упадок,
И с елисейских нив
К тебе наш Лафонтен, твой мастер,
Друг Сумароков Муз кричит: не будь ленив:
От ран словесности ты будь надежный пластырь.
Очисти вкус:
Скажи невеждам ты и школьникам Парнасса,
Что тыква, что арбуз,
И чтоб за нектар нам не выдавали кваса.
Услышь и ты мою мольбу:
Не дую я в трубу,
Не посажен я Музой в славной шайке,
А так бренчу
На балалайке.
И сам себе я только по плечу.
Но ты, мой меценат, взгляни на эти притчи,
В них, может быть, найдешь ты много дичи,
Но на себя пеняй: я б их не написал,
Когда тебя бы не читал.

1. СОБАКА

Лягавая в болоте
Увязла на охоте
И думает себе: ну, если б был здесь мост,
Я б прямо пробежала
И со стыдом бы здесь в грязи не утопала,
Не грызли б мне лягушки хвост.
Хоть у собаки ум и прост,
Но в этом случае не так-то глупо судит.
Вдруг издали плывет бревно
Одно.
Оно
Надежду на душе лягавой тотчас будит.

Карикатура на гр. Д. И. Хвостова.

(Из собрания Гос. Исторического музея в Москве.)

Воспроизводится впервые.

Великой аргумент: авось,
И говорит себе лягавая: небось.
Приблизилась к бревну и вот уж поровнялась.
Собака кое-как вдруг на него взобралась
И села попросту верхом.
Потом
Собака сделалась гребцом,
Гребет, гребет не веслами, ногами,
И не поет, как вечерами
Поют матросы на Неве
Иль матушке-Москве,
А просто лает,
Но к берегу однак счастливо приплывает.

Учитель лучший нам — нужда.
Приди беда,
И всякая собака
Не хуже Телемака.

2. МЫШЬ

В стране, где пенится Иртыш,
Жила и проживала мышь,
А может быть и крыса.
Она, как баба Василиса,
Все веселилася, не думая о том,
Что может быть придет ей встретиться с котом.
А кот зверек известной,
И с рыла, и с хвоста премилой, препрелестной.
А попадись ему, так будет тесно.
Мяучет кот,
А мышь пищит и прыгая идет
Коту навстречу.
Кот мышку сжал четою лап
И в миг ее он цап-царап.

Смысл басенки моей я вам, друзья, замечу:
Мы здесь живем,
К бедам плывем;
Рок — кот, мужчина — крыса;
А баба всякая такая ж Василиса.

3. ОСЕЛ

Осел мясистой, вислоухой,
Тащася по полю, раз повстречался с мухой
«Здорово, брат!»
«Сеструшечка, здорово!»
На наш живут и звери лад:
Поклон, привет на случай, все готово;
Не замешайся тут, не то,
Ни братом, ни сестрой, никто.
Но далее пойти, и смысл нам будет ясен,
В толк быль возьмем и быль под рожей басен.
Идут,
Ползут;
Но мухе
Ей ведь все в труд;
Соскучилась и вдруг взлетела — и на ухе
У осла,
Как королева прилегла.
Осел ей говорит: «Послушай, ты воструха,
Ну, вон с уха,
Я не носилки для тебя».
А муха говорит: «Не слушаюся я».
И впрямь, что сделаешь с бедою неминучей.
Хоть тяжело, сердись — так будет круче;
Ты лучше потерпи. И мой осел,
Поосердяся,
Пораскричася,
Но муху на ночлег легохонько привел.

4. ТАНЦОВЩИК

Один Гишпанец
Вел вечно танец;
И день и ночь
Кувыркается, пляшет
Глазами, головой, рукою, брюхом,
И с полу не отходит прочь,
Во всю трясется мочь.
Народ глядит и говорит: бесовщик.
Неправда, он простой танцовщик.
Ты говоришь ему о братьях, о куме,
О Римских чудесах, о Вавилонском саде,
А у него фанданго на уме.
Народ глядит и говорит: в разладе
Гишпанской ум.
Напрасен шум.
Гишпанец не дурак, Гишпанец не безбожник,
Он на свой вкус художник.

О, люди, люди, вы
Гишпанцы все, увы.
Мы все, коль рассудить, живем без головы.
Гишпанцу танцы,
Солдату ранцы,
Скупцу рубли,
Завоевателю клочок земли,
Любовнику приятны глазки —
Не те же ли Гишпански пляски.

5. ОБЖОРСТВО

Один француз
Жевал арбуз:
Француз, хоть и маркиз французский,
Но жалует вкус русский,

И сладкое глотать он не весьма ленив.
Мужик, вскочивши на осину,
За обе щеки драл рябину,
Иль, попросту сказать, российский чернослив,
Знать, он в любви был не счастлив.
Осел, увидя то, ослины лупит взоры
И лает: воры, воры.
Но наш француз
С рожденья не был трус;
Мужик же тот не пешка,
И на ослину часть не выпало орешка.

Здесь в притче кроется толикий узл на вкус:
Что госпожа ослица,
Хоть с лаю надорвись, не будет ввек лисица.

6. ДОЖДЬ

Однажды
Шел дождик дважды.
А если дождь идет, то знают, что мокро,
Промокнет и ребро.
Но здесь не в этом дело,
И притчено мое перо
Изобразить не то усердие имело.
Гласит мужик:
«О Зевс велик!
Подчас и я не прочь, чтоб дождик шел на время,
Но если два дождя, то уж несносно бремя».
Зевес ему в ответ на то гремит:
«Послушай, брат, ты жид.
Но христианин будь, спроси лягушек племя,
Я зрю, что мочится твое плешиво темя;
Но зрю, что и с засух у них спина болит».

Когда б Зевесу внять, что вопиют Немчурки,

Французы, Итальянцы, Турки,
Пришлось ему играть бы в жмурки.

7. ОХОТНИК И ПЛОТНИК

В одном лесу гулял охотник,
Тут был и плотник,
Иль если правильней сказать, то дровосек.
Но нет беды. Ведь он такой же человек.
Читатели простят, я не грамматик,
А просто баснослов-лунатик.
К тому ж, с кем Муза здесь дружна,
Тот знает, что подчас нам рифма солона,
Горька, как редька.
Поэт, коль рассудить, бессчастный право Федька.
Но ба, ба! имянной указ,
Такого-то числа и году
От Феба Пиндскому народу:
Нам делать не велит отводу,
А просто продолжать начатый раз
Рассказ
Сейчас.
Мой милостивый Феб! Прости, вперед не буду.
И твой приказ я
Не забуду.
Воротимся ж в свой лес,
Где встретим мы своих повес,
Один из них в овчинной бурке
Был с топором,
Другой в зеленой куртке
С ружьем.
Один пилит себе спокойно елку,
Другой, на ней завидя перепелку,
Кричит: «Постой,
Негодник злой!
Ты видишь, я здесь забавляюсь

И сам стрелять на елку попускаюсь,
Дороже топора ружье».
А тот мужик хоть неучтивый,
Но смыслом справедливый
Сказал ему: «Вранье!
Я здесь дрова рублю отцу на новоселье.
Я дело делаю, а ты безделье».

Читатели мои!
Как чванство гордое ни чванься, ни сопи,
Полезному всегда забава уступи.

8. ЛИСИЦА, ВОЛК И МЕДВЕДЬ

Лисица съела петуха.
Иль попросту дала дурашке треуха.
Лисицу господин чиновник,
Лесной полковник,
Зубастой волк,
Ногою толк;
Тут свиснул в ухо,
А там безмолствуя себе запрятал в брюхо.
Лисице сухо;
Наш волк насытившись гордится впопыхах;
Но из лесу медведь, и — волк наш в дураках.
Медведю волк наш приглянулся,
И он еще и не очнулся,
А в рот уж чебурах,
И мой бедняк лежит в медвежьих кишках.

У сильных слабые в тисках.

9. ПРОСВИРНЯ И ШОРНИК

В каком-то городе французском,
А может быть и в прусском,

До географии ведь в баснях дела нет,
С соседкой жил сосед,
Как брат с сестрою мирно.
Он шорник был, она была просвирней;
Да, кажется, и как им доходить до при
Или до ссоры.
Один работал шоры,
Другая просвиры.
Вдруг, вышед из домов до утренней зари,
На улице они нашли копейку;
А в свете сплошь
Цари ведут войну за грош.
Вот бросились они на медную злодейку.
Просвирня вдруг кричит:
«Копейка мне принадлежит»,
А шорник,
Задорник,
Кричит: «Нет мне!»
Дошло до драки;
Дерутся, как собаки,
Как Турки на войне.
Тут будочник, услыша крики
И вопли дики,
Пришел,
Взял деньги,
И в съезжую моих соседов он повел,
Его без сапогов, ее без кеньги.

Отец Зевес,
Чтоб люди не дремали,
А иногда себя щипали,
Пустил на землю интерес.

10. КОНЧИНА КОРОВЫ

У мужика корова,
Как бык была здорова,

И ест, и пьет.
И долг природе свой день каждый отдает,
Иль, говоря по-русски:
Давать и творогу и сливок на закуски
Ничуть не устает.
Корова не заморска птица,
Но делать молоко ужасна мастерица.
В коровушке своей души не знал мужик,
То есть до молока охотник он велик;
Ведь у людей все внутренние части
Корыстолюбия во власти.
Но вдруг
Коровушку мою сразил недуг:
Ей не взлюбился луг,
Стал лоб нахмурен;
Она худа, бледна,
И цвет в лице стал дурен,
И голова дурна.
Бывало, светлый глаз: днесь без светильни плошка;
Корова-здоровяк — ни дать ни взять
Ободранная кошка.
Мужик ревет не час, не два, не пять,
Ревет он целы сутки;
Для мужика
Без молока
Приходит не до шутки.
Но, как ни плачь, но как скотинушки ни жаль —
Ее отправь хоть в госпиталь.
На вопль хозяина сбежались из деревни
Матроны древни;
Весь бабий факультет
К больной приходит на совет.
Та говорит: «В корове сперлись спазмы,
Ее бы в ванну посадить».
Другая: «Может быть, в коровушке миазмы;
Не худо прилепить

Ей шпанску муху
К уху».
А третия: «Поверьте мне, легко
В корове разлилось, быть может молоко».
Четвертая: «Чтобы больной помочь здоровью,
Привейте оспу ей коровью».
Тут мысль был класть всяк лих
И лезет в Эскулапы.
Корова между тем, крестом сложивши лапы,
Вздохнула раз, другой, и нет ее в живых.

Такие ж у нас бывают штуки,
И каждый, щедрый на совет,
Доит корову в обе руки,
И все корове пользы нет.
(98)

П. И. ШАЛИКОВ

(1768—1852)

Любовь у Душеньки в плену
любви была,
А Душеньку душа его произ-
вела.
Что ж был он для сердец?..
Пусть сердце отвечает
Тому, кто истинным талантам
цену знает.

ПАРОДИЯ

Любовь любовию пленилась
И с Душенькой соединилась,
А эта Душенька от душечки родилась,
И сердце наконец
Без сердца для сердец
Их связно связь изобразило.
Читатель! Что ж бы это было?
Кто отгадал? спрошу вас я:
Галиматья!

И. И. Дмитриев. (99)

И. И. ДМИТРИЕВ

(1760—1837)

1. РАВНОВЕСИЕ

Сын севера! суров и хладен твой климат:
Ужасны льды твои: но счастлив ты стократ.

О, мирный селянин! в твоем жилище нет
Ни злата, ни сребра; но ты счастлив стократно;
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

2. УДЕЛ ГЕНИЯ

Что мне зима? сказал подснежник, ранний цвет:
Пускай ее страшатся розы.

Змея увидела подснежник, ранний цвет,
И ядом облила прелестное растенье.
Так гений, наглости завистника предмет,
Страдает без вины и терпит угнетенье.

3. ВЕРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

«Пройдет ли мой недуг» — Лев у осла спросил.
Осел ответствовал: «О, царь сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был:
Два раза два — четыре».

4. СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажги другую — что ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

5. МСТИТЕЛЬНОСТЬ

Обиду мстя, Пчела
В обидчика вонзила жало.
«И возгордилася?» Нимало:
На язве умерла.

Пчела ужалила медведя в лоб.
Она за соты мстить обидчику желала;
Но что же? умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет? — гроб.

6. НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ

При пятом льве медведь за правду лев из кожи,
Вол вдабривал поля и был неутомим.

«Познай, светлейший лев, смятения вину, —
Рек слон: — в народе бунт! повсюду шум и клики!»
«Смирятся, — лев сказал, — лишь гривой я тряхну!
Опасность не страшна для мощного владыки».

7. СИЛА И СЛАБОСТЬ

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
Страшатся щуки крокодила;
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей:
Всегда имеет верх над слабостию Сила.

8. ЛЕБЕДЬ И ГУСЬ

Над Лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но Лебедь вымылся и снова белым стал —
Что делать, если кто замаран? Умываться.

9. МАРТЫШКА

Мартышка с нежностью дитя свое любя,
Без отдыха его ласкала, тормошила;
И что же? наконец, в объятьях задушила —
Мать слабая! Поэт, остереги себя.

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! на старости побереги себя!

10. ОБЩАЯ СУДЬБА

Во ржи был Василек прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И, наконец, увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел.

11. БЕЗВРЕДНАЯ ССОРА

За кость поссорились Собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

12. ЗАКОН ПРИРОДЫ

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А Волк злодействовал в пасущемся народе:
Он кровожаден был, — Фиалочка мила:
Всяк следует своей природе.

А. С. Пушкин и Н. М. Языков. (100)

АПОЛОГИ

Во храме жертвенник преступника скрывал.
«Как?» Правосудие вопило раздраженно.

1

Стучат в окно. «Кто тут?» хозяин вопрошает.
— Я Слава. — «А с тобой?» — Порок. — «Прошу простить
«Не Слава ты: Порок со Славой не бывает».
Кто зол, кто сплетник, тот не может славен быть.

Простой цветочек, дикой,
Нечаянно попал в один пучок с гвоздикой.

2

Лавровый лист один на ветке старой был,
Забытый от других, и вдруг зашевелился;
Шел мальчик, слышит шум, сорвал и погубил.
Молчать бы листику, он лучше б сохранился.

Н. А. Полевой. (101)

Н. Ф. КОШАНСКИЙ

(1781—1831)

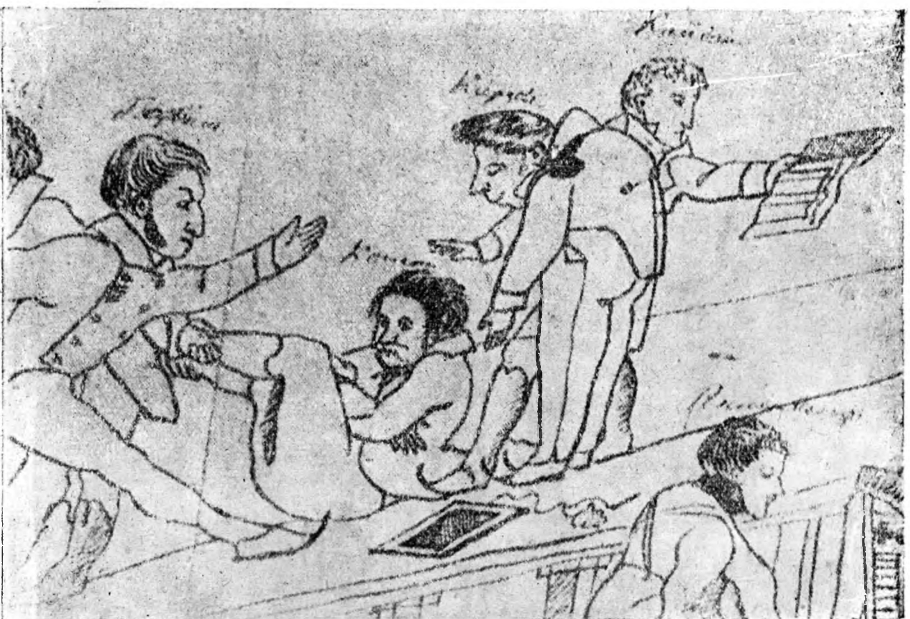
НА СМЕРТЬ КУЧЕРА АГАФОНА

> **На смерть гр. О[жаровской]й.**
>
> *Ни прелесть, ни краса, ни радость юных лет,*
> *Ни пламень нежного супруга,*
> *Ни сиротство детей, едва узревших свет,*
> *Ни слезы не спасли от тяжкого недуга.*
> *И Ож[аровск]ой нет.*
> . . . .
> *Умолкло все с тобой. Эроты слезы льют;*
> *Супруг и грации венки на урну вьют,*
> *И, оросив свой прах слезою,*
> *«Почий, — вещают, — мир с тобою».*

Ни рыжая брада, ни радость старых лет,
Ни дряхлая твоя супруга,
Ни кони не спасли от тяжкого недуга...
И Агафона нет!
Потух, как от копыт огонь во мраке ночи,
Как ржанье звучное усталого коня...
О небо! со слезой к тебе подъемлю очи,
И, бренный, не могу не попросить тебя:
Ужель не вечно нам вожжами править можно,

И счастие в вине напрасно находить.
Иль лучшим кучерам жить в мире лучшем должно,
А нам с худыми быть!
Увы! не будешь ты потряхивать вожжою,
Не будешь лошадей бить плетью своей,
И, усом шевеля, по-русски их бранить;
Уже не станешь ты и по воду ходить.
Глас молодецкий не прольется,
И путник от тебя уж не зажмет ушей,
И при сияньи фонарей
Уж глас форейтора тебе не отзовется,
И, ах! Кузьминишна сквозь слез не улыбнется.
Умолкло все с тобой. Кухарки слезы льют,
Супруга конюхи венки из сена вьют,
Глася отшедшему к покою:
Когда ты умер — чорт с тобою.

А. А. Дельвиг. (102)

Н. Ф. Кошанский.
Карикатура А. Д. Илличевского

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

(1779—1831)

ПАЮСНАЯ ИКРА

Басня

Пьяница.

Пьянюшкин, отставной квар-
тальный,
Советник титулярный,
Исправно насандалив нос,
В худой шинелишке, зимой,
в большой мороз,
По улице шел утром и шатался.
Навстречу кум ему, кассир
Петров, попался.
«Мое почтение!» — А, здрав-
ствуй,
Емельян Архипович! да ты,
брат, видно,
Уже позавтракал! . .

«Икра, икра мешечная!» — Икра,
Сюда, на гривну. — «Тотчас, разом». —
Вот и купил икры. Идет разносчик с квасом.
— Что? — «Кислы щи». — Давай. — «Ба, что это Петра
Петровича, мне кажется, встречаю».
— Вы ль, Сидор Сидорыч. А я не замечаю,
Да ем себе икру . . . — «Ну, что же, в добрый час,
Извольте кушать на здоровье;
Но только вот одно условье;
Со мной бутылочку распить; оставьте квас».

— И впрямь, пойдем-ка; с икорки
Так пить мне хочется. — Разносчики все зорки,
Притом назойливы: «Велели квасу вы, —
Сказал разнощик: — не хотите
Вы квасу выкушать, так просто заплатите».
— Как, чорт тебя возьми... — «О, нет! Из головы
Извольте выкинуть учтивые приветы,
Не то — в полицию потребуют ответы».
— Как! — тот с досадою вскричал —
Ступай, пока не протолкал...
«Меня? Вот как не так!» — Да что ты, плут, пристал,
Ступай своей дорогой; вздоры,
Чтоб я тебе платил, бездельник, шельма, плут. —
«Как плут?» — Ну, шумные настали разговоры;
Ан, глядь: квартальные идут,
И в дело тотчас завязались:
Тут брань посыпалась; свидетели сыскались;
Бесчестия Квартальный запросил,
И — за икру наш Петр Петрович заплатил
Рублей почти что сто.

Я эту баснь сложил
Для вас, красавицы. Умильным, милым взглядом
Как паюсной икрой приманите вы нас,
И думаешь: так, вздор, пособит жажде квас:
Стишки в альбом, вздохну... А смотришь — целым адом,
Как Сидор Сидорыч, появится к нам страсть...
Избави бог страстей, избави от Квартальных,
От тех и от других, сердитых и нахальных.
Ну, долго ли пропасть!

А. Селедкин. (103)

П. А. КАТЕНИН

ГРОБ ЮНОШИ

(1792—1853)

Древо весною цвело, и буря его преломила;
Сетуют вкруг поселяне: «Погибла надежда плода»...

Роза цвела и поля украшала, и взор веселила;
Буря измяла цветок: он погиб для взора. О, смертный!
Жизнь есть цветок, и смерть его мнет — так все на свете.

М. Анакреонов. (104)

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

(1792—1878)

В АЛЬБОМ Б. П. Г. Д. Х—ВОЙ

Слезы

...Слезы, что пробивались,
Позабыты мной.
...Слезы, что отсели
На сердечном дне,
К язвам прикипели
Ржавчиной во мне.

П. Вяземский.

Поэзия! Ты запах розы!..

Гафиз или Сади.[1]

Зачем мне с розовой тетрадкой
Знакомишь чувств язык былой?
Он позабыт — скажу украдкой —
И пахнет истиной гнилой;
На дно лишь сердца мне запало
Две дюжины горячих слез,
И те от сердца оторвали:
Их альманачный бес унес!
Вертя и путая словами,
Как Перуинскими узлами,
Прошу их нюхать, не читать.
Простите! Выдохлись немного —
Но мне позвольте, ради бога,
Скорей в Газету их отдать.

Шольц-Андреев. (105)

[1] Второй эпиграф в тексте пародии.

П. А. Вяземский. (Рис. К. Н. Батюшкова.)

(Под портретом рукой Батюшкова подписано: «Без образа лицо». Слова Жуковского из стих. «Славянка».)

В АЛЬБОМ КНЯГ. Ф. Ф. Б. Г. Д.

При возвращении долго задержанного Альбома

Твои заслуживая пени,
Безмолвствую перед тобой.

Могу ль твои взыскательные пени
Стихом в альбом не выкупить подчас!
Могу ль досуг моей болтливой лени
Не превратить в альбомный твой запас.
Когда твой ум, играя прихотливо,
Всех бьет с носка, куда мне спрятать нос.
Пусть нос иной торчит в стихах хвастливо,
Не груз ума я в твой альбом принес:
Я проберусь по нитке до иголки [1]
И чопорной здесь рифмой поверчу;
Участьем чувств куплю ума обломки.
Пусть шутки спесь, когда не по плечу
Ей светлый ум, красивый и лощеный,
О брус глупцов, и вялых и смешных,
В передних бар, обритый, расфранченный,
Чтоб пыль в глаза пускать из слов пустых,
Топорщится индейкою бесхвостой...
Но нет: зачем мне спесь их шевелить.
И без того в смеси альбом пестрой
Твой ум умел их пустошь разучить.
И что за толк. Какой же бестолковой,
Когда с тобой паркетом полетит,
Под скрип смычков в кадрили ловкой, новой,
Как Аруэт с тобой не говорит.
В уме его и в мыслях недочета
Пойду ль искать, когда весь свет без счета
Пустился в ум помешанным глупцом,

[1] Намек на стихотворение Вяземского: «Всяк на свой покрой».

И, шалости играя костылем,
Манит к себе расчетом безрасчетным,
А глупости прощает лишь за ум.
Но пусть меня проклячет он бесчестным,
Я связь ума поверю наобум,
Где гнется ум с спиною в крюк единый
И гнет других, там гнут его опять.
И, перегнув его сгибают вспять,
Раскинувши на глупости притины.
И так... Еще сравнение одно
К стихам моим, как к месяцу пятно:
Так попугай крикливый, без умолка,
Без милости одно и то ж твердит,
Когда пугнуть без смысла и без толка;
Так рифмой ум, коверкаясь, кричит.
Телегою немазаной с раската,
По улицам бессмыслицы катя,
Так ты умом, беспечное дитя,
На прихоти сердечные богата.

Шолье-Андреев. (106)

ЭПИГРАММА

Какими нас морил несносными стихами
Вчерашний день Оргон! со скуки я дремал.
Уж на небе видна была луна с звездами
А он... все солнце призывал.

Поэт Оргон вдруг выдумкой задорной
На лад попал и начал сочинять:
Чуть хитрый бес, ловя на мысли вздорной
Его тянул на рифму козырять,
Запоем рифм страдая без пробуда,
Их наш Оргон стаканом заливал;

Но ждал ли он неслыханного чуда.
Вино в стихах он в воду превращал.

Шолье-Андреев. (107)

ИГОЛКИ

Портных у нас в столице много,
Шьют равной, кажется, иглой...

Клит вздумал на мои стихи
Рецензии встопорщить колки,
Но под веселые грехи
Ему не подточить иголки.
Как на иголках, ходит он,
Пером своим скрипя без толку:
Хоть журналист, да видно он —
Ума не проглотил иголку.

Ума шалливого пример,
Иголкой смеха и сатиры,
Фернейский плут, старик Вольтер,
Ронял тяжелые кумиры;
Под дудку шута-старика,
Хоть не хотелось, все плясали,
Не то — иголкою тычка
Он даст и — поминай как звали.

У всякого своя игла,
И всякий шьет своим манером:
Охота Клима забрала
Прослыть в поэзии Вольтером;
Но едкой критики иглой
Его истыкали без счета,

Он поперхнулся остротой —
Торчит бывало Фирс, томленный

В передних знати, на иглах,
Торчит бывало Фирс томленный.
Как в недоумочных статьях
Торчит студент недоученный.
Теперь с иголок Фирс сошел.
Хотя не прибыло в нем толку,
Наш Фирс чиновный стал осел,
И — проглотил ума иголку.

Что Клим? Не русская игла,
В нем только русская обделка:
У Музы Климовой была
Заемная с Депрео сделка;
Вольтера страшно он щечил,
В чужое смело нарядился;
Теперь язык он прикусил —
Иголкой критик подавился.

Эпилог.

Пусть поэтических глупцов
Веселая разбесит шутка;
Иголкой шутки проколов,
Я шью их ниткою рассудка.
Сатиры смелою иглой
Не в бровь, а прямо в глаз им мечу,
И пред смеющейся толпой
Я их иголкою увечу.

Шолье-Андреев. (108)

В ГОСТЯХ И ДОМА

Николай!
Как Опай
Заторчит пред тобой,
Поклонись ты ему,
Изувеченному
В поединке с грозой

О, поэт!
Ты атлет,
Брат Гомера родной!
И в кафе, на софе,
Наслаждаясь тобой,
Скрыта мудрость веков:
В них Талмуд, Алкоран.
Tu es beau, tu es grand,
Гарибальди стихов!
Ты из скал
Высекал
Каждый стих, каждый штрих;
Штрихберг, Вимс, Тишер, Фаль —
Вся скалистая шваль
Отражается в них!
Как Олай,
Извергай
Бурных рифм водопад,
И прельстишь весь Париж,
Как прельщал
Киссинген и Карлсбад!

В. С. Курочкин. (109)

В. А. ЖУКОВСКИЙ

(1783—1852)

Старый рыцарь

Он был весной своей
В земле обетованной,
И много славных дней
Провел в тревоге бранной.
Там ветку от святой
Оливы оторвал он;
На шлем железный свой
Ту ветку навязал он.
С неверным он врагом,
Носяту ветку, бился,
И с нею в отчий дом
Прославлен возвратился...

(1832 г.)

Он был в краю святом,
На холмах Палестины;
Стальной его шелом
Иссекли сарацины.

Понес он в край святой
Цветущие ланиты —
Вернулся он домой,
Плешивый и избитый.

Неверных он громил
Обеими руками,
Ни жен их не щадил,
Ни малых с стариками.

Встречаясь с ним подчас,
Смущалися красотки:
Он их ласкал не раз,
Перебирая четки.

Вернулся он в свой дом
Без славы и без злата;
Глядит: детей содом,
Жена его брюхата.

Пришибло старика...

М. Ю. Лермонтов. (110)

1833—34

***

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если то же случится
И с нашей хижиной?

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит мысль: что, если это проза,
Да и дурная?..

А. С. Пушкин. (111)

ПОСЛАНИЕ К БАТЮШКОВУ

Уединение

Там ландыши перловы
Там розовы кусты,
Тюльпан, нарцисс душистой.
И тубероза — чистой
Эмблема красоты,
С раскошным анемоном.

Дружись, о друг, с мечтой.
Таинственный покой

Сопутствует нам с нею;
И Грация-печаль,
И сумрачная даль,
И будущность зарею
С ней будут нам сиять! —
Дни мирны ублажать
Души и чувств прельщеньем,
Как легким сновиденьем...

. . . .

И мрачных мыслей сын
С мечтою не один:
Он преплывает море
Туманных, бурных дум,
От коих взор и ум
Смущеньем цепенеют

. . . .

Ах! скоро ли приспеют
Те дни, златой тот час,
Когда любовь отрадой
Появится для нас
С надеждою-усладой?

. . . .

Как обновленный свет
Собой украсит роза?
Гвоздика, милый цвет,
Тюльпан и тубероза
Узорчатым ковром
Блеснут пред томным взором?

. . . .

Как чистых Муз собором
Восторженный в эфир,
Я беспредельный мир
Слию с непостижимым?

. . . .

Дотоль, рука с рукой,
Мы по стезям незримым

— 21 —

МЩЕНІЕ.

Рисунки К. И. Рабуса къ балладѣ Жуковскаго

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Мщение.

Баллада.

Рис. К. И. Рабуса.

Спешим, о друг! с тобой
К бессмертью в бесконечность!
А там! — награда... вечность!

А. С. Грибоедов. (112)

БАЛЛАДА

Пел бессмертный славну Трою,
Пел родных Приама чад,
Пел Ахилла, жадна к бою,
Пел Елены милый взгляд;
Но чувствительность слезами
Излила глаза певца.
Ах, мы любим не глазами, —
Для любви у нас сердца;
И бессмертный под сетями
У бессмертного слепца.

Фиалкин. (113)

КНИЖНАЯ ЛАВКА

Элегия

Сельское кладбище
Элегия

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой,
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

Последний солнца луч сверкает за горою,
Повсюду шум глухой запоров и ключей,
Из лавок, погребов, медлительной стопою,
Идут за самовар купцы к семье своей.

Здесь мрачно!.. книг ряды прилавки отягчают
И в смертной тишине на полках предстоят,
Громады свертков, кип поллавки занимают,
И под прилавками безмолвные лежат...

Лишь изредка с высот, под потолок взнесенный,
Огромный фолиант, от смелого толчка
(Котом-отшельником, иль крысой потрясенный)
Летит — и падает измятый с высока!..

Под сводом каменным сей лавки погребенны
Романы, повести, поэм обширный ряд.
Здесь проза русская, стихи переведенны —
Забытые, в пыли сном безрассудным спят!

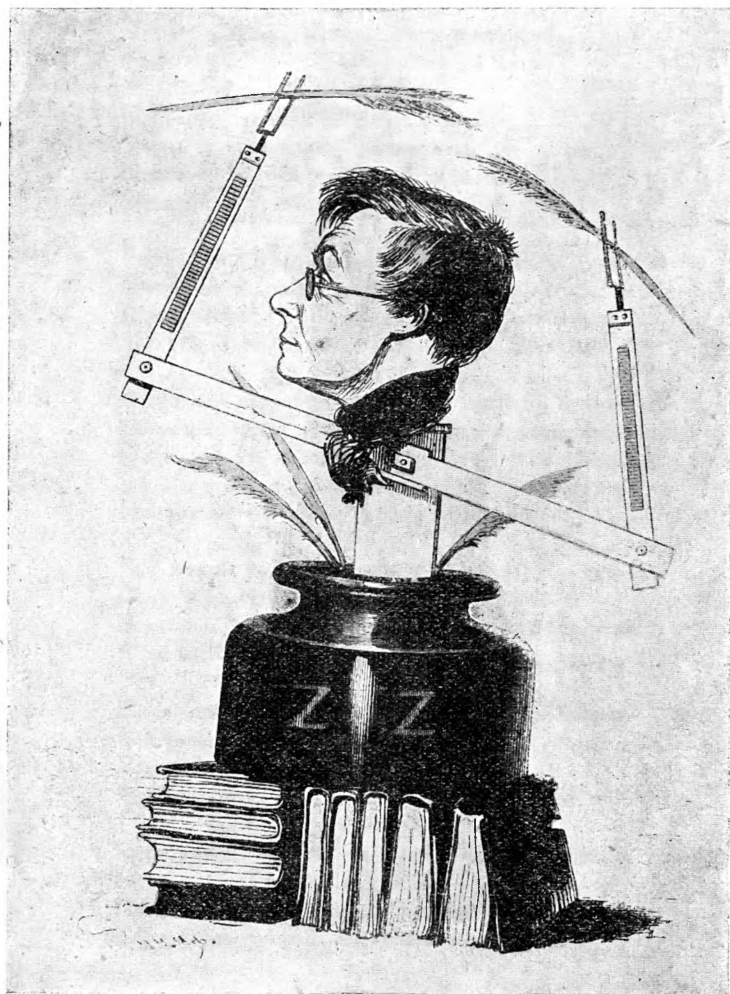
Журналов грозна брань, сердитые посланья,
Ни клик, ни похвалы, ни даже едкость слов,
Ни рецензента суд, награды ожиданья —
Ничто не воскресит забытых мертвецов...

О славе будущей, о похвалах мечтая,
Не будут их творцы, как милых чад, хвалить,
Число листов и вес творенья исчисляя,
Читаньем бедняков зевающих морить.

Пусть гордый Аристарх их жребий презирает,
Смеясь заброшенным на снедь червей трудам,
Пускай немногим он бессмертье обещает —
И Летскою водой кропит по чердакам.

На всех ярится смерть!.. как Ливия Декады,
Сопутница веков — так всех она пожнет,
И Тасса, и творцов Георгик, Лузияды,
Равно в гроб вечного забвения сведет!

А вы, Горацием и Буало прельщенны!
Зачем же спящих здесь спешите презирать,

Н. А. Полевой.

Рис. В. Ф. Тимма.

Что в мрак невежества и в глупость облеченны,
Едва родясь, они стремились умирать?

Напрасно гении, как будто полубоги
Умом, по правилам бессмертны быть хотят;
Вотще бегут они от общей всем дороги —
Всемощные судьбы они не отвратят...

Ужель забвение, смягчаясь похвалою,
Омара дерзкого добычу возвратит?
Греми, Гомер!.. клянусь поэмою большою:
Лет тысяч через пять — ты будешь позабыт!

А что для вечности пять тысяч лет, иль боле —
Не все ль одно, что миг?.. Здесь в лавке все равны:
Один шед малый путь, другой прошед подоле
На полках все равно в пыли погребены!

Кто знает, может быть, вот здесь в углу таится
Прах оды громкие, способной рассмешить —
И старых книг жилец, червь тонкий шевелится
В поэме, что в пример дурачеств может быть!

Бесславным славиться в потомках отдаленных,
Сей рок, блестящий рок им не был обречен,
Увы, безвестности цепями отягченных,
Листы и переплет, мышам достались в плен.

Быть может, сверток од, галиматьи образчик.
Паук в сетях своих от зорких глаз заткал;
Быть может с рыбою или с икрой приказчик,
Полтома глупостей из лавки растаскал..

Быть может новая, в стихах Телемахида,
Для скуки — золото, для вкуса — смертный враг,

Памела новая, Дейдамия, Таврида
Иль новый Миромонд погребены здесь в прах!

Греметь на севере бессмыслия главою
И пол-отечества — заставить задремать,
Затмить и Бавия и Мевия собою
И скукой много лет читателей терзать —

Не многим рок судил!.. но, вместе с сочиненьем
Он, с их погибелью, преграды положил —
Скрывая лавки в мрак и поразив истленьем,
В провинциях вводить вкус глупый запретил.

Забывши долг родства, приличия и чести,
От дедовских стихов заставить нас зевать
И за творением, печатным в две, в три дести,
Давно умершего заставить проклинать.

Скрываясь от мирских, погибельных волнений,
Смешали в свой черед современных они,
И сонмище невежд, в восторгах наслаждений,
Читали — даже их хвалили целы дни.

И вот!.. всему конец... Здесь лавка, как могила,
Здесь тлеет переплет и проза, и стихи:
Бумага на себе чуть образ сохранила —
О! воздохнем об них: здесь Авторски грехи!

Любовь родительска их в переплет сокрыла,
Бумажкой, папкою и кожей облекла,
Златыми буквами титул изобразила,
С надеждой гордою на полки вознесла.

И кто же, написав, печатать удержался?
Кто оду, песню, басню забвенью сам отдал?
Кто выслушать себя другим не навязался
И прозу и стихи спокойно изорвал?

Ах, нет... поэт умрет, стихов не покидая!..
На смертный одр глядит — и стопы бьет рукой.
Он уморить готов, трагедию читая,
Он вечно смел и горд, доволен сам собой!

В овощной лавке он, на проданны пудами,
Свои творения глядит одушевлен;
Печатный тащит лист, замаранный сельдями;
«Мои стихи!» кричит, восторгом вспламенен.

А вы, певцы, друзья, на чердаках сидящи!
И ваш ударит час, последний, роковой —
Мелькнет немного лет — и, будто тень, бродящий
Придет, друзья, придет дрожащею стопой.

Помещик, дворянин Зарайска иль Тамбова,
Зайдет к Ширяеву, к Заикину, к другим,
Иль спросит может быть и в лавке Глазунова:
«Чья кипа там стихов, и с именем каким?»

Увы! купец-злодей, качая головою,
Так будет сельскому пришельцу говорить:
«Прозябший вмале плод ты видишь пред собою,
Стнхи умершие творцов, готовых жить.

«Мы часто видим их: толпою говорливой
Приходят к нам они, толкуют о стихах,
И только в горести беспечной, молчаливой —
Сидит обруганный журналами чудак.

«Нередко к вечеру, скитаяся за нами,
Они приходят к нам чай с ромом, с водкой пить
Продать трагедию, помучить нас стихами,
О переводе вновь романа говорить...

«Но часто — нет следов!.. День целый не явится..
Когда ж поэт к тебе дня два не приходил,
Тогда — беда!.. его ты должен опасаться —
Он бешенством стихов два дня измучен был.

«Но слышишь шум?.. беги от встречи с чудаками!
Беги, спасай себя от прозы и стихов!
Узнают, окружат, зарежут, как ножами, —
Ты в грусти проклянешь и Феба — и певцов».

Н. А. Полевой. (114)

КАРП ПАНТЕЛЕИЧ И СТЕПАНИДА КОНДРАТЬЕВНА

(Поэма в индийском вкусе)

(Пародия на поэму Жуковского «Наль и Дамаянти»)

1

Жил был красавец, по имени Карп, Пантелея
Старого сын, обладатель деревни Сопелок
(Турово тож); трехаршинного роста детина,
Толстый и красный, как грозды калины созрелой —
Ягоды сочной, но горькой, имел исполинскую силу,
Так что в Сопелках героя, подобного Карпу,
Не было, нет и не будет; между мужиками
Он сиял, как сияет солнце между звездами.
Раз на рогатину принял медведя, а волка,
Жива и здрава, однажды в село притащил за полено;[1]
Храбро смотрел на широкое горло ведерной бутыли,
Кашей набитый бурдюк поглощал как мельчайшую птичку
Крепкий мышцею, емкий гортанью, прекрасного пола
Первый в Сопелках прельститель. . . . .
. . . .

---

[1] Хвост волка — у охотников называется поленом.

. . . Таков-то
Карп Пантелеевич был. Но, к несчастью, и слабость
Также имел он великую: в карты играть был безмерно
Страстен. — В это же время владел Вахрушовым обширным
Пенкин, Кондратий Степаныч, весьма благодушный и плотный мужчина.
Долго бездетен он был и обет произнес пред судьбою.

. . . .

Только б судьбы всеблагие его наградили
Сладким родительским счастьем, — и небо ему даровало
Трех сыновей и дочь. Сыновья назывались: первый
Сидор, Федор другой, и Венедикт третий; а имя
Дочери было дано Степанида. Мальчики были
Тощи и желты; звездой красоты расцвела Степанида.
Прелесть ее прошла по губернии чудной молвою.
Горничных-девок и баб окруженная роем, как будто
Свежим венком, сияла меж них Степанида, сияла
Будто малина в крапиве. Не только в уезде,
Даже в губернии самой, где лучшие жены
Очи чаруют, подобной красы не видали:
Прелесть ее могла привлечь и губернских надменных,
Гордых чиновников в город уездный и даже
В скромный приют деревенский.

. . . .

А. А. Некрасов. (115).

А. С. ПУШКИН

(1799—1837)

***

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Гляжу я безмолвно на белый султан,
И душу терзает любовь и обман.

Когда еще с куклой играла моей,
В то время не знала печальных я дней.

Мадам Крок и няня ласкали меня;
Но долго ль невесте до черного дня?

Едва миновало семнадцатый год,
Ко мне постучался коварный Эрот.

«Брось куклу, — шепнул он, — красотка моя,
Тебе приготовил гусара уж я».

Невинной малютке подал он конфет.
Я кликнула няню к себе на совет.

Мы вышли: я к другу летела пешком.
И щеки пылали невинным огнем.

Пушкин и Хвостова.

(Карикатура 20-х гг. прошлого столетия)

Вхожу я поспешно на двор роковой
И вижу — коляска стоит четверней.

И тотчас выходит Гусар на крыльцо
И смотрит невинной мне прямо в лицо.

И скрылся в коляску, не медлив, из глаз,
Уехал и мчится злодей на Кавказ.

Несчастная шляпа упала с него:
Я шляпу ночами топтала его,

И с гневом исторгла султан роковой,
Безмолвно заткнула за гребень я свой.

Слезами омыла обратный я путь,
И, чаю напившись, легла я заснуть.

Меня разбудила вечерняя мгла.
Несчастную шляпу со стенки сняла.

Гляжу я безмолвно на белый султан,
И душу терзает любовь и обман.

N. (116)

ПОЭТ

(Посвящено Ф. Ф. Мотылькову)

Самовластительный губитель
Забав и доблестей своих,
То добрый гений, то мучитель,
Мертвец средь радостей земных
И гость веселый на кладбище,
Поэт! скажи мне: где жилище,
Где дом твой, дивный чародей?
Небрежной лирою своей
Ты нас то мучишь, то терзаешь,
То радуешь, то веселишь;

К ногам порока упадаешь,
Добро презрением даришь;
То над неопытною девой,
Как старый грешник, шутишь ты
И тратишь дикие мечты.

. . . .

Скажи: зачем твои сомненья,
Твои безумные волненья,
Зачем в тебе порок и зло
Блестящим даром облекло
Судьбы счастливой заблужденье?
Зачсм в тебе, сует дитя,
Вползли, вгнездилися пороки:
Лжи, лести, низости уроки
Ты проповедуешь шутя?
С твоим божественным искусством
Зачем, презренной славы льстец,
Зачем предательским ты чувством
Мрачишь лавровый свой венец?»
Так говорила чернь слепая,
Поэту дивному внимая;
Он гордеdroбливо посмотрел
На вопль и клики черни дикой,
Не дорожа ее уликой,
Как юный, бодрственный орел,
Ударил в струны золотые,
С земли далеко улетел,
В передней у вельможи сел,
И песни дивные, живые
В восторге радости запел.

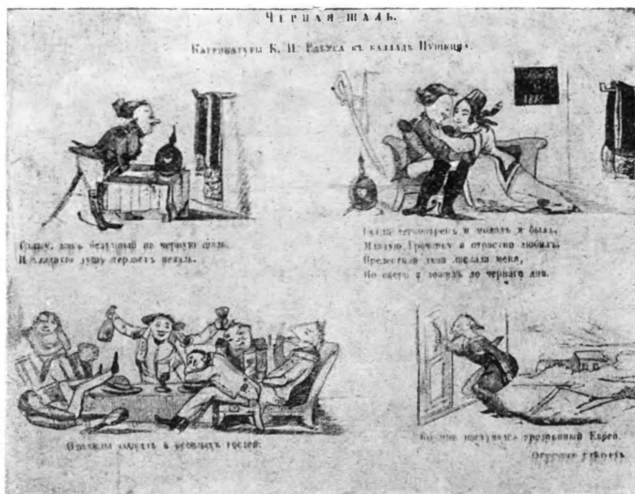
Бессмыслов. (117)

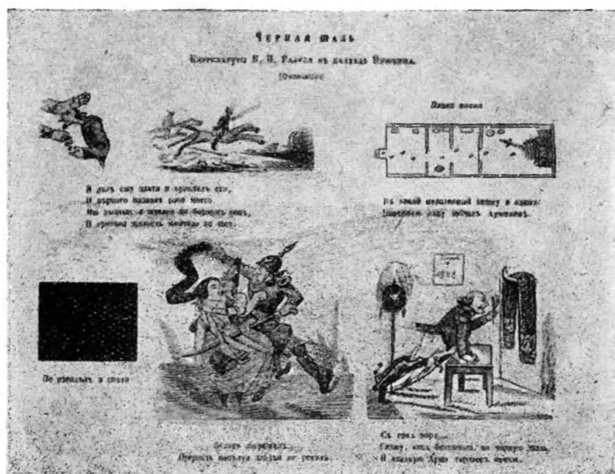
СПБ. 1832.

ЭПИГРАММА

(на голос: «Мое собранье насекомых»)

На ниве бедной и бесплодной
Российской прозы и стихов

Черная шаль.

Рис. К. И. Рабуса.

Я, сын Поэзии холодной,
Вам набрал травок и цветов;
В тиски хохочущей сатиры
Я их ногтями положил,
И резким звуком смелой лиры
Их описал и иссушил.
Вот Чайльд-Гарольдия смешная,
Вот Дидеротия блажная,
Вот Русской белены семья,
Царей Ливонии удалой,
И Финский наш Чертополох,
И мак Германии завялый,
И древних Эллинов горох.
Все, все рядком в моих листочках
Разложено, положено,
И эпиграммы в легких строчках
На смех другим облечено.

Обезьянинов. (118)

***

Вот сердца горестных замет,
Ума холодных наблюдений,
Незрелых и увядших лет,
Бессонниц легких вдохновений
Небрежный плод. Моих забав,
Простонародных, идеальных,
Полусмешных, полупечальных —
Прими собранье пестрых глав,
Ну! Так и быть — рукой пристрастной,
Высоких душ и простоты,
Поэзии живой и ясной,
Святой исполненной мечты,
Достойнее души прекрасной,
Залог достойнее тебя,
Хотел бы я тебе представить,

Вниманье дружбы возлюбя,
Не мысля гордый свет забавить...

Н. А. Полевой. (119)

В те дни, когда мне были новы...
Я мелким бесом извивался...

ПРИЗНАНИЕ

Из мирной кельи бес лукавый
Меня на Пинд переманил...
Грешить нет духу, нету сил;
А чорт дразнил, дразнил все славой,
И что ж? Ведь, право, искусил.
Я вновь стихи писать пустился,
Присел к столу, перекрестился,
Пишу... ан смыслу вовсе нет!
Досадую; а бес смеется
И над ушами все ревет,
Что дело как мое нейдет,
А без вина не обойдется.—
Увы, друзья! Ведь демон прав,
Хоть он и чорен и лукав.

Фома Пищалкин. (120)

К МОЕЙ МЕЧТЕ

Не покидай души унылой,
Любви прелестная мечта!
Ей утешительно, ей мило
С тобой, летуньей легкокрылой,
Летать в минувшие лета —
Сует волнение земное,
Веселье юности пустое —
Ее не отягчают сил;

Быт жизни скудный и ненастный
Давно, давно он ей постыл,
Как стынет кровь в груди несчастной,
И лишь с тобой, мечта, ей мил
Существованья путь опасный.

. . . .

Еще горю!.. О красота,
О идеал мой совершенный,
Нет! нет — души моей забвенной
Не покидай любви мечта.

Африкан Желтодомов. (121)

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «КУРБСКИЙ»

(Песнь III)

XIII

. . . . Сказал, и вот
Кипит народ нетерпеливый:
«Где он? Где он? Зачем нейдешь?
Зачем?..» Но шум толпы крикливой
Умолк. С узорчатых высот
Кремля, святого по преданью,
И по молве, и по сказанью
О чудесах былых времен,
Валит народ со всех сторон.
На место Лобное, где казни
Вельможа гордый учреждал,
Где прежде ужас неприязни
Он сам на плахе испытал...

«Нет, нет, — рекла святая дева, —
Ты не погибнешь от меча.
От царского спасу я гнева
И от секиры палача.
Чрез монастырь, чрез переходы,

Чрез подземелья проведу,
И — двинешь ты его народы
Ему на гибель и беду»...
Умолкла. С тайною тоскою
На деву юноша глядел;
Ведомый милою рукою,
Он холодел, он пламенел,
Он забывал свои обеты,
Он забывал свою судьбу,
И тайные любви приметы
Искал. . . . .

И. Пустоцветов. (122)

А. А. ДЕЛЬВИГ

(1798—1831)

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Мой суженый, мой ряженый,
Услышь меня, спаси меня!
Я в третью ночь, в последнюю,
Я в вещем сне пришла к тебе!

По улице, по улице
  Мятелица, мятелица,
Наш дед седой, старик лихой,
  Не женится, не женится.
Пришел, принес подарки он:
  Жемчуг драгой, золот перстень,
На грудь мою, на белую,
  Цепочки с камнем яхонтом.
Принес старик, сказал старик:
  «Люби меня, красавица.
В моем ларце, в моей казне
  Есть много злата, серебра».
— В твоей груди, старик седой,
  Не высохло ль ретивое?
Тебя любить — красу губить.
  Ступай домой, живи с казной,
Наш дед седой, старик лихой.
  Пошел старик, побрел старик,
Разгневался, нахмурился.
  Сердечный друг, мой суженый,

Пришел ко мне в высок терем,
Без яхонта, без яхонтов;
Прижал меня к сердечушку —
Кипит оно, стучит оно,
Как будто в душу просится...
Нет злата, нет и серебра,
Да счастье есть, да радость есть.

Феокритов. (123)

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Голова ль моя, головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, к плечу могучему.

Ой! вы кудри, кудри черные.
Нет, не виться вам попрежнему,
По-бывалому, по-старому.
Не расчесывать шелковые
Моей девице-красавице

Воля, воля молодецкая,
Ты умчалась, не воротишься
К добру молодцу, к удалому.
По лугам цветы не стелются,
Когда воют вьюги зимние...

Где ты, девица-красавица,
Ты кудрей моих потворщица,
С гребнем кованым, серебряным,
С поцелуем уст малиновых,
Светлым небом в голубых глазах.

Где ты, воля молодецкая,
Где вы, юноши разгульные,

С криком буйным светлой младости?
Я женился, я состарился,
И — в сырой земле товарищи.

Феокритов. (124)

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Поэт

Ветр бушует по полям;
Полно, дядька мой, вставай-ка.
Скучно, брат, с тобою нам...
Где гудок? Где балалайка?
Спой мне песенку лесов
Старых, Муромских дремучих;
Спой, как в глубь речных валов,
Размахнувшись, с плеч могучих
Бросил деву-красоту
Атаман лихой, удалый,
А чтоб старую мечту
Запеканка оживляла —
Подавай сюда стакан:
Я налью. — Ну, бог с тобою.
Пей, седой мой Оссиан,
И тряхни мне стариною.

Дядька *(зевает)*

Э! У!.. Лет двадцать с посошком
Как соловьем я заливался,
Как я с берестяным рожком
Пред хороводом отличался...
Да. Этому уж с двадцать лет...
Что в песне старого народа.

Поэт

Ах! Дядька! Дядька! я поэт...
На нянек и на дядек мода
Теперь в Поэзии у нас:

Ведь мы народность оживляем.
Вот мы и принялись за вас:
Вас выставляем, угощаем,
Болтать, петь песни заставляем;
Потом на новый лад кроим
Бывалой старины забавы,
И — вольным гением летим,
Бежим, спешим ко храму славы.
Теперь Чухонец красоту
Преданий Русских понимает,
Поет нам: по мосту-мосту,
И сарафан наш надевает —
И не к лицу ль такой наряд.
Кто сам Чухна, а Грек душою,
Но с Русской Музою простою
Плясать и петь умеет в лад.

Дядька *(почесываясь)*

Эх, барин, спорить мне с тобою
Нельзя: я человек простой...

Поэт

Ну, так не спорь же, дядька, пой.

Русская песня

(без чухонских приправ)

Ты, рябинушка, ты, кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла,
Ты когда цвела, когда вызрела?
Я весной взошла, летом выросла,
Я зарей цвела, в полдень вызрела.
Под тою ль, под рябиною,
Не мак цветет, не огонь горит —
Горит сердце молодецкое,

По душе ль, по красной девице:
Красна-девица переставилась...
Ой! Вы ветры теплые.
Перестаньте дуть: вас ненадобно.
Затяните вы, ветры буйные,
Со той стороны, со полуночной.
Вы развейте мать-сыру землю,
Вы раскройте дубову доску —
Вы пустите меня проститися,
В последний раз поклонитися.

Поэт

Какая мысль. Но, как же худо
Такая мысль облечена.
Я вычищу ее, и — чудо,
И прелесть явится она.

(Пишет)

Русская песня на чухонский лад

В густом лесу, в темном бору
Цветет, растет рябины куст;
Весной взошел он раннею,
Как счастье добра молодца,
И летом зрел, как радость, он,
Как жар любви девической.
Под тем кустом сидит, грустит
Удалый, добрый молодец.
В груди огонь, на сердце лед,
В глазах слезы горючие.
Горючие — последние —
Как ключ журчат, смолой кипят.
Погибла ты, любовь моя.
В могиле красна-девица —
Постыл, уныл мне белый свет.
Ах, ветер, ветер радостный,

Ах, ветер юга теплого!
Не вей, не вей весною мне.
Завойте, вьюги зимние,
Завейте вы метелями,
Студеными, холодными.
Разройте мать-сыру землю —
Хоть раз взглянуть на девицу,
И — с саблею булатною —
На бой пойду, там смерть найду.
Неси меня, ретивый конь,
Ты конь ли мой, лошадь добрая,
К могиле красной девицы;
Потом умчи в ряды врагов.

(Поэт перестает писать)

Как здесь заметно вдохновенье,
Как поэтическим огнем
Одушевилось песнопенье,
И — мы его не узнаем.
Ну, дядька, спой еще другую.
Ты — песню старую свою.
Я Музу призову младую,
И — песнь твою перепою.

Старая русская песня

Не шуми, мати, зеленая дубравушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати,
Заутра мне, добру молодцу, в допрос итти,
Перед грозного судью — самого царя.
Станет государь-царь меня спрашивати:
«Скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын,
С кем ты воровал, с кем разбой держал?
Много ли с тобой было товарищей?»
— Скажу тебе, надежа, православный царь,
Всю правду тебе скажу, всю истину:

Товарищей у меня было четверо:
Первый был товарищ — темна ночь;
Второй был товарищ — булатный нож;
Третий был товарищ — мой добрый конь;
Четвертый был товарищ — мой тугой лук.
Рассыльщики мои были калены стрелы —
Куда сам нейду, туда их пошлю. —
Возговорит надежда, православный царь:
«Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын.
Ты умел воровать, умел ответ держать.
За то тебя детинушку пожалую —
Середи поля хоромами высокими:
Двумя столбами с перекладиной».

Та же песня, только в душегрейке новейшего уныния

Умолкни, дикая дуброва,
Дай мне подумать, погадать.
Заутра казнь моя готова —
Мечу булатному сверкать
Над юной, буйной головою,
И палачи мои толпою
Меня у плахи будут ждать.

Сам Грозный Иоанн предстанет
В толпе Опричных и Стрельцов,
И роковым мне словом грянет:
«Скажи ты, выродок рабов,
Открой мне смелые заветы;
Вещай мне: кто твои клевреты,
Сыны убийства и оков?»

— Узнай, — скажу ему я смело, —
Ты четверых моих друзей:
Я шел на удалое дело

Под кровом сумрачных ночей;
Они вели меня к разбою
И к неге с девой красотою,
Среди Украинских полей.

Булатный нож служил мне верно,
И конь был третьим другом мне,
Когда, свободный, по безмерной
Бродил я Волжской стороне,
И были у меня лихие
Летуньи, стрелы каленые,
Друзья — и днем, и при луне. —

Ответом смелым изумленный,
Привыкший к шопоту рабов,
Царь вспыхнет гневом: «Раб презренный,
Узнай награду дерзких слов:
Для головы — топор готовый,
Для тела — крепкий столб дубовый,
Дарю тебе взамен оков».

Феокритов. (125)

СХОДСТВО

(Двустишие в древнем вкусе)

Смерть

Мы не смерти боимся, но с телом расстаться нам жалко.
Так не с охотой мы старый сменяем халат.

* * *

Сшили фрак; и был он модный, прекрасный, изящный;
Мода прошла, и — на ветошь он продан. Не то ли и в мире?

Феокритов. (126)

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Трубку я докурил и, пепел ее выбивая,
Думал: «Так выбивает из света нас Крон беспощадный».

Феокритов. (127)

ЧУДО В ПЕЩЕРЕ

(Древне-греческая идилия)

Изобретение ваяния

В кущу ко мне, пастухи и пастушки! В кущу скорее,
Старцы и жены, годами согбенные! К чуду вас кличу!..

«Юноши, девы и старцы, и отроки! К чуду вас кличу.
Все поспешайте в пещеру ко мне! Там очами узрите
Дивное дело! Чудо восьмое! Не Зевс Олимпийский,
Не пирамиды Египта, не храм Исхееры Эфесской,
Не мавзолей Артемиды, не Вавилонские стены,
Не Птолемея маяк, не колосс Родосский! Нет, чудо
Новое явится вам! Таких никогда не бывало
Ни на земле, ни в полях Елисейских, ни в Тартаре мрачном!
Юноши, девы и старцы, и отроки! К чуду вас кличу».
Так по Аркадской долине пастух длиннокудрый и юный,
Фебу красою подобный, Мартил, насладившийся с Хлоей
Узами тайной любви, рассылая крылатые речи,
Кликал в пещере своей и старых и юных толпами.
Все устремились в пещеру, и что же представилось взорам?
Муза, возросшая с детства под теплым Аттическим небом,
Ярко блеснувшая здесь на небе прошедшего года,
Равный свет вдохновенья на все проливает минуты,

Лиру держит в руке, и громкие слышны оттенки!
Подле нее, с головою поникшей, в венке васильковом,
Юноша зрится. На сердце его натянуты струны
Жизнью новейших народов. Печален, угрюм он и мрачен.
Северный ветер с морозом (то были ли козни Эола,
Бога ветров? неизвестно) дул непрестанно на Музу.
Юноша быстро набросил Музе озябшей на плеча,
Снегу подобные, теплую ткань, душегрейку унынья!
Самую новую, только с иголки, и Муза, согревшись,
Свежим лавровым венком украсила юноши кудри.

С греческого — *Аполлон Зевесов.* (128).

***

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце и любовь!
С нагих полей сбежала тень, —
Светлеет сердце вновь!..

Несчастный день! позорный день!
День срама и стыда!
Я вел себя, как глупый пень,
Да, да, да, да! Да, да, да, да!

Смотрите, рощи и поля,
Меж вас идет колпак...
Я был глупее журавля...
Так, так, так, так, так, так, так, так.

Ты жалкий трус! Ты жалкий трус!
Она кричит вослед —
К ней никогда не возвращусь...
Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет.

Н. А. Некрасов. (129)

ДОЛЯ ПЕВЦА

(Почти сонет)

Не часто к нам слетает вдохновенье,
И краткий миг в душе оно горит.
И не всегда поэту подарит
Хорошее оно стихотворенье!

Но сколько слез, тревоги и смятенья!
Бессмертна мысль! Когда же, в свой черед,
На Волково писатель попадет,

Стеснится мысль, угаснет вдохновенье
И — так сказать — одна черта сотрет
И красоту и смысл произведенья.

Пр. Преображенский. (130)

А. Ф. ВЕЛЬТМАН

(1800—1870)

РУССКАЯ ПЕСНЯ

(Пародия)

Песня Атамана

Что отуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, девица красная, —
Очи блеснули слезой?

Что принасупилась, ноченька темная,
Месяц задернула мглой?
Что разворчалася, баба задорная?
Долго ль мне биться с тобой?
Ох! как хотелось бы ведьму мне злобную
Как-нибудь со свету сжить.
Полночь!.. в минуту я эту удобную
Рад бы тебя задушить!
Впрочем, грех на душу брать не проходится
Из-за ехидны такой.
Есть у нас лавочки, в лавочках водится
Разный товар ременной,
Есть там из бычьих жил клеточки витые,
Есть там пуки камыша;
Может быть, ими не раз много битая,
Будешь ты вновь хороша.

Ими я выбью твою злобу черную,
    Будешь лежать да молчать...
Я ль виноват, что тебя, бабу вздорную,
    Иначе нечем унять.

А. К. Злов. (131)

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

(1800—1844)

РАЗУВЕРЕНИЕ [1]

(Элегия)

Она прошла, былая радость,
Он пролетел, мой счастья сон,
И потускнел твой небосклон,
Разочарованная младость.

Мои бывалые мечтанья,
Мои далекие мечты,
Ты, трепет счастья, упованья,
Ты, вольный гений красоты.

Где ты, прелестное виденье?
Ты, перелетным ветерком,
Мне навевало вдохновенье,
Меня ласкало тихим сном.

Разбиты счастия надежды,
Исчез мой светлый идеал,
И на хладеющие вежды
Унынья тяжкий сон упал...

[1] Все стихотворение состояло из 17 строф; но так как места для них недостает, то мы решились остальных строф не печатать. Надеемся, что любезный Поэт не оскорбится, ибо смысла не убавилось, не прибавилось, а душа Поэта уже вся видна и в помещенных здесь строфах. [Примечание «Нового Живописца».]

Так в блеске ярком погасает
В час поздний алая заря,
И светлый отблеск отражает
В святых стенах монастыря.

И ветер на могилах братий
Листком полыни шевелит,
Где память мира, слез, проклятий,
Непознаваемая спит...

Зачем же светлыми словами
Еще Поэзии привет
Меня знакомит, как с друзьями,
С мечтой навек протекших лет?

Мир опыта рукою смелой,
Гробокопатель добрый мой,
Обвей меня в свой саван белой
И душу заживо отпой...

И. Пустоцветов. (132)

К ВЕСНЕ

Опять лазурными лучами
Взошло на вешний небосклон,
Опять привычными мечтами
Тобой рассеян зимний сон,
Природы баловень могучий,
Любовник осени пахучей,
Жених весны, зимы супруг
И лета благодатный друг!
Нет! Нет! Не развевай унынья,
Не грей чела и не лови
В глазах обманчивой любви
Моей слезы. . . . .
Убитый роком, я отныне

Посхимлен горестью навек —
Моя судьба судьбе упрек,
Упрек безжалостный судьбине...
Надежды свет мне не златит
Бывалой прелестью долины,
Не золотит весны картины
И солнцем счастья не горит...
Я, мертвеца живого вид,
Пугаю всех моей мечтою,
Расстался с девой неземною
И погубил свой идеал!
Подай мне тяжкий свой фиал,
Моя знакомая, приветом
Меня мирившая со светом
И с благодатью тяжких мук, —
Ты исцели мне мой недуг,
Ты, мой сопутник неизменной,
Отрада горести блаженной,
Костлявый гость моей весны!
Мой кончен мир, отточены
Мгновенья радости живые
И сны надежды золотые!

И. Пр-н. (133)

ЭПИГРАММА

Везде бранит поэт Клеон
Мою хорошенькую Музу;
Все обернуть умеет он
В бесславье нашему союзу.

Зачем мою хорошенькую Музу,
Голубчик мой, ты вздумал освистать?
Зачем, скажи, схоластики обузу
На жар ума ты вздумал променять?
Тебя спасал сто раз, скажи, не я ли?
Не я ль тебя лелеял и берег,

Когда тебя в толчки с Парнасса гнали,
Душа моя, Парнасский простачок.

Гамлетов. (134)

ЭПИГРАММЫ

I

Что пользы нам от шумных
ваших прений?
Кипит война... но что же?
никому
Победы нет! сказать ли почему?
Ни у кого ни мыслей нет, ни
мнений!

Когда тебя свистком своим лихим
Достигнет рой журнальных почтальонов,
Поэт, мой друг, не отвечая им,
Перемени свой плавный стих Назонов
На бешеный ты Ювенала стих,
И разом им, на все насмешки их,
Не устрашась крикливого их строю,
Махни в ответ насмешкой удалою.

II

Певец какой-то на искус
Представлен был пред Апол-
лона;
«Как пишет он?» — спросил у
муз
Бог беспристрастный Геликона...

Пришел поэт и пущен на Парнасс.
«А! здравствуй — Феб сказал, — да что за чудо:
Ты мне знаком; я помню, что подчас
Ты плакивал в стишонках, и не худо.
Что, нет ли, брат, плаксивого опять?»

— Нет, мудрый Феб, я плакивал, бывало,
Позволь теперь смешное прочитать. —
«Читай». И вот, не думая нимало,
Вдруг наш поэт, с насмешливым лицом,
Развеселить затеял эпиграммой.
Чуть выслушал Латоны сын упрямой,
И закричал: «Эй! Кто там?» С медным лбом
Предстал школяр. «Вон вывести!» — О милой,
О добрый Феб, осмелюсь ли просить... —
«Ах, плакса, что задумал ты? острить!
Чуть дышишь ты в элегии унылой —
Пошел же вон — тебе ль смеяться, хилой...»

Гамлетов. (135)

ЭПИГРАММА

К Дельвигу

Так, любезный мой Гораций,
Так, хоть рад, хотя не рад...

Шалун, Гораций наших лет,
О милый баловень досуга!
Ты позабыл поэта-друга,
Душемутительный поэт!

О Баратынский! Ты поэт,
И я поэт, мы все поэты.
Ты среди волн туманной Леты
Не утонул, поэт-атлет.

(136)

Н. М. ЯЗЫКОВ

(1803—1849)

ЗАБУБЕННАЯ ЖИЗНЬ

Кто за бокалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает.

Слова святые: пей и пой!
Необходимы для пирушки.
Друзья! где арфа подле кружки,
Там бога два — и пир двой-
ной...

Лей вино, бесись и пей,
Шаловливая ватага!
Пусть студентов-усачей
Жизнь, как бешеная брага,
Через край бурлит и бьет.
Тот блажен, кто в жизни юной
С Вакхом радостно поет.
И звучит в златые струны
Полупьяный меж друзей!
Так велит тебе, ватага,
Музы бешеной моей
Забутыльная отвага.

Пусть над пьяным мертвецом
Пьянством тризну совершают,

Обольют его вином;
Засыпая, допивают
Из звенящего стекла
Влагу радости живую!
Мы сожжем ее дотла,
Нашу юность удалую!
Прочь все трезвые труды,
Славы горе и забота!
Не отдам вина полгода
За столетие воды!

Буршев. (137)

А. Т. Х—ВУ

А. К. Тютчеву

Не вспоминай мне, бога ради,
Веселых юности годов
И не развертывай тетради
Моих студенческих стихов!
Ну, да! судьбою благосклонной
Во здравье было мне дано
Той жизни мило-забубенной...
Изведать крепкое вино!

По сердцу брат, шалун, с умом.
Алмаз в коре неограненный
Бесед разгульных дикий гром,
Как я, студент недоученный,
Скажи, товарищ удалой,
Где делись ночи гулевые,
Беседы вольности лихой
И дни похмелья золотые?
Они прошли: я помню их,
Когда, с предлинными усами,
Мы чухнов рыжих и смешных
Гоняли сотни чубуками
Из тех приютов, где поэт,
В кругу друзей беспечной лени,

И пил, и пел, и целый свет
Позабывал в укромной сени.
Как моря Финского струя
Летит, сшибаясь, чрез каменья,
Так Муз приветливых друзья
В один сшибались пыл веселья,
И гул беседы их живой,
Как взрыв сердитого волкана,
Сверкал разрывчатой струей
Среди табачного тумана.
Так было встарь. И где они,
Без страха чаши и стаканов,
Те девы, в тайной тишине
Лелеявшие нас, буянов?
Налитый их рукой фиал
Горячкой радости казался:
В нем мир, казалось, напивался,
И с нами вместе пировал.
Судьба забросила поэта
В глухие, дальние лета
Нещадно губит жизни лета
Приличий хладная коса;
На костылях рассудок вялый
Манит погибшую мечту,
В разочарованном быту
Ведет меня, и я, усталый,
За счастье мудрость искупил...
О! как охотно б за бывалый
Ее бокал я уступил!..

Бессмыслин. (138)

ОЖИДАНИЕ

Очаровательна, румяна,
Игривой живости полна,
В прозрачной ткани из тумана

Любовь очей моих она.
В нее природа влюблена!
Не сплю я... вся душа в томленье!..
Я жду ее!.. я весь горю!..
Ревнивцы! бросьте подозренье:
Я жду румяную зарю.

А. Вельтман. (139)

К ДРУЗЬЯМ

В последний раз приволье
жизни братской,
Друзья мои, вкушаю среди вас;
Сей говор чаш, свободный
дружбы глас,
Сей крик и шум, разлив души
бурсацкой,
Приветствуют меня в последний
раз.

Вы помните ль, как мы, хмельной отваги полны,
Собравшись в дружески-отчаянный кружок,
Шумели, будто бы в речном разливе волны?
Тех дней не воротишь! Всему своя пора!
Они исчезнули, как светлое виденье...
Блажен, кто пьянствовал от ночи до утра,
Из бочек черпая любовь и вдохновенье!
Блажен, стократ блажен!.. Встречая новый год,
В мечте я прошлые года переживаю,
Беспечные года возвышенных забот,
И издалека к вам, товарищи, взываю!
Примите дружески-бурсацкий мой привет,
Порыв души моей студенческой и чистой, —
Студенческой, друзья (хотя мне сорок лет!)!
За ваше здравие и счастье ваш поэт
Пьет херес бархатный и чудно-маслянистый.

Новый Поэт. (140)

ПОСЛАНИЕ К СОСЕДУ

Благодарю тебя сердечно
За подареньице твое! [1]
Мне с ним раздолье, с ним
житье . . .

Гну пред тобою низко спину
За сладко-вкусный твой горох.
Я им объелся! Я в восторг
Пришел! . . Как сахар, как малину,
Я ел горошины твои.
Отменно ты меня уважил!
Я растолстел, я славно зажил,
Я счастлив! Словно как любви
Краснокалеными устами,
Я отогрет! — и жизнь моя
Светлостеклянными струями
Бежит, как утлая ладья,
Бежит проворно, звонко, прытко,
И вот (подарок не велик,
Но от души — не от избытка)
Стихов отборных четвертик
Тебе я шлю . . . На, ешь! Что? будет? . .
Авось придет тебе на вкус . . .
А не придет — я не боюсь:
Не выдаст друг и не осудит!
Почтенный, добрый и прямой,
Не прихотливый, не сердитый,
Подарок старого пиииты
Ты примешь ласковой душой,
Хоть он нелепый и пустой . . .

Н. А. Некрасов. (141)

[1] Старинную чернильницу.

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Так мы готовимся, о други,
На достохвальные заслуги
Великой родине своей.

Друг, товарищ доброхотный!
Помня, чествуя, любя,
Кубок первый и почетный
Пью в чужбине за тебя.
Мил мне ты!.. Недаром смлада
Я говаривал шутя:
«Матерь! вот твоя отрада!
«Пестуй бережно дитя.
«Будет Руси сын почтенной,
«Будет дока и герой.
«Будет наш — и непременно
«Будет пьяница лихой!»
Не ошибся я в дитяти,
Вырос ты удал и рьян
И летишь навстречу братий
Горд и радостен, и пьян!
Горячо и лихо — славно
Сердце русское твое,
Полюбил ты достославно
Нас развившее питье.
Весь ты в нас!.. Бурлит прекрасно
В жилах девственника кровь,
В них восторженно и ясно
К милой родине любовь
Пышет. Бойко и почтенно
За нее ты прям стоишь...
С ног от штофа влаги пенной,
Влаги русской — не слетишь!
Враг народов иностранных,

Воеватель удалой,
Ты из уст благоуханных
Дышишь родине хвалой,
Доли жаждешь ей могучей...
Беспредельно предана
Ей души твоей кипучей
Ширина и глубина!..
И за то, что Русь ты нашу
Любишь, речь к тебе держу
И стихом тебя уважу,
И приязнью награжу.
Будь же вечно тем, что ныне:
Своебытно горд и прям,
Не кади чужой святыне,
Не мирволь своим врагам;
Не лукавствуя и пылко
Уважай родимый край;
Гордо мужествуй с бутылкой —
Ни на пядь не уступай;
Будь, как был!.. За все за это
Да за родину мою,
Да за многи, многи лета
Нашей дружбы — днесь я пью...
Пью... величественно-живо,
В торжествующий стакан
Одуряющее диво
Ущедренных небом стран
Льется. Лакомствуя мирно,
Наслаждаюсь, не спеша...
Но восторженностью пирной
Не бурлит моя душа.
Хладных стран заходный житель,
Здесь почетно-грустен я:
Не отцов моих обитель
Здесь, — не родина моя!
То ли дело, как бывало,

Други, в нянином дому
Бесподобно, разудало
Заварим мы кутерьму!..
Чаши весело звенели,
Гром и треск; все кверху дном!
Уж мы пили! уж мы пели!..
В удовольствии хмельном
Вам стихи мои читал я...
Сотый чествуя бокал,
Им читанье запивал я
И, запивши, вновь читал.
Благосклонно мне внимали...
Было чудное житье:
Други мне рукоплескали,
Пили здравие мое!
Здесь не то... Но торжествую
Я и здесь порой, друзья,
Счастье! фляжку — и большую —
У матросов добыл я
Влаги русской... Как Моэта,
Мне наскочит легкий хмель,
Пью и потчую соседа...
Объяденье! богатель!
Ровно пьем; цветущ и весел,
Горделиво я сижу...
Он... глядишь — и нос повесил!
Взором радостным слежу,
Как с подскоком жидконогий
Немец мой — сутул, поджар —
Выйдет храбро, а дорогой
Бац да бац на тротуар..
Драгоценная картина
Сердцу русскому! Она
Возвышает Славянина
Силу скромную...

Вина!

На здоровье Руси нашей!
Но, увы мне, о друзья!
Не состукиваюсь чашей
Дружелюбно с вами я —
И не пьется... Дух убитый
Достохвальной грустью сжат,
И, как конь звучнокопытый,
Все мечты туда летят,
Где родимый дым струится,
Где в виду своих сынов
Волга царственно катится
Средь почтенных берегов...
Что ж? туда!.. Я скор на дело!
Под родные небеса.
Вольно, радостно и смело
Я направлю паруса, —
Мигом к вам явлюсь на сходку!
Припасайте ж старику
Переславльскую селедку
И полштофа травнику!..

Н. Стукотнин. (142)

Ф. И. ТЮТЧЕВ

(1803—1873)

КАРТИНА

Восток белел... Ладья катилась,
Ветрило весело звучало...
. . . .
Восток вспылал... Она склонилась,
Блестящая поникла выя,
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые.

Повсюду царствовал покой,
И солнце медленно садилось
За дальней рощей и горой...
Она, прекрасная, молилась,
И из очей ее порой
Слеза горячая катилась...

Закат потух. Она стояла
На том же месте — и мечты
Молитва тихая сменяла,
И были сложены персты!

Новый Поэт. (143)

* * *

Тихой ночью, поздним летом
Как на небе звезды рдеют...

Поздним потом, нечью тихой
Дышит поле теплым сном,

Ф. И. Тютчев.

Каррикатура гр. Фредро.

Спелой рожью и гречихой...
Тихо в небе голубом.
Усыпительно безмолвны
Спят вершины дальних гор,
И серебряные волны
Льет луна на сонный бор.

(144)

УТЕШЕНИЕ

Успокоение

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло...

Когда, что звали вы своим.[1]
Навек от вас ушло,
И горе камнем гробовым
Вам на сердце легло —

Помочь в печали ближним рад,
Поэт вас позовет
Пройтись с ним, бросить беглый взгляд
Туда по склону вод.

Он вам покажет, как струи,
Одна другой вослед,
Бегут на чей-то зов вдали
(На чей? — вам дела нет).

Вам нужно будет, хоть на час,
Взор в речку устремить,
Чтоб *слезы брызнули из глаз,*
Чтоб стало в них рябить.

Тогда, как ни были б тоской
Вы зло удручены,

[1] Курсив в тексте «Искры».

Все горе выльется слезой,
И вы исцелены!..

Н. А. Гнут. (145)

ПЕРЕД МИЛЮТИНЫМИ ЛАВКАМИ

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по жаркой мостовой...

Пошли, господь, свою подачку
Тому, кто жаркою порой,
Как утлый челн в морскую качку,
Идет по знойной мостовой.

Он смотрит к Вьюшину тоскливо
В окно на крупный виноград,
На абрикосы, дули, сливы,
На пастилу и мармелад.

Не для него кокос, арбузы,
Гранаты в золотом огне,
Не для него и толстопузый
Гомер разлегся на окне...

И фрукт привозный, из Мессины,
Напрасно взор его манит:
Сок ароматный, апельсинный,
Увы, его не освежит!..

Так облегчи, господь, вериги
Тому, кто много претерпел,
Кто в здешней жизни, кроме фиги,
Других плодов еще не ел.

Н. А. Гнут. (146)

А. С. ХОМЯКОВ

(1804—1860)

ЖЕЛАНИЯ ПОЭТА

Желание

Хотел бы я разлиться в мире,
Хотел бы с солнцем в небе течь,
Звездою в сумрачном эфире
Ночной светильник свой зажечь.

Хотел бы я тюльпаном быть,
Парить орлом по поднебесью,
Из тучи ливнем воду лить,
Иль волком выть по перелесью;

Хотел бы сделаться сосною,
Былинкой в воздухе летать,
Иль солнцем землю греть весною,
Иль в роще иволгой свистать;

Хотел бы я звездой теплиться,
Взирать с небес на дольний мир,
В потемках по небу скатиться,
Блистать как яхонт иль сапфир;

Гнездо, как пташка, вить высоко,
В саду резвиться стрекозой,
Кричать совою одиноко,
Греметь в ушах ночной грозой!

Как сладко было б на свободе
Свой образ часто так менять
И, век скитаясь по природе,
То утешать, то устрашать.

Козьма Прутков. (147)

В АЛЬБОМ КРАСИВОЙ ЧУЖЕСТРАНКЕ.

(Написано в Москве)

Иностранке

Вокруг нее очарованье,
Вся роскошь юга дышит в ней:
От роз ей прелесть и названье,
От звезд полудня блеск очей.

Вокруг тебя очарованье.
Ты бесподобна, ты мила.
Ты силой чудной обаянья
К себе поэта привлекла.
Но он любить тебя не может:
Ты родилась в чужом краю,
И он охулки не положит,
Любя тебя, на честь свою.

Козьма Прутков. (148)

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

(1805—1827)

ТРИ РОЖИ

Три розы

В глухую степь земной дороги,
Эмблемой райской красоты,
Три розы бросили нам боги,
Эдема лучшие цветы.

Камен любимец молодой,
Эрота нитию златой
В один букет связав три розы,
В Цветник их Северный вместил,
И луч весенний наманил
На наши русские морозы.
Пускай счастливца наградит
За то красавица младая,
Цветком любимейшим харит
Пред ним задумчиво играя
На жаре девственных ланит!
И я, поэту подражая,
На лире тихой, между дел,
Наладить песню захотел.
Но наши песни не похожи:
Поет он розы, их любя;
Делю с ним чувство про себя,
Но я воспеть хочу вам рожи!

В юдоль страстей, в обитель бед,
За наши грешные тревоги

Правдиво-мстительные боги
Три рожи бросили на свет
Под русским небом расцветая,
Рожденье Флоры, нам одна,
Как мысль творения пустая,
Восточным лугом отдана.
Всегда высокая, прямая,
В широкий лист облечена,
Хотя слывет она и рожей,
Но всех из рож она пригожей

Есть род другой. На свет она,
Как говорит язык преданья,
Молитвой теплой рождена
Жрецов голодных врачеванья.
Плод сильно-движимых страстей,
Подруга неги и сластей,
Горя, как жар, она по телу
Багровым стелется пятном
И с ней, под белым полотном,
Как раз прыгнешь в подземный дом.
Но есть еще помога делу:
Кусок сукна, немножко мелу —
И, с божьей помощью, пройдет.

Есть третий род и, без сомнения,
Виновный мир его несет,
Как явный след грехопаденья!
От них отрекся бедный Лель;
Зима встречает их на бале,
А тихогреющий Апрель
Вывозит милых под качель,
Подчас в спасительном вуале
В недобрый час — au naturel
На вымысл древние быв ловки,
Медузу в свет произвели:

С тех пор-то, вслед им, и пошли
Сии Медузины головки. —

Я знал одну... С минуты той
Всегда молю я промысл божий:
Не посылать мне в бич земной
Огня, меча — и этой рожи!

И. Е. Великопольский. (149)

С. П. ШЕВЫРЕВ

(1806—1864)

РИМ

Стансы Риму

По лестнице торжественной веков
Ты в славе шел, о древний град свободы,
Ты путь свершил при звоне тех оков,
Которыми опутывал народы.

Как тень седого великана,
В могильном саване, как дым
Под ледяной корой волкана,
Так ты, великий, дивный Рим,
Времен минувших оклик дикий,
Костьми бессмертных помощен,
Как твой пустынный Пантеон,
Стоишь, в развалинах великий!
Не говори, не повторяй
Твоих советов и преданий,
Не возбуждай воспоминаний,
Души поэта не смущай!
Пускай бессмертного могила
Не произносит мелких слов,
Пока тебе язык богов,
Моей угрюмой Музы сила,
Упрямых, северных стихов

В завет потомку не дарила!
Молчи, красноречивый Рим...

. . . .

Твои развалины святые,
Твои остатки гробовые
Я оживлю моим стихом!
Как бы на Пифии треножник,
С поникшим сяду я челом
На те места, где Скиф-безбожник
С огнем являлся и с мечом:
Стадами думы зароятся
В душе поэта: смело он
Глядит на мир, когда теснятся
К нему стихи со всех сторон!
Он обнят выспренним пожаром,
Он презирает вкус и ум.
Воспламененный чудным даром,
Он дик, он смел, как бури шум!
Себе единому понятен,
Для черни смысл он потерял —
И черни глас ему невнятен,
И ей не знать, что он писал.

Картофелин. (150)

Рим. 1832 г
Марта 3 дня.

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ

(1806—1886)

Когда стройна и светлоока
Передо мной стоит она,
Я мыслю: гурия пророка
С небес на землю сведена!

* * *

Когда стройна и светлоока
Передо мной стоит она,
Я мыслю: «В день Ильи-пророка
Она была разведена».

А. С. Пушкин. (151)

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ЗЮЛЕЙКА» [1]

Из пределов Сегестана
К дальним рощам Хорасана
Пери легкая неслась...

(«Див и Пери».)

... Нет, нет! Под небом Хоразана
Так пышно роза не цветет,

[1] С. К. Конфетин, юный поэт, известный многими стихотворениями, помещенными в журналах и альманахах, сообщил нам неоконченную свою поэму «Зюлейка». Он хочет издать ее вполне; но прежде намерен напечатать из нее пятнадцать отрывков в альманахах; вся поэма составит до 600 стихов. С удовольствием помещаем отрывок, из которого читатели могут судить об оригинальности, силе чувства и вкусе поэта. (Примечание «Нового Живописца»).

И твой, о Пери Шамахана,
Не столько сладостен полет,
Как пышно грудь младой Хариты
Цвела под дымкой кисеи,
И черных локонов струи
На грудь вились и на ланиты.
Она горит огнем любви
От поцелуя молодого,
И жар кипит в ее крови
Страстей и чувства неземного.
С приветной ласкою речей
Сливался огнь ее очей,
И ярко луч луны светился
В потоке тихом и в реке,
Где рыбарь в легком челноке
С унылой песнию катился,
Скользя по влаге голубой,
Подернутой ночною мглой.
Он о бывалом милом счастьи
Тихонько песню напевал,
И память — сердца сладострастье —
Словами грусти волновал.

ПЕСНЯ РЫБАКА

Как газели легконогой
Мчался бег среди полей;
Как средь рощицы далекой
Пел мгновенный соловей;
Как ему внимали розы
Чуть колышимым листом;
Как неврной девы слезы
Осушались при другом:
Так и ты мне изменила,
Дева неги и любви.
Все забыла, все забыла,

И восторг, и жар в крови.
О бывалом, о мечтаньи
Ты ль не вспомнишь никогда.
Дева, Гурий красота.
Сам хочу я, сам люблю я
Деву рая забывать
И, о счастии тоскуя,
О тебе не тосковать...

. . . .

И он умолк в тиши далекой,
И снова тихо, — лишь порой,
Как над луною одинокой,
И над заснувшею волной
Тихонько облачко мелькает,
Все звуки есть издалека...
Так звук на лире умолкает,
Когда Туманского рука
Ее игрой не оживляет,
А звук привычный все звучит,
И душу грустью тяготит...

С. К. Конфетин. (152)

В. Г. БЕНЕДИКТОВ

(1807—1873)

* * *

Влекла к себе мое несытое
внимание
От женской головы отпавшая
коса,
Достойная любви, восторгов и
стенаний,
Густая, черная, сплетенная
в три грани,
Из вечной тьмы могил исшед-
шая на свет,
Меж тем как столько кос с их
царственной красою
Иссеклись времени нещадною
косою.

Те кудри черные... когда б отрезать их,
Преступно посягнув на их несокрушимость...
Соткать на них чехол из тканей дорогих —
В нем бешеных кудрей сковать необозримость,
И, взбив перину ту в длину и ширину,
Чрез степи жаркие, чрез влажную волну,
Чрез горы и леса, постлать ее по миру, —
Все человечество могло б на них заснуть;
В душистом их пуху блаженно утонуть,
И, — гордо близостью к надзвездному эфиру, —
Увидеть райские, пленительные сны

Про кудри черные, про думы Сатаны,
Как ковы зависти, про очи огневые,
Про радугу бровей и перси наливные . . .

И. С. Тургенев. (153)

ШЕЯ

(Посвящается поэту-сослуживцу г-ну Бенедиктову)

Кудри девы-чародейки,
Кудри — блеск и аромат
Кудри — кольца, струйки, змейки,
Кудри — шелковый каскад . . .

Шея девы — наслажденье!
Шея — снег, змея, нарцисс;
Шея — в высь порой стремленье;
Шея — склон порою вниз.
Шея — лебедь; шея — пава;
Шея — нежный стебелек;
Шея — радость, гордость, слава;
Шея — мрамора кусок! . .
Кто тебя, драгая шея,
Мощной дланью обоймет?
Кто тебя, дыханье грея,
Поцелуем припечет?
Кто тебя, крутая выя
До косы от самых плеч,
В дни июля огневые
Будет с зоркостью беречь;
Чтоб от солнца в зной палящий
Не пленился злой комар,
Чтоб поверхностью блестящей
Не пленился злой комар,
Чтоб черна от черной пыли
Ты не сделалась сама,

В. Г. Бенедиктов.

Рис. Н. Степанова.

Чтоб тебя не иссушили
Грусть, и ветры, и зима?!

Козьма Прутков. (154)

БАЛ

Вальс

Все блестит: цветы, кенкеты
И алмаз, и бирюза,
Люстры, звезды, эполеты,
Серги, перстни и браслеты,
Кудри, фразы и глаза.

Залит бал волнами света;
Благовнием нагрета,
Зала млеет, как букет.
Упоительно-небрежно,
Зажигательно-мятежно
Ноет скрипка и кларнет.
В вихре звуков, в море жара,
С сладострастием угара
В вальс скользит за парой пара,
Опьянения полна,
В ураган огнепалящий,
Волканически летящий,
Грудь взрывающий до дна.
Вот она, царица бала:
Раздраженная смычком,
Быстро сбросив покрывало,
В танце бешеном летала,
Припадя ко мне плечом.
Кудри змеями сбегали,
Волновались, трепетали,
И, играя предо мной,
По щекам меня хлестали
Ароматною волной.

Мы неслись — мелькали люди,
Ряд колонн и ряд гостей,
Фермуары, плечи, груди,
Лампы, люстры, блеск свечей,
Косы, жемчуг, бриллианты,
Дымки, кружева, атлас,
Банты, фраки, аксельбанты,
И алмаз горящих глаз.
Мы неслись — кружилась зала,
Я дрожал, как кровный конь,
Весь был жар я, весь огонь,
В жилах лава пробегала,
И корсет ей прожигала
Воспаленная ладонь.

Д. Д. Минаев. (155)

В АЛЬБОМ РУССКОЙ БАРЫНЕ

Я люблю тебя во всем:
На кровати нагишом,
В бальном газовом наряде,
В море кружев, блонд и роз,
В дымной кухне, на эстраде,
В цирке шумном, в маскараде,
В зной и холод, и мороз.
За клавишами рояля,
За тарелкой жирных щей,
За романами Феваля,
Дома, в людях, меж гостей.
В ярком звуке, в каждом взоре,
В яркой россыпи речей,
В споре важном, милом вздоре
О погоде, об узоре,
Об игре без козырей,
В преферансе, танце, пляске,

В драке с девкой крепостной,
В море слез, в потоках ласки,
В сарафане и повязке,
Ты всесильна падо мной.

Д. Д. Минаев. (156)

К АЗИАТКЕ

Не верю

Нет, красавица, напрасно
Твой язык лепечет мне,
Что родилась ты в ненастной
Нашей хладной стороне;

Нет, не верю: издалека
Ветер к нам тебя завлек;
Ты — жемчужина Востока,
Поля жаркого цветок!..

Вот она — звезда Востока,
Неба жаркого цветок!
В сердце девы страстноокой
Льется пламени поток!

Груди бьются будто волны,
Пух на девственных щеках,
И роскошной неги полны
Рдеют розы на устах;

Брови черные дугою
И зубов жемчужный ряд,
Очи — звезды подо мглою —
Провозвестнику отрад!

Все любовию огнистой,
Сумасбродством дышит в ней...
И курчаво-смолянистый
На плече побег кудрей...

Дева юга! пред тобою
Бездыханен я стою:
Взором адским, как стрелою,
Ты пронзила грудь мою!..

Этим взором, этим взглядом,
Чаровница, ты мне вновь
Азиатским злейшим ядом
Отравила в сердце кровь.

Новый Поэт. (157)

К ЧУДНОЙ ДЕВЕ

Кокетка

С какой сноровкою искусной
Она, вздыхая тяжело,
Как бы в задумчивости грустной
Склоняла томное чело...

Жизнь и смерть

. . . .

На устах любви приманка,
Огнь в очах, а в сердце лед,
И, как бурная Вакханка,
Дева пляшет и поет.

Красоты ее мятежной
В душу льется острый яд...
Девы чудной, неизбежной
Соблазнителен небрежный
И рассчитанный наряд!
Из очей ее бьет пламень,
Рвется огненный фонтан, —
А на место сердца — камень
Искусительнице дан!
Ею движет дух нечистый,
В ней клокочет самый ад —
И до пят косы волнистой

Вороненый бьет каскад.
Все в ней чудо, все в ней диво:
Ласка, гнев или укор
И блестящий, прихотливый,
Искрометный разговор...
Он стоял в ее уборной,
Страстно ей смотрел в лицо,
И, страдая, ус свой черный
Все закручивал в кольцо.

Новый Поэт. (158)

НАПОЛЕОН

. . . .

Фосфорным светом вдохновений
Его блистает голова...
Вот он, вот он, сей чудный гений,
Чьи громоносные слова
Европа с ужасом внимала;
Перед кем, безмолвная, она,
Склонясь во прахе, трепетала
И колыхалась, как волна!
Зарытый в мечты и окутанный мглою,
Один на горе, исполин, он стоит...
Заутра он двинет полки свои к бою,
И кто, дерзновенный, пред ним устоит?.
Отважный виновник отчаянной брани,
Вперяя в грядущее стрелы очей,
Внимая свист ядер и гром восклицаний,
Он сердцем ликует при звуке мечей!
О гигант огне-гремучий!
Разрывая бурей тучи,
Ты погибелью дышал!..
Как орел мощно-крылатый,
Мир в когтях своих держал.

И, как он — сей царь пернатый,
Гордо в облаках ширял!
Над стихией ты смеялся,
Громом, как Зевес, играл,
В ризы молний облачался
И вселенной потрясал!..
. . . .
. . . .
И что ж, Титан, с тобою совершилось?
Звезда твоя за тучу закатилась...
Разверзлось гибели жерло,
И поле битвы осветилось
Кровавым солнцем Ватерло!
Державный исполин промчался меж полками,
Блеснув очей своих победными лучами.
Он двинул гвардию — и вот раздался гром,
И, руки уложив на грудь свою крестом,
Он с думой мрачною и царственно-глубокой
С холма взирал на бой, — недвижный, одинокой!
Земля застонала, земля задрожала,
Как море, ее воздымается грудь;
Вот молния, вспыхнув, в дыму засверкала
И смерти широкий очистила путь.
И рыщет смерть, и гибельный свинец
В рядах бестрепетных творит опустошенье..
Уж близко замыслов гигантское крушенье...
И на главе его колеблется венец!
. . . .

Новый Поэт. (159)

РЕВНОСТЬ

Есть мгновенья дум упорных,
Разрушительно-тлетворных,
Мрачных, буйных, адски-черных,

Сих — опасных, как чума —
Расточительниц несчастья,
Вестниц зла, воровок счастья
И гасительниц ума!

Вот в неистовстве разбоя
В грудь вломилось, яро воя—
Все вверх дном! И целый ад
Там, где час тому назад
Ярким, радужным алмазом
Пламенел твой светоч — разум!
Где добро, любовь и мир
Пировали честный пир!

Ад сей... В ком из земнородных
От степей и нив бесплодных,
Сих отчаянных краев,
Полных хлада и снегов —
От Камчатки льдяно-реброй
До брегов отчизны доброй, —
В ком он бурно не кипел?
Кто его — страстей изъятый,
Бессердечием богатый —
Не восчествовать посмел?..

Ад сей... ревностью он кинут
В душу смертного. Раздвинут
Для него широкий путь
В человеческую грудь...
Он грядет с огнем и треском,
Он ласкательно язвит,
Все иным кровавым блеском
Обольет — и превратит
Мир — в темницу, радость — в муку,
Счастье — в скорбь, веселье — в скуку,

Жизнь — в кладбище, слезы — в кровь,
В ад и ненависть — любовь.

Полон чувств огнепалящих
Вопиющих и томящих,
Проживает человек
В страшный миг тот целый век!
Венчан тернием, не миртом,
Молит смерти — смерть бы рай!
Но отчаяния спиртом
Налит череп через край...
Рай душе его смятенной —
Разрушать и проклинать
И кинжалов всей вселенной
Мало ярость напитать!!

Владимир Бурнооков. (160)

Н. В. КУКОЛЬНИК

(1809—1868)

СТИХОТВОРЕНИЕ, ЗАИМСТВОВАННОЕ ИЗ ШИЛЛЕРА И ГЕТЕ

Я герой!..
Припеваючи жить
И шампанское пить,
Завираться!
Жребий мой:
Вечеринки давать
И себя восхвалять,
И стишки издавать,
И собой
Восхищаться!
Верить одному
Вкусу своему,
Всех блаженней в мире,
Всех несчастней быть:
Но какое счастье
Так себя любить!..

(161)

К. К. ПАВЛОВА

(1810—1894)

ОТРЫВОК

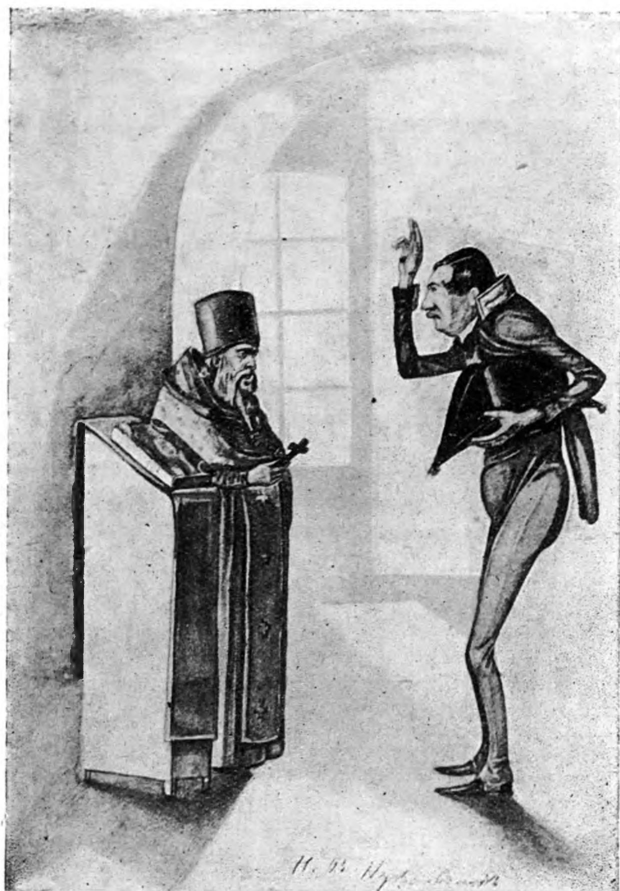
. . . .

Она все думала, что мысль и вдохновенье
 Достались ей в удел;
Что рождена она для песнопенья,
 Для высших дел;
Что ей и стих и смелое созвучье
 В ущерб другим даны;
Что нет ее созданий в мире лучше;
 Что в дар принесены
Ей блага все от самой колыбели;
 Что с детства в ней
Все мысли чудные и светлые кипели —
 И нет подобной ей!
Что все души высокие движенья
 Изведала она,
И что окрест ее — благоговенье,
 Любовь и тишина;

Что вымученный стих, изысканный и звучный.
Язык поэзии — родной ей и присущный,
Что нужно гением великим обладать,
Чтоб рифмы трудные искусно подбирать
И стих, умышленно законченный хоть *утром*,

Заставить рифмовать, положим, с *перламутром*.

. . . .

Н. В. Кукольник.

Рис. Н. Степанова.

И с осанкой величавой
Свой она свершила путь;
Но чужой успех иль слава
Раздирали ее грудь.

И с завистливой тревогой,
Зло обижена красой,
Она нравственностью строгой
Щеголяет пред толпой...

Так вечно с завистью и с ложью, и с педантством,
С претензией на тон высокий, с глупым чванством
Ей нужно властвовать, порабощать умы, —
Но с ужасом от ней бегут, как от чумы!..
Напрасно думала она во время оно
Привлечь избранников, блеснуть своим салоном:
Тоскою заклеймен и для тоски назначен,
Салон тот был и пуст и постоянно мрачен...

Новый Поэт. (162)

Е. А. РОСТОПЧИНА

(1811—1858)

* * *

«Она все думает!»—Так говорят
о мне,—
И важной мудрости, приличной
седине,
Хотят от головы моей черно-
волосой...
«Она все думает!» — Неправда!
Разум мой
Не увлекается мышления
тщетой,
Не углубляется в всемирные
вопросы.

Напрасно говорят, что я гонюсь за славой
И умствую. Меня никто не разгадал!
Нет, к голове моей чернокудрявой,
Венчанной миртами, ум вовсе не пристал.
Нет, что мне умствовать! к чему? Вопросы дня
И смысла здравого прямое направленье
Меня не трогают, не шевелят меня:
Когда в движеньи ум, — мертво воображенье...
Не мир действительный — одни мне нужны грезы,
Одна поэзия душе моей нужна!
Порой салонный блеск, мазурка, полька, слезы,
Порою мрачный грот и темная луна...
При ослепительном и ярком свете бала,
С букетом ландышей и пышных тюбероз,

И. И. Панаев.

Иль одинокая под сумраком берез.
Я с наслаждением мечтаю и мечтала.
Напрасно ж говорят, что я гонюсь за славой
И умствую... Меня никто не разгадал!
Нет, к голове моей темнокудрявой,
Я повторяю вам, ум вовсе не пристал.

Новый Поэт. (163)

ЕГИПТЯНКА

И развратна и прекрасна,
Обнажив свои плеча,
Египтянка в пляске страстной
И дика и горяча!

Песнь из уст ее несется,
Визг и стон и хохот в ней;
Море огненное льется
У бесстыдной из очей;
Грудь из платья так и рвется,
Будто в платье тесно ей.

Но вот, как бы в недоуменьи,
Тряхнув кудрявой головой,
Она нежданно и в волненьи
Остановилась пред толпой.

Не надолго! Снова мчится...
Вон смотрите, вон она!
И мятется и кружится,
Опьянения полна.

Новый Поэт. (164)

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

(1820—1887)

ПОРА ОБНОВЛЕНЬЯ РУСИ

Восстань же, Россия! Родная, восстань
На труд трисвятой обновленья,
На честную битву, на славную брань,
Настала пора пробужденья!..

Нет, уж нечего больше шутить,
Нет, не в силах я больше смеяться.
Надо слезы раскаянья лить
И в слезах от пятна омываться,
Что века наложили на нас...
Нам в са́мих себя надобно вникнуть
И исправить себя от проказ.
И на целую Русь надо крикнуть,
Что теперь наступила пора, —
Да и точно она наступила, —
С корнем вырвать все отрасли зла,
Что так долго Россию губило.
Не поможешь словами теперь,
Надо действовать честно и смело,
И при этом хороший пример
Лучше брани постыдному делу.
Честью родины кто дорожит,
Пусть пожертвует выгодой личной, —

М. П. Розенгейм.

Мелкой должностью пусть не презрит
И пример всем представит отличный.

Конрад Лилиеншвагер. (165)

МОЕМУ БЛИЖНЕМУ

(Обличительное стихотворение)

Брось ты промысел свой гнусный
Залезать в чужой карман:
Пусть мошенник ты искусный,
Но постыден ведь обман.
По закону ты не смеешь
Воровать чужих платков,
И часов коль не имеешь,
Так останься без часов.
Верь, что собственность священна,
Верь, что грех и стыдно красть,
Верь, что вора непременно,
Наконец, посадят в часть.

Конрад Лилиеншвагер. (166)

25 сентября 1858 г.
3 часа и 25 мин.
пополудни.

PIA DESIDERIA

Меж тем как в Европе все
двигалось, шло,
Трудом все полезным кипело,—
Ум бойко работал, богатство
росло,—
Громадно свершилося дело...

Там, где строят дороги железные,
Пароходство растет каждый час,
Предприятья заводят полезные,
Поощряют промышленный класс;

Где оковы с народа снимаются,
Где свободный рождается труд,
Воспитание где возвышается,
К делу, к жизни все силы зовут;

Где повсюду заметно стремление
На свободный, полезный всем труд, —
Допустить там возможно ль сомнение,
Что полезен и праведный суд

С непременною адвокатурою,
Как надежнейшим средством, суду
С переделанной магистратурою
Дать и правильность и быстроту,

И труду в то же время народному
Вновь обильный источник открыть
Юных сил к упражненью доходному
И к возможности денег скопить!..

Конрад Лилиеншвагер. (167)

В АЛЬБОМ

Поборнику взяток

Что отступник!
По горбам придется бить.

Верно, ты негодяй и мошенник,
Если ты уж решился сказать,
Будто тот есть отчизны изменник,
Кто на взятки посмеет восстать.

Нет, неправда, что тот есть скотина,
Ветрогон и пошлейший дурак,
Кто не алчет высокого чина,
Кто на службе не множит бумаг.

Кто, служа бескорыстно и честно,
Не по взяткам расправу творит,
И, преследуя зло повсеместно,
Чистой страстию к долгу горит.

Нет, не он есть отчизны губитель,
Губишь ты ее, злая змея,
Губишь ты ее, вор и грабитель,
Ты, корыстный, рутинный судья!

Патриотом слывешь ты, надменный,
Но отчизну ты хвалишь, — губя...
О, с каким аппетитом, презренный,
По зубам бы я съездил тебя!!!

Конрад Лилиеншвагер. (168)

* * *

Вы поддалися на приманку
Цивилизованных затей
И взяли в дом свой англичанку
Для обучения детей.
Предупреждаю вас заране:
Они вертлявее ужей;
Притом же эти англичане
Суть «фабриканты мятежей».
Страшитесь меньше скорпионов,
Кредиторов и обезьян,
Чем попирателей законов —
Рыжеволосых англичан.

(169)

ИЗ БЕРАНЖЕ

Выпив миску жженки,
К речке я подкрался:
Там без рубашонки

Мылись две сестренки...
В ближний куст к сторонке
Тихо я прижался.
Что за формы, боже!..
Торс — как у Венеры...
Что за тонкость кожи!..
Был бы я моложе,
То... но для чего же
Городить без меры?..
Званием поэта
Пользуюся кстати,
Про купанье это
Сорок три куплета
Я скажу для света
И — предам печати.

(170)

* * *

Помню, как во мраке ночи,
Упоенный, я лобзал
Шелк кудрей и небо очи,
И мятежной груди вал.

Мы в ногу шли, смотря в затылок...
Увы! В те дни
Я был могуч, игрив и пылок.
Прошли они!
Прошел я мимо ваших окон
И увидал
На алой щечке черный локон
И груди вал.
Плененный вашей красотою
Я стал мечтать...
Мадам, что сделалось со мною —
Не могу знать.

М. Бурбонов. (171)

* * *

Если сплав не хорош, если
дурен металл,
То какой ни придай ему вид,
В каждой форме, куда б
отливать ты ни стал,
Он пороки свои сохранит.

Если узок мундир, если жмет воротник,
Или фалды расходятся дико,
Ты не бей денщика, тут невинен денщик,
А к портному мундир отошли-ка.
. . . .
Так-то мы и во всем горячимся всегда,
А не знаем, где правда, где ложь.
Вот и прав Розенгейм, что «в народе беда,
А закон сам собою хорош».
Тех, в ком совести нет, уваженья нет в ком
К установленным формам законов —
Обличать тех штыковой работы стихом
Рад стараться, *Михайло Бурбонов.*

(172)

* * *

Не играй, не играй,
Эти звуки, они —
Это прошлого рай,
Это счастия дни.

Эти звуки — они, —
Здесь они я для рифмы поставил,
В те минувшие дни
Я был вне гармонических правил.

Эти песни — оне,
Их забуду бесчувственно я ли.

Распевала их мне
Одна барышня, сев у рояля.

Эта дева — она, —
Не ценить ли мне девы за это?
Лишь на свете одна
Во мне гений почтила поэта.

И с тех пор эти дни
Со слезой на глазах вспоминаю
И то слово — они —
Я во всех падежах прославляю.

Обличительный Поэт. (173)

А. Н. МАЙКОВ

(1821—1897)

ЛЕТО

Нива

По ниве прохожу я узкою
межой,
Поросшей кашкою и цепкой
лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду
рожь густая!

Иду по ниве я, смотрю на спелый колос,
Смотрю на дальный лес и слышу звонкий голос
Веселых поселян, занявшихся жнитвом
И живописно так склоненных над серпом....
Иду и думаю: так нравственности зерна,

Так мысли семена пусть вырастут проворно
На ниве нравственной России молодой
И просвещения дадут нам плод благой.
Пускай увидим мы, пока еще мы вживе,
На невещественной, духовной нашей ниве

Духовный хлеб любви и правды, и добра,
И радостно тогда воскликнем все: ура!..

Н. А. Добролюбов. (174)

ВЕНЕЦИАНСКИЙ АЛЬБОМ

Неаполитанский альбом

Жар упал. На берег моря
Шумно в сад толпа валит,
И кругом по звонкой лаве
Экипажей рой летит...

* * *

День сгорел. Зари румянец
Хочет сумрак превозмочь,
И таинственную ночь
Чутко ждет венецианец.

Вскрыты дверцы на балкон,
И мелькают в нишах окон
Женский профиль, женский локон...
Ожила со всех сторон Riva degli Schiavoni [1]

Как на праздник все спешит
Под каштаны, в темный сад
Из кофейни Донадони.

Шум весла и плеск волны...
Ночь тепла, благоуханна,
Только вы лишь, леди Анна,
К этой ночи холодны.

Только вы!.. Австрийцы даже
Эту ночь, не без причин,
Не сажали в карантин,
Пропустить велели страже.

[1] Единственная порядочная улица в Венеции.
[Примечание «Искры»]

А. Н. Майков.

Рис. Н. А. Степанова.

Улыбнетесь ли хоть раз,
Грудь от страсти опорожня?..
Ах, австрийская таможня
Снисходительнее вас.

* * *

Всем тут весело: французам
С вечной сахарной водой,
Савве Саввичу с шампанским
И котлетой отбивной.

Площадь Марка блещет газом,
Месяц льет лучей снопы...
Я прислушиваюсь к фразам,
К смеху, к говору толпы.

Что за вид при лунном блеске!
Точно брызги серебра
Окропили эти фески,
Фраки, шляпки, кивера.

Эти пестрые наряды
Разных наций и племен,
Эти стройные громады
К небу взброшенных колонн.

Что за смесь! Британцы, янки,
Группы дам, Парижа львы,
Звонкий шаг венецианки,
Мой папаша из Москвы,

Каски, деланные в Вене,
В Вене деланный народ...
Все скользит, как по арене,
Шепчет, спорит иль поет.

Что за ночь! В ней новый жар мы
Почерпаем... Горе прочь!
Даже венские жандармы
Милы мне в такую ночь.

* * *

Князь NN и граф фон-Дум-ян,
Мичман С, артист Б—ин
Мечут с хохотом червонцы
В глубину морских пучин.

В Alla Luna шум и звон.
Меж столов, подобно гончим,
Слуги бегают. Сэр Джон
Улыбается за «Пончем».

Кончив скромный свой обед,
Барин, с ленточкой на груди,
Поднял на ноги буфет
Из-за двух пропавших скуди.

Не смущен скандалом тем,
От усилья рад затюкать,
Там в углу поэт А. М.
Ищет рифм на слово: слякоть.

Что ж мне делать? Злость взяла.
В Корсо — рано, душно в море...
— Мальчик, есть у вас «Пчела»?
Новый нумер? — «No, Signore».

— Нет! Так старый дай! Ну, что ж?
«No, Signore...» Постоянно
Эта фраза, леди Анна,
Бьет меня, как острый нож.

Помню: вас спросил я в море:
— Леди, любите ль меня?
Вы ж, спокойствие храня,
Мне сказали: «No, Signore».

* * *

В душу верил я когда-то
И в душе был очень рад,
Часто слыша от собрата:
«Ты глупец и ретроград».

Нынче... нынче ж беспрестанно
Стал себе я изменять:
Стоит знать вас, леди Анна,
Чтоб души не признавать.

* * *

Этот край обетованный,
С вечным солнцем небеса,
Кавалькады с леди Анной,
Южных красок чудеса,

Мне всю жизнь — скажу короче —
Будут памятны они —
Эти бархатные ночи,
Эти блондовые сны.

Обличительный Поэт. (175)

СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Сон в летнюю ночь
Долго ночью вчера я заснуть
не могла,
Я вставала, окно отворяла...

Долго ночью вчера лечь в постель я не мог, —
В ералаш целый вечер пробился,

Перед самым рассветом, одетый, прилег,
И ужаснейший сон мне приснился.

Лишь заснул, гляжу: тихо скрипнула дверь,
Распахнулась, шумя, занавеска, —
И вошел господин — на лицо точно зверь,
Точно сделан из грома и треска.

Разодвинулись стены квартиры моей,
Подземелья за ними открылись;
И послышались звуки железных цепей,
А в цепях тех страдальцы томились.

Грозный гость подходил все к постели моей,
Говорил мне (приличия чуждый):
«Много ль здесь ты провел всех бессонных ночей.
Много ль денег награбил на службе?»

Пред словами его обессилел я вдруг, —
В нем признав своего генерала...
И звучало в ушах: «Упекаю под суд.
Под судом пропадешь, обирало».

Протекали часы... просыпается дом...
Мой покой уж облит был зарею...
На столе ералаш, игроки под столом...
Я не знаю, что было со мною...

А—ъ. (176)

СОН

Долго ночью вчера я забыться не мог —
То ходил, то сидел у окна я;
Воздух ночи меня раздражительно жег,
Ароматом цветов опьяняя.

Только вдруг раздалися шаги под окном,
Растворилися двери без шума,

И вошел ко мне старец с суровым лицом,
Устремив в меня очи угрюмо.

И раздвинулись стены лачуги моей,
Колоннады за ними открылись;
Блеск и роскошь везде! — Вереницы огней
В алебастровых вазах светились.

Странный гость улыбаясь ко мне подошел,
И, кругом показавши рукою,
«Все мое, — говорил, — все трудом приобрел, —
Где грозя, где сгибаясь дугою.

Оглянися, я Крез — все блаженства земли
Мне доступны в обманчивом мире —
А когда-то и я пресмыкался в пыли
И дрожал в нетопленой квартире.

Я, бывало, как ты, строго честь понимал,
К слову «взятка» питал отвращенье...
Проносились года, я поопытней стал,
Назвал весь этот бред увлеченьем.

А уж ныне, поверь, эта грозная честь,
Эта ненависть к взяткам забыты...
Как же это не брать, если нечего есть,
Лишь бы было все шито да крыто.

Посмотри на меня, мне повсюду почет;
Ну, и кто ж упрекнет меня в краже?
Нет, немало я жертвовал в пользу сирот...
Намекнуть не осмелятся даже.

Оглянись же теперь на себя: пропадет
Жизнь твоя в непрерывном мученьи;
Ты наклонишься скоро под гнетом забот,
Проклиная минуту рожденья».

Говорил он, вперив в меня пристальный взгляд,
Горячо пожимал мои руки, —
И звучало в ушах: «Ты быть можешь богат,
И исчезнут и горе, и муки!»

Вдруг открыл я глаза — я лежу, а постель
Облита восходящей зарею;
Я один, весь дрожу... ветер ломится в щель —
И, увы! ни гроша за душою!

А. Н. (177)

ЖИЗНЬ СКВОЗЬ РАЗНЫЕ ОЧКИ

(Мотивы русских поэтов)

Мотив ясно-лирический

В легких нитях, белой дымкой,
На лазурь сквозясь,
Облачка бегут по небу,
С ветерком резвясь.

Тихий вечер навевает
Грезы наяву,
Соловей не умолкает...
Вот я чем живу.

Месяц льет потоки света...
Сел я на траву, —
Огоньки сверкают где-то...
Вот я чем живу.

В летний день, в затишьи сада,
Милую зову.
Поджидаю в поле стадо...
Вот я чем живу.

Ласки девы ненаглядной
Rendez-vous во рву,

Видом бабочки нарядной...
Вот я чем живу.

Я срываю шишки ели,
Незабудки рву
Я пою, пою без цели...
Вот я чем живу.

Литературное Домино. (178)

Н. Ф. ЩЕРБИНА

(1821—1869)

Итальянских певцов-теноров
Я не слушаю с их примадоннами,
Но, закутавшись в плащ под колоннами,
Я, с цветами, в природу влюбленными,
Чую музыку вечных миров.
Уловить этих звуков нельзя,
Выраженье для них не придумано:
Слаще гимнов Россини и Шумана,
Льется музыка, в душу скользя.
Вечный враг театральных кулис,
Сидя в поле с афинскою лирою,
Я поющим мирам аплодирую,
Восклицая неистово: bis!

(179)

ГРЕЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Я лежал на Марафонских полях,
А гекзаметр горел на устах.
Наяву иль во сне, но, поэзии полн,
Видел где-то я там, вдалеке, при луне,
Блеск эгейских серебряных волн —
И чудесный процесс совершался во мне:
Пред мечтою моей проходил
Еврипид и Софокл, и Эсхил...
Вспоминал я прелестные взоры
Живописной Аркадии дев,

Эримантоса дивные горы
И певцов беотийских напев
Под зеленым шатром сикоморы:
В честь Венеры пафосские храм,
Где у белой коринфской колонны,
Волю дав неудержным страстям,
Танцовали лесбийские жены...

И приятно ласкали мой взор
Парфенона краса и размеры,
И дымок, что вился из амфор,
И в плюще виноградном гетеры...
Там быстрей, чем из лука стрела,
Повершать — с волей сильной и жгучей
На гражданской арене дела
К агоре мчался всадник кипучий...
Высоко возносился мой дух,
Я к Зевесу поднял свои руки,
А меж тем щекотали мой слух
Тетрахорда приятные звуки...
Кипарисы склонялись ко мне;
Перепутаны ветвью лианы,
Помавали главою платаны...
И, пылая в священном огне
И сливаясь с природой устами,
Я коснулся до лиры перстами...
И сознал, что, душою и мыслию грек,
Я эллинов вполне понимаю;
Что каков ни на есть, а и я — человек
И в себе мирозданье вмещаю.

Новый Поэт. (180)

ЧУВСТВО ГРЕКА

Мы на ложах сидели пурпурных
В благодатной тени сикоморы;

Ароматы курилися в урнах,
И гремели певучие хоры.
И Эллады живые напевы,
Как вино, нашу кровь разжигали;
На коврах ионийские девы
С негой южною нас щекотали.
Целовала меня Навзикая,
На груди волновался гиматий;
И, устами к устам приникая,
Ожидала ответных объятий;
Но ни ласка, ни песня, ни шутка
Мне не милы от девы Эллады;
Мальчик розовый, дивный малютка,
Привлекал мои жадные взгляды;
Я внимал, как лились, не смолкая,
Его песни согласные звуки,
И рыдала вдали Навзикая,
Опустив свои смуглые руки.

Д. Д. Минаев. (181)

Н. Ф. Щербина.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

(1820—1898)

* * *

Вчера мы встретились: она
остановилась,
Я так же... Мы в глаза друг
другу посмотрели...
О боже! как она с тех пор
переменилась,
В глазах потух огонь, и щеки
побледнели...

Вчера в пустом и длинном переулке
Я шел один, о прошлом вспоминая,
И вдруг она навстречу... Боже! Боже!
О, ты ли это, Людовика — бледная, худая?
И долго на нее смотрел я молча
И подал руку ей... Она свою мне протянула
И покачала головой так грустно, грустно...
Я говорить хотел... Она вздрогнула
И глухо прошептала: «О, ни слова,
Ни слова, ради бога!.. До свиданья»...
Я долго провожал ее глазами и думал:
Жаль тебя, погибшее, но чудное созданье!..

Новый Поэт. (182)

* * *

Мы встретились с вами на бале,
Всю ночь до утра был в экстазе я...
Со мною вы в вальсе летали,

Как греза легки, как фантазия...,
На эту волшебную встречу,
На страсть поэтически детскую
Я драмою светской отвечу,
Где выведу женщину светскую.
Брожение мысли неясной
В ней будет понятно для всякого...
Вы явитесь музой прекрасной
И славой Полонского Якова

(183)

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Лес да волны; берег дикой,
А у моря домик бедный.
Лес шумит; в сырые окна
Светит солнце, призрак бледный.
Словно зверь голодный воет
Ветер, ставнями шатает.
А хозяйки дочь, с усмешкой,
Настежь двери отворяет...

Поле. Ров. На небе солнце.
А в саду за рвом избушка.
Солнце светит. Предо мною
Книга, хлеб и пива кружка.

Солнце светит. В клетках птички.
Воздух жаркий. Вкруг молчанье...
Вдруг проходит прямо в сени
Дочь хозяйкина Маланья.

Я иду за нею следом;
Выхожу я также в сенцы,
Вижу: дочка на веревке
Расстилает полотенцы.

Говорю я ей с упреком:
— Что ты мыла: не жилет ли.
И зачем на нем не шелком,
Ниткой ты подшила петли? —

А Маланья, обернувшись,
Мне со смехом отвечала:
«Ну, так что ж, коли не шелком?
Я при вас ведь подшивала».

И затем пошла на кухню...
Я туда ж за ней вступаю.
Вижу: дочь готовит тесто
Для обеда, к караваю.

Обращаюсь к ней с упреком:
— Что готовишь? не творог ли? —
«Тесто к караваю». — Тесто. —
«Да; вы, кажется, оглохли?»

И, сказавши, вышла в садик...
Я туда ж, взяв пива кружку.
Вижу: дочка в огороде
Рвет созревшую петрушку.

Говорю опять с упреком:
— Что нашла ты? уж не гриб ли? —
«Все болтаете пустое.
Вы и так, кажись, охрипли».

Пораженный замечаньем,
Я подумал: «Ах, Маланья...
Как мы часто детски любим
Недостойное вниманья...»

Козьма Прутков. (184)

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ НАПЕЧАТАЕТСЯ

Неужели так поздно?
Лениво, удаляясь прочь,
У башен спрашивает ночь:
«Который час?»
— Да уже девятый, —
Звонит ей Спасская в ответ.

Потух последний луч зари,
Туманы сизые упали,
И звезды, будто фонари,
В саду у Излера мерцали.
Роса на листьях, как алмаз,
Слезами крупными дрожала,
А в небесах луна, как таз,
Суконкой вытертый сейчас,
Над темным городом всплывала.
— Куда ж мне деться? — молвил день,
Спросив у стража Нарвской части;
Но страж молчал... лишь в блеске власти,
Над ним всплывала ночи тень.
— Который час, кума? —
«Не рано!»...
И из жилетного кармана
Ночь вынимает свой браслет,
Дню шлет решительный ответ:
«Иди, уж час пошел десятый,
Дремотой сладкой мир объятый
Теперь весь мой...»
И мнилось мне:
В тот час, по мрачному эфиру,
Надевши темную порфиру,
Ночь при звездах и при луне
Гнала день палкой по спине...

Д. Д. Минаев. (185)

НА ВЗМОРЬЕ

Вижу я, сизые с золотом тучи
Загромоздили весь запад; в их
щель
Светит заря; каменистые кручи,
Ребра утесов, березник и ель
Озарены вечереющим блеском;
Ниже безбрежное море...

Гаснул день в дымке сумерек нежных,
Солнце скрылось, когда я стоял
На одной из прибрежных,
Над заливом поднявшихся скал,
И с тоскою смотрел неизменною,
Позабыв всю вселенную,
Как морские валы
Серебристо-молочною пеною
Омывали подножье скалы,
Как неслись надо мною волокна
Облаков золотисто-лиловые,
Как в прорехи их, словно как в окна,
Улыбались мне звезды перловые...
Вот и ночь... Ароматна она,
Эта ночь благодатная, южная...
Вот, как лебедь, всплыла молодая луна,
Отражаясь в воде, как жемчужная...
И в тот час я, забывши свой челн,
И свой насморк, и тело недужное,
Слушал музыку волн.
Песни волн были полны причуды,
И в их ропоте слышен совет:
«Ревматизма побойся, поэт,
И домой уходи от простуды».

Д. Д. Минаев. (186)

А. А. ФЕТ

(1820—1892)

Пусть травы на воде русалки колыхают,
Пускай живая трель ярка у соловья.
Но звуки тишины ночной не прерываюг.
Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я.
Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой,
Порой тяжелый карп блеснет у тростников,
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Уснули рыбаки у сонных огоньков.
Скользит и свой двойник на влаге, созерцает,
Как лебедь молодой, луна среди небес,
Русалка белая небрежно выплывает:
Уснуло озеро. Безмолвен черный лес.

(187)

ЛЕТО

Умирает весна, умирает!
Водворяется жаркое лето.
Сердит муха, комар снаровляет
Укусить — все роскошно одето!

Осязательно зреющий колос
Возвышается вровень с кустами.
По росе долетающий голос,
Из лесов словно пахнет грибами...

От шмелей ненавистных лошадки
Забираются по уши в волны.

Вечера соблазнительно сладки
И сознательной жаждою полны.

Прикликает самец перепелку,
Дергачи голосят сиповато,
Дева тихо роняет иголку
И спешит, озираясь, куда-то.

Н. А. Некрасов. (188)

* * *

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды глядясь;
Меж теми звездами и мною
Внезапная связь родилась...

Я долго стоял неподвижно
И странные строки читал;
И очень мне дики казались
Те строки, что Фет написал.

Читал... что читал, я не помню,
Какой-то таинственный вздор;
Из рук моих выпала книга —
Не трогал ее я с тех пор.

И. С. Тургенев. (189)

ОСЕНЬ

(С персидского: из ибн-Фета)

Непогода. Осень. Куришь,
Куришь, — все как будто мало...
Хоть читал бы, только чтенье
Подвигается так вяло.

Осень; скучно; ветер воет;
Мелкий дождь по окнам льет...

Ум тоскует, сердце ноет,
И душа чего-то ждет.

И в бездейственном покое
Нечем скуку мне отвесть...
Я не знаю: что такое?
Хоть бы книжку мне прочесть.

Козьма Прутков. (190)

* * *

Молчали листья, звезды рдели,
И в этот час
С тобой на звезды мы глядели,
Они на нас.

Шептали листья — «звезды рдели»,
И в этот миг
На нас те звездочки смотрели,
А мы на них.
Уж если небеса глядятся
В груди живой...
То как не зарапортоваться
И нам с тобой.
Что и спросонья говорится
Не всякий раз,
Что если в. сердце и хранится,
Так про запас,
Что много слаще карамели,
Темнее тьмы —
Как друг на друга поглядели,
Сказали мы.

Н. А. Гнут. (191)

* * *

Тихая звездная ночь.
Трепетно светит луна.
Сладки уста красоты
В тихую звездную ночь.

Теплая звездная ночь.
С рюмкою хереса мы
Любим и пьем за вино
В теплую звездную ночь.

Друг мой! Мне жажду к вину
Можно ль теперь превозмочь?
Ты же чиста, как вино,
В теплую звездную ночь.

Друг мой! Я херес люблю,
Но и от водки не прочь,
Ты же всего мне милей
В теплую звездную ночь.

(192)

* * *

Зимняя картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна!..

Милая картина,
Как ты мне родна:
Разбитной мужчина,
Гибкая спина!
В обществе значенье,
В службе благодать,
За женой именье...
— И пошла писать!..

Дядя Пахом. (193)

В ЛЕСУ

Лесом мы шли по тропинке
единственной
В поздний полуночный час.
Я посмотрел, — запад с дрожью
таинственной

Гас...

Лесом иду по тропинке таинственной,
Сосны с обеих сторон...
Из головы ж не выходит единственный
Плут в своем роде — Семен.
Стройные ели, березы зеленые,
Словно гиганты, стоят...
(Ладить с пейзанами дело мудреное:
Только надуть норовят.)
Это затишье лесное мне нравится...
Дятела слышен лишь стук...
(А уж Семен... становой с ним не справится:
Просто отбился от рук.)
Слышу кукушки тоскливое пение...
Пчелы к цветам так и льнут...
(Съезжу-ка я в волостное правление:
Шельму, авось, отдерут.)
Вот выхожу на просеку, заросшую
Сочной, густою травой...
(Задал бы порку и сам я хорошую,
Если б не съезд мировой.)

Д. Д. Минаев. (194)

* * *

Давно ль под волшебные звуки
Носились по зале мы с ней?
Теплы были нежные руки,
Светлы были звезды очей

Давно ли, безумный и праздный,
Я с вами по лесу бродил.
И он нас рукою алмазной
С ветвей изумрудных кропил.
Вчера я прочел «Положенье»,
В прихожей послышался стук:
Семен — каково положенье! —
Сервиз мой сронил на сундук.
Уснул я — и сон неотвязный
Меня в ту же рощу унес,
И сосны росою алмазной
Сверкали, как брызгами слез.

Д. Д. Минаев. (195)

СТАРЫЙ МОТИВ

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало.
Что оно горячим светом
По листам затрепетало...

Я пришла к тебе с приветом
Рассказать, что я устала,
Что всю ночь за тем поэтом,
Что ты дал мне, продремала.
Он поет, как лес проснулся,
Каждой травкой, веткой, птицей,
Но над этою страницей
Уже сон меня коснулся.

Утром только я узнала,
Что от жажды лес уж плачет,
И к тебе я прибежала,
Чтоб узнать, что это значит?

(196)

ДУЭТ ФЕТА И РОЗЕНГЕЙМА

(Бессознательное ликование и бессознательное хуление)

Фет.

Я пришел к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало.

Розенгейм.

Я пришел к тебе с памфлетом
Рассказать, что нынче летом
По трактирам, по буфетам
Всюду мясо вздорожало.

Фет.

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой.

Розенгейм.

Рассказать, как я согнулся
От забот и ужаснулся:
Целый город захлебнулся
И томится винной жаждой.

Фет.

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова...

Розенгейм.

Рассказать, что с дикой властью
Нас глотает адской пастью
Злоба ига откупного.

Фет.

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет.

Розенгейм.

И открыть родному люду,
Что всех взяточников буду
Бить, как старую посуду,
И мой стих их стон развеет.

Д. Д. Минаев. (197)

* * *

Топот, радостное ржанье,
Стройный эскадрон,
Трель горниста, колыханье
Веющих знамен,
Пик блестящих и султанов;
Сабли наголо,
И гусаров и уланов
Гордое чело;
Амуниция в порядке,
Отблеск серебра, —
И марш-марш во все лопатки,
И ура, ура!..

Майор Бурбонов. (198)

* * *

Кротко глядит небосклон.
Жарко... чуть движутся ноги...
Сядем с тобою в вагон
Конно-железной дороги.
Сядем с тобой в уголок,
Скрывшись от зноя и блеска:
Только один пятачок

Стоит такая поездка.
Милая! счастлива ты?
Сам я как счастлив, о боги!
Вижу прогресса цветы
В конно-железной дороге...

Д. Д. Минаев. (199)

В АНТОЛОГИЧЕСКОМ РОДЕ

С корзиной, полною цветов, на голове,
Из сумрака аллей она на свет ступила,
И побежала тень за ней по мураве,
И пол-лица ей тень корзины осенила.

Картину чудную сегодня видел я:
С корзиной, полною немытого белья,
Среди широкого двора она стояла
И дворника с ключом тоскливо поджидала.
Досадой искрились лазурные глаза,
И капала из них жемчужная слеза,
И был в восторге я, в окно на прачку глядя,
И думал про себя: «Как хороша ты, Надя!»

Н. С. (200)

* * *

Сядем здесь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На коре вокруг дупла!

Сядем здесь, под этим кленом,
Солнца розового ждать
И, как следует влюбленным,

Поцелуем опаленным,
Станем таять и молчать.

Посмотри, как горы сини!
Посмотри, как ночь плывет!..
Лист не дрогнет на осине...
Слаще музыки Россини
Даль звенящая поет.

Нет во мне иных желаний,
Нет желаний горячей,
Как вдали от пыльных зданий
Слушать музыку лобзаний,
Слушать музыку ночей.

Майской ночи ароматы,
Сном объятый небосклон,
Соловьиные раскаты...
О, скажи мне: влюблена ты?
Я давно уже влюблен.

Д. Д. Минаев. (201)

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ С ГРАЖДАНСКИМ ОТЛИВОМ

(Посвящается А. Фету)

* * *

«Сядем здесь под этим кленом! —
Говорит моя подруга: —
Посмотри — над небосклоном
Брызжет светом солнце юга...
Позабыть пора давно нам,
Что груба теперь прислуга.

Посмотри, как эта нива,
Точно море, колыхает;
Как, к реке склонясь лениво,
Зеленеющая ива
В струйках ветви обмывает, —
И забудь, что так лениво
Дворня шапки нам снимает.

Посмотри, как вся поляна
Задымилася от жара,
А за лесом даль румяна,
Точно в зареве пожара...
Так оставь бранить Ивана,
Что не чистил самовара».

Нет, ни волны аромата,
Ни сияние денницы,
Мной воспетые когда-то,
Не разбудят струн цевницы, —
Оттого, что гусенята
Съели пук моей пшеницы.

* * *

Когда мои мечты за гранью
прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою
туманной,
Я плачу сладостно, как первый
Иудей
На рубеже земли обетованной.

Когда наплыв противных мне идей
К нам ворвался, — смирить не в силах стона,
Стал плакать я, как плакал Иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда меня журнальный Асмодей
Преследовал как лирика салона,
Стал плакать я, как плакал Иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда табун соседних лошадей
Топтал мой хлеб, — увидя то с балкона,
Стал плакать я, как плакал Иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда в мой сад явился гусь-злодей
Для похоти гусиного мамона, —
Стал плакать я, как плакал Иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

И вот теперь, бродя между людей,
Я не пою, как пел во время оно, —
Но плачу все, как плакал Иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

* * *

Лежу я на скошенном сене,
Надрезав два спелых арбуза,
Лежу я — и в сладостной лени
Зову тебя, верная Муза.

Явись предо мной на поляне!
Мне хочется песен и ласки!
Так просит ребенок у няни
Любимой обещанной сказки.

Я счастлив, и песня готова
В мелодию звуков сложиться;

Но дума мелькнула — и снова
Вопрос в голове шевелится.

Зачем эти южные штаты
Торгуют рабами доныне?
О, гнусное рабство, когда ты
Угла не найдешь и в пустыне?..

* * *

Солнце спряталось в тумане.
Там, в тиши долин,
Сладко спят мои крестьяне —
Я не сплю один.
Летний вечер догорает,
В избах огоньки,
Майский воздух холодает, —
Спите, мужички!
Этой ночью благовонной,
Не смыкая глаз,
Я придумал штраф законный
Наложить на вас.
Если вдруг чужое стадо
Забредет ко мне, —
Штраф платить вам будет надо
Спите в тишине!
Если в поле встречу гуся,
То (и буду прав)
Я к закону обращуся
И возьму с вас штраф;
Буду с каждой я коровы
Брать четвертаки,
Чтоб стеречь свое добро вы
Стали, мужички...

Д. Д. Минаев. (202)

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ БЕЗ ГРАЖДАНСКОГО ОТЛИВА

* * *

На дворе не слышно вьюги,
Над землей туманный пар!
Уж давно вода остыла,
Смолк шумливый самовар.

На дворе мычит корова,
Ждет на крыше кошку кот,
Небо темно и сурово,
Буря плачет и ревет.
«Что валяешься в прихожей!
Самовар нести пора...
Наказанье с этой рожей:
Дрыхнет с самого утра».
Казачок вскочил. Сурово
Буря рвется в ворота,
Но молчит в хлеву корова,
И на крыше нет кота.

* * *

Я — на диване сидел,
Ты же — к окну подошла;
Месяц в окошко глядел,
Полночь томила и жгла.
Вдруг я с дивана спрыгнул,
Ты — отошла от окна,
Я на луну заглянул —
Спряталась в тучи луна.

* * *

Что это: ночь или день?
Дай мне, мой ангел, ответ!
Свет, прогоняющий тень,
Тень, застилавшая свет.
Тучки нигде ни следа,
Ярко зарделся восток.
Шепчешь ты мне — середа,
Я ж говорю — четверток...

Д. Д. Минаев. (203)

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

(1825—1893)

ИЗ СОУТИ

Все в природе плачет.
Плачет ветер в поле,
Плачет в хате пахарь,
Плачут дети в школе,
Плачет мир по селам,
Городам и дачам...
Милая! с тобою
Сядем и заплачем.

(204)

* * *

Домчатся ль к вам знакомых песен звуки,
Друзья моих погибших юных лет?
И братский ваш услышу ль я привет?
Все те же ль вы, что были до разлуки?

Хотелось мне для вашего альбома
Сложить десятка два веселых строк,
Но мне, увы! веселье незнакомо:
Есть скорбь одна, — скорбеть я только мог.
Едва ль себя для вас переиначу,

Могу лишь петь страданье и грозу...
Поверьте мне: я и теперь вот плачу
И вместо точки ставлю здесь — слезу.

(205)

ОТСТАВНЫЕ

Нищие

В удушливый зной по дороге
Оборванный мальчик идет,
Изрезаны камнями ноги,
Струится с лица его пот.

Поутру по улице пыльной
Отставленный частный идет,
Потерто лицо его сильно
От горя, тоски и забот.

Во взоре печальном, смущенном,
Нет гордости прежней следа;
В кармане его истощенном
Лежит с «аттестатом» — нужда.

Он все по передним слонялся,
У трех председателей был.
Да каждый принять побоялся:
Не ладно-де прежде служил.

А дома жена... За квартиру
Вчера он хозяйке отдал
Последние вещи, что с «миру»
На службе в три года собрал.

Вот парою мчится квартальный —
Служил под начальством его:
«Дружище!» — он вскрикнул печально,
Но тот не взглянул на него.

И с видом нахальным возница
Подумал об нем про себя:
«Теперь, брат, не та уж ты птица,
И нам уж плевать на тебя».

И прочь он пошел без укора,
Но вспомнил иное житье,
И кучера точно ж такова,
И все достоянье свое.

Усталый и гладом томимый,
Он встал у дверей полпивной,
И видит — с кокардою мимо
Такой же идет, отставной.

«Здорово, товарищ! Откуда?»
— Да вот, мол, от князя сейчас;
Просился в писцы хоть покуда,
Да нет, брат, везде нам отказ. —

«Немного хоть набрал я ныне,
Один лишь полтинник всего;
Да ты и в беде, и в кручине,
Пойдем и растопим его».

И с братом голодным, что было,
Он все пополам разделил,
Поставил бутылочку пива
И водки косушку купил.

И горе, отставка забыты,
И шумно беседа идет,
Сегодня: и пьяны, и сыты,
А завтра что бог приведет.

К—в. (206)

Н. А. НЕКРАСОВ

(1821—1878)

* * *

Что ты жадно глядишь на
дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу,
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

Что повесил головку пустую,
В стороне от наук и труда?
Знать, все манит тебя на Морскую,
Каждый день все туда да туда?

И зачем ты бежишь торопливо,
Вдруг накинув на плечи шинель?
На тебя, развалившись лениво,
Загляделась в коляске мамзель.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя каждой не лень:
Вьется ус темнорусый игриво,
Ростом парень в косую сажень!

Хватит ей на наряд и на ленты,
А тебе впредь на горький урок —
За большие набитый проценты
Туго-на-туго твой кошелек.

Взгляд один да французские моды
Распалят в тебе русскую кровь
И отцовские хлопнешь доходы
На поддельную девы любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю;
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
Все именье пойдет с молотка.

Ты с шикарной и милой девицей
Надорвавши и силы и грудь,
Спустишь все, наконец, за границей,
И придется тут спину согнуть.

Познакомясь с работою трудной,
Отцветешь, не успевши расцвесть,
Погрузишься ты в сон непробудной,
Если нечего будет поесть.

И в лице твоем, полном движенья,
Полном жизни, появится вдруг
Горьких слез да стыда выраженье
И последний, тяжелый недуг.

И схоронят в сырую могилу,
И забудут в Морскую твой путь,
Где утратил и деньги и силу,
Истощил ты и разум и грудь.

Не гляди же с тоской на Морскую,
У Дюссо горькой чаши не пей,
Отправляйся к себе в Мохозую
И подумай о жизни своей...

А. А. (207)

***

Если мучимый страстью
мятежной,
Позабылся ревнивый твой друг,
И в душе твоей кроткой и
нежной
Злое чувство проснулося вдруг.

Если кроткий, как вол, в трезвом виде,
Во хмелю непокоен твой друг,
И, придравшись к пустячной обиде,
Он тебя по лицу хватит вдруг,

Всем, что в руки тебе попадется,
Поскорее в него запусти;
Он сробеет, притихнет, уймется;
Тут ты водку вели унести.

Если водки просить еще будет,
Ни полрюмки ему не давай,
И скажи, что детей перебудит:
«Спать, мол, старый невежа, ступай».

Но, когда на другой день проснется
И, вчерашнее вспомнивши вдруг,
Прибежит пред тобой извиниться
Твой, хоть пьющий, но любящий друг, —

Ни рассказом, ни темным намеком
О вчерашнем его не тревожь,
Ни укором, ни робким упреком
Нестерпимых страданий не множь...

Твой упрек для него хуже будки...
На твоих он наказан глазах

Тошнотой, страшной болью в желудке
И трясеньем в руках и ногах.

Эраст Благонравов. (208)

КОФЕЙ

Не любил я ни грома, ни бури
И боялся, когда по лазури,
Разрушенье и гибель тая,
Пробежит золотая змея...

Я сначала терпеть не мог кофей,
И когда человек мой Прокофий,
По утрам с ним являлся к жене,
То всегда тошно делалось мне.

Больше чувствовал склонность я к чаю.
Но записочку раз получаю:
«Завтра утром приди, милый мой,—
Вместе кофей пить будем с тобой».

Вмиг всю ложность и все затрудненья
Я постиг моего положенья.
Но закон для меня billet doux
На свидание к милой иду.

Я дорогой дрожу весь заране.
Прихожу. Что ж? она на диване
Перед столиком чайным сидит:
На спирту сама кофей варит.

Я не ждал такой дивной картины.
Опустили мы мигом гардины,
Чтоб чей злой и насмешливый глаз
Не заметил бы с улицы нас..

Опишу ли весь пыл упоенья,
Все, что может себе в услажденье,
Когда время свободное есть,
На просторе любовь изобресть.

Все тогда с нею мы испытали,
О, с каким наслажденьем глотали
Жирный кофей мы после того:
Чашек десять я выпил его.

Она выпила тоже немало,
И, прощаясь, мне нежно сказала:
«Другой мой милый, до этого дня
Не любила ведь кофею я.

Я его с отвращеньем варила,
Но себя той надеждою льстила.
Что охотник до кофею ты, —
И сбылось предвещанье мечты.

Но чего и в мечтах мне не снилось,
То со мною внезапно случилось:
Прежде кофей я в рот не брала,
А теперь с наслажденьем пила».

— Он мне тоже всегда был противен, —
Я сказал ей в ответ. — О, как дивен
Волканический пламень страстей:
Он привычки меняет людей. —

С той поры полюбил я и кофей,
Весьма часто, когда мой Прокофий
По утрам с ним приходит к жене,
Я кричу: «Дай, брат, чашку и мне».

Эраст Благонравов. (209)

«Обязательные» литераторы.

Слева направо: Некрасов, Панаев, Григорович, Тургенев, Островский, Толстой.

Рис. Н. Степанова.

ПРОПОЙЦА

Жизнь в трезвом положении
Куда нехороша!
В томительном борении
Сама с собой душа,
А ум в тоске мучительной...

Когда в кабак за водкою
Мне не на что послать,
Когда сухою глоткою
Рок злобный проклинать,
Молить о сожалении
Нет больше сил во мне,
Все лучшие движения
Как будто в мертвом сне.
Пылаешь тайной злобою,
Сгораешь от стыда —
И собственной особою
Гнушаешься тогда:
На бороду небритую,
На прорванный халат
И на щеку разбитую
Все, кажется, глядят;
Крещенским грозным холодом
Мне веет от людей;
Живот подводит голодом,
Душа полна страстей,
Миг каждый представляется
Мне случай впасть в порок —
То мне в глаза кидается
Фуляровый платок,
Прельщаясь то монетою,
То цепью золотой,
Тогда я вам совстую
Присматривать за мной.

Все, что легко уносится,
Как можно дальше класть:
Все в руки так и просится,
Все хочется украсть.
Подобные стремления,
Я запросто скажу,
Нередко в исполнение
С успехом привожу.
Что делать? Обстоятельсгва...
Ах, если бы занять
На слово, без ручательства,
Целковых тридцать пять...
Сюртук себе хоть старенький
На площади б купил,
И детям, Наде с Варенькой,
По платьицу бы сшил,
Потешил бы для праздника,
Сводил бы в балаган,
Купил бы для проказника
Сережки барабан.
И матери б подарочки
Для виду хоть купил;
С друзьями бы по чарочке
Полынной пропустил...
Но деньги, что случаются,
Дорога всем одна —
Все мигом отправляются
В питейный дом сполна.

Эраст Благонравов. (210)

ПРОСЕЛКОМ

— Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок—
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок!—

Ноги босы, грязно тело
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дело?
Это многих славный путь.

Раз проселочной дорогою
Ехал я, — передо мной
Брел с котомкою убогою
Мужичок, как лунь, седой.

На ногах лаптишки смятые,
Весь с заплатками армяк.
Верно доля не богатая
Тебе выпала бедняк!

Подпираясь палкой длинною, —
Путь-то, верно, был далек, —
Брел ты с песней заунывною.
— Дядя, сядь на облучок! —

Сел старик. Седую бороду
Только гладит. — Ты куда? —
«Пробираюсь барин к городу,
Ждут оброка господа,

Крепко староста наказывал...
Вот бреду, болит спина...»
И, склонившись, мне рассказывал
Свою повесть старина.

— Погоди, дед! С тяжкой болию
Ты не ляжешь умирать,
На отчизну божьей волею
Сходит мир и благодать;

После лет долготерпения,
Бесконечного труда,
Под лучами просвещения
Смолкнет лютая нужда,

От его превосходительства
Слышал я, — а он мне зять, —
Что теперь само правительство
Будет слабых защищать. —

В мужике сердечный пламень я
Этой речью оживил,
И старик честное знаменье
С благочестьем сотворил.

Д. Д. Минаев. (211)

Л. А. МЕЙ

(1822—1862)

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Млеет ночь над немой Палестиною:
Вся впилась она в трель соловьиную,
И запахла мимозами
И шафранами, и розами...

У меня ль в вертограде заветное
Дышит амброю ложе приветное,
И под сенью прохладною
Манит негой отрадною!

Брызжет перлы фонтан перекатные,
И кропит мандрагоры[1] брунатные,
И сплелся над римонами
Виноград с кинамонами...[2]

Я одна... я супруга покинула —
Я в ночи его ласки отринула
И ушла от лобзания
На позор и страдания!

[1] Мандрагора — растение, семейства Salanaceae, цвета изэелено-брунатного.

[2] Гранаты. [Примечания «Искры»]

И вопьюся ль в уста твои знойные,
И прикроют нас ветви спокойные —
Пей елей, мой возлюбленный,
Еле-еле пригубленный!.

Пр. Владимирский. (212)

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Я приду к тебе с цевницею
В твой далекий вертоград,
Лишь за тающей денницею,
Вместе с трепетною зарницей,
Тени ночи низлетят.

В ту пору темную, туманную
Не узнают Ноя дочь.
Я походкой неустанною
Под одеждой легкотканною
Проберусь к тебе в полночь;

Я приникну голубицею
Ко щеке твоей лицом
И под темною ложницею
Буду жечь тебя сторицею
Поцелуем, как огнем.

Д. Д. Минаев. (213)

ЕВРЕЙСКО-РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

Приходи, моя желанная!
Ночь темна благоуханная,
Люди спят, лишь мы с тобой, мой друг, не спим.
Только звезды разгораются,
Только страстно заливаются
Соловьи в саду... мы млеем и дрожим.

Ты со мною под темной ложницею,
Вкруг куренья несутся волнами...
И молю, чтобы утро денницею
Заиграло позднее над нами.
О, забудь же салоны гвардейские
И гвардейца того молодого,
Что шептал тебе речи злодейские:
Я спою тебе песни еврейские,
По-еврейски не зная ни слова.

Д. Д. Минаев. (214)

Г. ПР. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Ю. Липиной

Знаешь ли, Юленька, что мне недавно приснилося?
Будто живется опять мне, как смолоду жилося...

Вы не поверите, что мне недавно приснилося.
Будто минувшее наше опять возвратилося;
Лиры тридцатых годов вновь звучат тихострунные,
Будто восстали из тлена Ершовы, Трилунные,

Ожили с ними ручьи, соловьи перекатные,
Пеночки, просеки, гроты, поля ароматные, —
Все это будто бы снова у нас водворилося...
Крайне прискорбно, конечно,
А все же приснилося

Н. А. Гнут. (215)

Г-ну ЛЮБА

Взгляните на лилии.
Любе.

В тот миг, в полуночь ту
таинственного мая,
Когда все расцветет, весной
благоухая,
И каждый миг твердит: «Лови
меня, лови!»
Когда дрожит звезда на небе от
любви...
. . . .
И кто-то с небеси цветочки
поливает.
Ты знаешь ли, Люба́, я думаю
о чем?
Я думаю, что: да, сионские
одежды
Даются лилии единой — не
царю...

В десятый кряду раз внимательно читая
Полуночь ту чресчур таинственную мая,
Когда на небе звезды от любви дрожат;
Когда становится фиалке невдогад,
Откуда голубой глазок у ней мог появиться
И что тут странного, коль не решит она,
Что значит наша жизнь, полуночь и весна.
Зачем не «полночь», а «полуночь» говорится?
И если, полно, смысл в стихотворении всем.
Вы знаете, Люба, я думаю о чем.
Я думаю, что нет: таких произведений
Десяток смастерит и «небывалый гений»,
Что приводил М-г Григорьева в экстаз,
И тот... но он, быть может, уж угас
В борьбе со стаей мух, шмелей и комаров,
Любви не ведавший, возлюбленный Кусков.

Н. А. Гнут. (216)

А. А. ГРИГОРЬЕВ

(1822—1869)

ROMA L'ANTICA

Отрывок из Одиссеи последнего сумасброда

Venezia la bella

И нет тогда конца ночам бессонным
Или горячке безотвязных снов—
То пса тоска, то муки злых духов.
. . . .
Да, пса тоска! тот жалобно унывный,
Однообразный вой во тьме ночей,

Я милую мою в античный Рим привез;
Дремала при луне всемирная столица,
И я исполнен был каких-то грёз,
И глупых, и больных, дождем кропящих слёз.
Мне виделись везде трагические лица,
И я завыл тогда, как некий ярый пес,
А милая моя завыла, будто псица,
И в вечном городке такой поднялся вой,
Что заревели вдруг козел, осел, ослица,
И крикнул «караул» французский часовой.

Николай Омега. (217)

Чухонские Афины[1]
1859, января 14.

[1] Так Н. Щербина называл Петербург.

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

(1837—1904)

КУДА ДЕВАТЬСЯ?

От людской любви и дружбы
В лес дремучий я бежал,
Стал кореньями питаться,
Мыться, бриться перестал.

С отверженьем и проклятьем,
Я в лесу один брожу.
Но, увы! здесь снова дружбу
И любовь я нахожу.

Солнце с неба дружелюбно
На меня бросает луч,
И поит меня с любовью
Меж дерев бегущий ключ.

Соловьи поют влюбленно,
Лобызаются цветы,
И блестят любви слезою
На деревьях все листы.

Дружно по небу гуляют
Золотые облака,
И грозит любовь и дружба
Мне из каждого сучка...

В каждой травке, в каждой мошке,
В каждой капельке росы
Обитает дух незримый,
Полный ангельской красы.

И старается мне сердце
Чувством нежным размягчить,
Чтобы дружбой и любовью
Целый век мой отравить...

И в лесу, в борьбе тяжелой,
Силы падают мои...
О, куда ж, куда сокроюсь
Я от дружбы и любви?

Аполлон Капелькин. (218)

ПРИЧИНА МЕРЦАНИЯ ЗВЕЗД

Как твои уста в веселом разговоре,
Чуть смыкаясь, снова закрываются;
Как любовь и радость в этом светлом взоре
Перелетным блеском разгораются, —
Так на светлом небе в этот миг мерцают
Купы звезд, живые, разноцветные,
Иль в любви и звезды глазками играют
И друг другу речи шлют приветные?..
Иль любовью нашей с неба голубого
Хоры их приветливо любуются?
Иль в виду избытка счастия земного
Их лучи завистливо волнуются?
Нет, любви дыханье так во мне широко,
Так из груди сильно вырывается
И, раздвинув воздух, так летит высоко,
Что эфир далекий колыхается, —
И с его напором звездные громады

В дружное приходят колебание...
Оттого-то в ночи неги и отрады
Веселей и чаще их мерцание...

Н. А. Добролюбов. (219)

МОИ ЖЕЛАНЬЯ

Дики желанья мои, и в стихах всю их дичь изложу я.
Прежде всего я хочу себе женщину с длинной косою.
Ум и краса мне ненужны: пусть только целуется чаще.
С этакой женщиной вместе мне друга философа надо.
С ней целоваться я буду, а мудрый мой друг в это время
Будет науки мне все изъяснять, чтоб не надо мне было
Время и зрение тратить над мертвою речью печати.
В этих условиях древней историей я бы занялся.
Нравятся мне пирамиды, развалины, сфинксы, колонны,
Море Евбейское с Желтой рекою и с Гангом священным...
В этом последнем омылся бы я с женщиной вместе и с другом.
Вымывшись, я бы отер себя длинной косою подруги;
Все это тут бы я вспомнить хотел, чтобы книжечку тиснуть,
С нею проникнуть в народ, уяснить ход общественной жизни,
Добрых утешить, а злых покарать, и разлить в мире счастье...
Все бы хотел я изведать: не только искусством заняться,
Но насладиться хотел бы я даже грехом преступленья,
Только чтоб нравственным правилам было оно не противно...
Все, что от друга я слышал, весь скарб своих сил и познаний, —
Все бы хотел перелить через женщину с длинной косою
В новое я существо — и в сей сладкой работе скончаться:
Пусть существо молодое начнет с того, чем я окончил.

После же смерти хотел бы я зрителем быть его действий,
Чувствовать мыслью и сладко дремать в созерцаньи глубоком.

Аполлон Капелькин. (220)

* * *

Ночь. Темно. Глаза открыты
И не видят, но глядят,
Слышу, жаркие ланиты
Тонким бархатом скользят;
Мягкий волос, набегая,
На лице моем лежит,
Грудь тревожная, нагая
У груди моей дрожит.
Недошоптанные речи,
Замиранье жадных рук,
Холодеющие плечи
И часов тяжелый стук . . .[1]

. . . .

Рассвело. Глаза открыты
И не видят, хоть глядят,
Так глядят, что из орбиты
Будто выскочить хотят.
Сбоку тяжкое сопенье,
Свист протяжный, носовой,
В коридоре стук, движенье,
Подметает половой . . .
Понемногу различает

[1] «Тут же нет никаких намеков: все так определенно и точно, что от себя не прибавлено ни одной черты. Развитие страсти поэт довел до того момента, который воспроизводится в рукописных сборниках. Я не отказываюсь варьировать самое стихотворение; но после темы делаю некоторую паузу, которую можно изобразить, пожалуй, хоть точками».

[Н. А. Гнут.]

Воспаленный сильно глаз,
Как на стульях отдыхает
Полубархат и атлас.
Где бурнус, где пелеринка,
Шляпка, зонтик, кринолин,
Тут браслеты, там ботинка...
На душе тоска и сплин.
Звон в ушах неизъяснимый,
Уходившаяся грудь,
И вопрос неразрешимый:
«Заплатить или надуть?»

Н. Л. Гнут. (221)

НА КЛАДБИЩЕ

Я лежу себе на гробовой плите,
Я смотрю, как ходят тучи в вы-
соте,
Как под ними быстро ласточки
летят
И на солнце ярко крыльями
блестят.
Я смотрю, как в ясном небе
надо мной
Обнимается зеленый клен с сос-
ной...

Я взобрался на могильную плиту
И внимательно смотрел, как на лету
Два тяжелые, кургузые жука
Колошматили друг друга под бока.
Как в объятиях березу дуб сжимал,
Как под деревом опенок вырастал,
Как паук среди своих дневных хлопот
Фантастический выплясывал матлот.
Так на кладбище за жизнью я следил,
И Случевский мне на память приходил;

Вспомнил я, как он на кладбище лежал,
Как под ним мертвец о камень лбом стучал;
Как мертвец Monsieur Случевского просил,
Чтобы тот его на время хоть сменил.
По закону же содружества идей,
Вспомнил случай я другой еще страшней:
Вспомнил нищего, разрушенный гранит,
И восставшего из гроба страшный вид.
Ветра свист, луны дрожащий свет,
Мертвеца протест и нищего ответ...
И невольный трепет в сердце проникал,
Но попрежнему на камне я лежал,
И попрежнему сшибалися жуки,
Отличалися в матлоте пауки,
Все с березами амурились дубы,
Все росли еще под деревом грибы.

И. Л. Гнут. (222)

* * *

Последним льдом своим спирая
Судов высокие бока,
В тепле весны шипя и тая,
Готова тронуться река.

Едва застывшим льдом спирая
Челнок забытый под бока,
От стужи ежась, замерзая,
Ворчит бессильная река!
Уж не сбежать ей в степь и в горы,
Под темным грузом облаков —
И где на дне ее узоры
Из разноцветных парусов?
С лугов сбежавшие топазы
Кристаллизуются в снега —
И все стиховные проказы

Передадут ей берега...
И только в будущее лето
Она снесет в морской простор
Негодный хлам, ненужный сор,
Стихи бездарного поэта,
И всякий вздор и всякий вздор...

Спасопреображенский. **(223)**

ПОДБОЧЕНЯСЬ, ХОДИТ МЕСЯЦ...

Ходит ветер, избочась,
Вдоль Невы широкой.

Подбоченясь, ходит месяц
Голубой, лазурной высью,
От востока и на запад
Пробегая плавной рысью.

И, прищуря томно глазки,
Со звездой звезда болтает,
А Меркурию Венера
Подозрительно мигает.

А над миром усыпленным,
Где не спят жуки да блохи,
Рея, плавают в тумане
Лишь одни людские вздохи.

Д. Д. Минаев. (224)

ЗВЕЗДЫ И СЛУЧЕВСКИЙ

По эфиру, как с поминок
Возвращающийся инок,
Месяц крадется бочком;

По эфиру без ботинок
Бродят звезды босиком,
Бродят ночью без опаски,
Сняв чулки и сняв подвязки,
И мигая, словно глазки
Засорили им песком,
Пылью нашею земною;
Говорят они со мною
Мне понятным языком.
Их язык чужд нашей сфере,
Их язык, как очи Мэри,
Состоит весь из лучей,
И ему, по крайней мере,
Ни в каком диксионере
Равносильных нет речей.
С языком лучистым этим
В мире я знаком один
И внимаю звездам-детям.
Нынче вздумалось пропеть им:
«Для тебя лишь только светим
Мы, Случевский Константин!..»

Д. Д. Минаев. (225)

«ПОСЛЕДЫШИ»

В. П. БУРНАШЕВ

(1809—1888)

КРАПИВА

Картофель, харч благословенный,
Во время скудости для всех бесценный.
И хлебом кто нуждается,
Картофелем нередко пропитается.

Крапива! дрогоценная трава!
Когда у мужика все кадки пусты,
С тобою щи варят вместо капусты,
И во крестьянстве ты сытна и здорова!
Ты даже нрав порочный исправляешь
И к трезвости пьянчугу возвращаешь,
Когда, на старости, колюча и жестка,
В руках десятского ты хлещешь мужика.

Н. А. Некрасов. (226)

УСТРИЦЫ

Устрицы! харч благословенный!
Во время жарости для всех бесценный!
Кто хлебом не нуждается,
Устрицами нередко пропитается.

Устрицы и вкусны, и сытны, и сладки,
Поганства в них нет, и лишь гадки
Те люди, которые врут,
Что устрицы гадость, и устриц не жрут!

Н. А. Некрасов. (227)

АРТИШОКИ

Артишоки, вот харч благословенный,
В обед и необед для всех бесценный,
Артишоки и вкусны, и сытны, и сладки,
Поганства в них нет, и лишь гадки,
Те люди, которые мнят,
Что артишоки гадки, и их не едят.

Н. А. Некрасов. (228)

* * *

При осторожности ты грома не страшись . . .

При бесталанности стихов ты не пиши
И человечества собою не смеши;
Не славу тем себе, а стыд приобретешь,
Что ты стишищами дубовыми несешь . . .

Н. А. Некрасов. (229)

Н. В. БЕРГ

(1823—1894)

В пляске бешено-кипучей
Чуть касаясь до земли,
В мир восторгов и созвучий
Восхитительной качучей

Вы меня перенесли.
Я пред вами преклонялся,
К вам рвалась моя душа.
Я кричал и бесновался
И невольно восхищался
Вашим чудным антраша.
Легче серны и газели
В торжествующей красе
Вы носилися в «Жизели»;
Мы за вами все глазели
И отбили руки все.

Новый Поэт. (230)

В. В. КРЕСТОВСКИЙ

(1840—1895)

НАД ТРУПОМ

Вдруг выносит на берег волна
Белоснежный красавицы труп,
И дышал в ней улыбкою сна
Тонкий очерк несомкнутых губ...

Я лежал в камышах на спине,
Над рекою туман выплывал,
Сладострастные песни луне
Где-то там соловей распевал.

Этой песни томительной звук
Жег и нежил, как женский привет,
То Крестовский в нем слышался вдруг,
То с мотивами вешними Фет.

Вдруг я вижу — по зеркалу вод,
Где хрустальная тает волна,

Труп красавицы мертвой плывет,
И его озаряет луна.

Расступается в брызгах струя,
И круги по реке понеслись;
Сзади вьется коса, как змея,
В груди — черные раки впились.

Разодвинув рукой камыши
В непонятной, безмолвной тоске
Я следил, как в полночной тиши
Труп скользил и дрожал на реке.

Но холодного трупа не смел,
Как Крестовский, я жадно обнять.
Каюсь: плавать притом не умел,
А пошел мужиков я искать.

И, созвав понятых на совет,
Я привел станового с собой:
Где есть труп — тут не нужен поэт,
Нужен тут лишь один становой.

Д. Д. Минаев. (231)

Я ушел от вас на берег моря
Где в жемчужных звуках гро-
хот льется...

В самом деле, шли бы вы на взморье,
Где в жемчужных звуках грохот льется,
Вот, где петь так, точно, уж раздолье.
Пойте все, что на душе споется...
Спелся вздор (ведь может же случиться)
Так никто о нем и не узнает,
Над певцом там некому глумиться:
Водяной пародий не слагает.

Только знайте — рифмами играйте;
Моря — вторя, лилий — белых крылий...
Много весу мысли не давайте, —
Песнь споется без больших усилий.
А устали вы от песнопений,
Наигрались в трелях ночи нежных, —
Ждет вас много наслаждений
Скромных, чистых, самых безмятежных:
Понабравши ракушек в лукошко,
Рикошетом в море их швыряйте,
Иль, пожалуй, помяучьте кошкой,
Или хохот по морю пускайте.
Но печатно в этом развлеченьи
Лучше б вы не делали признанья:
Что, как вдруг да все стихотворенье
За ребячье примут лепетанье.

Н. Л. Гнут. (232)

* * *

О, взгляни ты: голубые звезды
робко блещут,
Бледно-полевою лентой даль
окаймлена...

Ах, взгляните, закрывает тучкой боязливо
Бледный, тощий, томный лик свой интересная луна;
Робко в озеро склонилася ветвями ива,
Боязливая целует их тайком волна,
Ветерок украдкой бродит в липовой аллее,
И привет ему деревья робко шелестят;
Дергачи во ржи трещат слабее и слабее,
Соловьи над розами от робости молчат.
Вы взглянули... перемена прежних декораций:
Тучки нет уже; луна приветно светит вновь,
Исполняют соловьи под сению акаций,
Ряд блестящих, звучных, гармонических варьяций,

На мотивы нежные: «взаимная любовь»...
Прежней робости ни в чем как будто не бывало
С той поры, как вы, мой друг, ее прогнали прочь...
О! еще б такая перемена не настала,
Когда милая, дрожа, певцу презентовала
«Тихо, всю в одно лобзанье слившуюся ночь».

Н. Л. Гнут. (233)

П. А. КУСКОВ

(1834—1909)

* * *

Ничего не слышит ухо,
Ночь безмолвна, как в пустыне;
Все уснуло, только муха
Где-то бьется в паутине.

Жарко, душно на перине;
Всюду тихо, всюду глухо.
Лишь поэта чует ухо,
Как в предсмертных муках муха
Слабо бьется в паутине,

Как в саду, где с песней скачет
Стрекоза в тени колодца,
С комаром комар дерется,
Да в траве кузнечик бьется,
Да с тоски букашка плачет.

Тараканом ночь сползает,
Зорька в небе догорела,
А любовь к поэту смело
Пауком на сердце села
И мучительно сжимает.

Всюду тихо, всюду глухо...
Лишь клопы, благоухая,
Пробирались, сна не зная,
Вниз по пологу, да злая
Где-то в стекла билась муха.

Н. Л. Гнут. (234)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Поздно ночью, в злую бурю,
Мчуся я домой скорей:
То-то я побалагурю
С благоверною моей.

Вот влетаю... и от злости
Я затрясся точно лист —
К ней пришел не в пору в гости
Русской оперы хорист.

И хорист потупил очи;
У него был бледен лоб, —
А жена, что было мочи,
По щеке меня вдруг хлоп.

«Вот тебе, бродяге, вору...
И в родимые края
Вечно явится не в пору, —
Рожа скверная твоя!»

Из родимого мне края
Оскорбленный, в ту же ночь,
Всех дичась и избегая,
Я ушел далеко прочь.

И угрюмый, как могила,
Рассуждаю в уголке:

«Эка сила, эка сила,
У жены моей в руке!»

С той поры я озабочен,
И бушует ад в крови;
Я узнал позор пощечин,
Я узнал, что нет любви.

Скорбный Поэт. (235)

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Комары да мухи
Все меня кусают...

Комары да мухи
Трогают поэта;
Ухитрился лирик
Всех их сжить со света.

Он свои творенья
Пересыпал ядом,
И травою сонной —
На погибель гадам.

И поэта злого
Осенила радость:
Знает он, что мухи
Лезут и на гадость.

Берегись, читатель,
Он ведь хитрый малый:
Он и нас с тобою
Отравит, пожалуй.

Скорбный Поэт. (236)

Н. Н. СТРАХОВ

(1828—1896)

* * *

В тиши моей жизни ничтожной
В досаде пустых огорчений,
И в шуме пустого веселья
Дремлю я душою тревожной.

Душа моя будто в застое,
И мысль в голове колобродит;
Сказал бы я что-то такое,
Да все ничего не выходит.

Зеваю я дома келейно,
В гостях, у знакомых, зеваю...
Варьирую что-то из Гейне,
А именно что? — уж не знаю.

И в мире мне словно как тесно,
А то так, как будто просторно,
Чего я хочу? — неизвестно...
Вот этак — прошу вас покорно.

И ветер, и снег, и морозы...
Опять захотелось чего-то...
Уж разве пройтись насчет прозы.
Зевота, с оттяжкой зевота.

Н. Л. Гнут. (237)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПАРОДИЧЕСКИЕ ПАМФЛЕТ, ФЕЛЬЕТОН И САТИРА

М. В. ЛОМОНОСОВ

«О ты, что в горести напрасно
На бога ропщешь, человек...»

О ты, что в горести напрасно
На службу ропщешь, офицер!
Шумишь и сердишься всечасно,
Что ты давно не кавалер!
Внимай, что царь тебе вещает,
Он гласом сборы прерывает,
Рукою держит эспантон —
Смотри! каков в штиблетах он!

Речет: «Сбери все силы ныне
И стой так прямо, как солдат,
Где был, как в унтерском я чине
Завел в России вахт-парад?
Когда маршировать заставил?
Явил в маневрах и прославил
Величество и власть свою?
Подай-ка тактику свою.

Где был ты, как передо мною
Возрос из алебардов лес,
Моей обделанный рукою?
Ты не видал таких чудес.
Когда солдаты все одеты,
Как бы бубновые валеты,
Тянули фронт передо мной;
Ты тут вкушал один покой.

Кто с деревянными кремнями
Солдат здесь выучил стрелять?
К спине белеными ремнями
Лопатки вздумал привязать?
Мундиры с битью золотою
Не я ли сильною рукою
На плечи офицер надел
И в праздник их носить велел?

Главы острижены солдатски
Ты мог ли пуклями снабдить?
И их одевши по-дурацки
В казармы кучами набить?
И вдруг, ударивши тревогу,
Подобно зверю, а не богу,
От трусости как лист дрожать
И двух в солдаты написать.

В болотах глинистых и грязных
Когда и где ты увязал?
И офицеров безобразных
В худых мундирах где видал?
Не зря врагов перед собою
Приготовлялся ли ты к бою,
Никто на коем не погиб?
И взял ли приступом ты Биб? [1]

Из беглых мог ли ты капралов,
Кои не смогут говорить,
Наделать кучу генералов
И им полки препоручить?
Ты мог ли эспантон поправить?
И под арест за то отправить?

[1] Укрепление в Гатчине. Примечание «Лютни».

За вздор из службы исключить
Иль навек в крепость засадить?

Твоей ли хитростью Кутайцев
Играет роль больших вельмож?
Мещан он душит так, как зайцев,
Дворянство все не ставит в грош?
В моих палатах обитая,
Россиян бедных разоряя,
В нем виден точный Басурман.
Такой талант тобой ли дан?

Не ясна ль в том моя щедрота,
Велел что головы рубить?
Пришлась тебе когда охота
Кадилом в церкви покадить?
Священной ризою одету
В себе представить шута свету,
Служа обедню за попа?
Уже ли мысль сия глупа?

Ко удивлению же света
Когда мундиры я кроил,
Зачем не подал мне совета,
Чтоб я покрой переменил?
Когда я выдумал штиблеты,
Ботфорты, латы и колеты,
Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб я иной всему вид дал?

Ума твово пределы узки
Могли ли тайну ту понять,
Что Анна[1] греческа по-русски

[1] В честь своей любовницы Анны Лопухиной Павел приказал на знаменах и штандартах вышить «благодать». Примечание «Лютни».

Святую значит: благодать?
Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски,
Знамена, флаги кораблей
Любезной именем моей?

Скажи ты мне, в странах российских
Кто славный акцион завел,
Чтоб кто хотел крестов мальтийских,
За деньги в оном бы нашел! [1]
С Французами два года дрался,
Чтоб остров Мальта нам достался,
На коем нет почти людей!
Дела то мудрости моей!

Возмог ли ты хотя однажды
Гоненье шляпам объявить?
Велеть Россиянам, чтоб каждый
Престал бы круглые носить?
Пучки и сапоги с ушками
Указом истребить меж вами,
Изгнать потом с заносом фрак?
А все кричат, что я дурак!

Сие служивый рассуждая,
Познай мою ты сильну власть,
И, прусский твой мундир таская,
Имей свою в терпеньи часть.
Я все на пользу вашу строю:
Казню кого или покою,
Аресты, каторги сноси
И без роптания терпи.

С. Н. Марин. (240)

[1] Кресты мальтийского ордена продавались.
[Примечание «Лютни».]

ОДА, ПИСАННАЯ В ЖАРУ ПОЭТИЧЕСКОГО ВОСТОРГА, ПО ПРОЧТЕНИИ ЗНАМЕНИТОЙ ПОЭМЫ: ПЕТУШОК В САПОЖКАХ.

Восторг, восторг в груди кипит!
Миры! планеты! вся природа!
Тс!.. ни гугу!.. пусть все молчит
И ждет: в минуту грянет ода!!!
Что ж воспоем мы? — Все равно:
Здесь главное не в смысле дело;
Лишь было б звонко, громко, смело,
И высоко, и мудрено!
В душе сгустился страшный мрак,
И на сердце упали тучи!..
Увы!.. в кастрюле бедный рак,
Сморчок в бору — в мороз трескучий
Не столько жмутся, как сердца,
И мысли, и умы, и души,
У тех, чьи и глаза и уши
Попали в бездну без конца!
В какую? Много бездн таких:
Вниз головой и вверх ногами
Нередко мы летаем в них;
И после — с длинными ушами
Встаем оттуда!.. Ах! Увы!
Мечты, Надежды нас ласкают...
И вдруг... так по носу щелкают,
Что не найдешь и головы!
Но мы таинственный покров
Опустим... Пусть сквозь сумрак ночи
Сей дребедень бессвязных слов
Проникает мудрых зорки очи!
Шалит негодная судьба:
Про это знают все народы!
Пусть смысл высокой этой оды
Найдут и скажут: а! а! а!

Ш. (241)

ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ ЭПИКУРЕЙЦЕВ

Друзья, собранье усладим,
Вино стоит пред нами,
Дай два ведра опорожним,
Украсимся венками!
Кому судьбою здесь дано,
Возможные все средства,
Чтоб пить хорошее вино,
Так тот не знает бедства.
Пустое полно говорить,
Забудем плута Боньку...
Не лучше ль нам винца налить
И выпить полегоньку?
Тебе сей кубок, голова,
Цвети твое здоровье!
Ты наши выслушай слова
И подпиши условье.
Ты яко первый дела член,
Будь нам питья примером:
Теперь с тобой контракт свершен;
Не смей быть лицемером!
. . . .

(Хор повторяет два последних стиха)

Мслвчь. (242)

* * *

До рассвета поднявшись, извощика взял
Александр Ефимыч с Песков
И без отдыха гнал через Лигов канал
В желтый дом, где живет Бируков.
. . . .
В черном фраке был он, был тот фрак запылен,
Какой цветом — нельзя распознать,
Оттопырен карман, в нем торчит, как чурбан,
Двадцатифунтовая тетрадь.

Вот к полудню домой возвращается он
В трехъэтажный Моденова дом;
Его конь опенен, его Ванька хмелен,
И согласно хмелен с седоком.
Бирукова он дома в тот день не застал...

А. А. Дельвиг. (243)

* * *

Когда в Москве я побываю
То, вняв судьбе,
Для Н. Ф. П. позабываю
Ф. и Б.

Д. Д. Минаев. (244)

БРАТЬЯ-ЖУРНАЛИСТЫ

Не стая птиц, а как собаки,
Готовые из-за костей
Загрызть и ближних и друзей,
Так алчные вина и драки,
В урочный из недельных дней,
К Булгарину, в числе гостей,
Сбирались разные писаки.

Какая смесь лиц и умов,
Способностей и состоянья:
Из немцев, поляков, жидов,
Здесь русских критиков собранье.
Здесь цель одна для всех сердец:

Не верить никаким законам;
Меж ними зрится пан-беглец,
Что приставал ко всем знаменам.
Песоцкий букинист-варяг.

И множество других бродяг —
Язвинский, Шпиц, Межевич грязный,
И Греча сын и с ленью праздной
Сам Греч, действительный цыган.

Шпионство, злость, подрыв, обман —
Вот узы избранных мерзавцев;
Тот их, кто по миру пустил
Двух или трех книгопродавцев;
Кто ближнего из-за чернил
Перед правительством чернил;
Кто ум и гений не щадит,
Кого бесчестье веселит,
Как Греча скромная известность.

Раскрылись подлые уста...
Речь о писателях заходит...
И на невинных клевета
Из уст в другие переходит.
Но, сплетен истощив запас,
Умолкли все... их занимает
Фадея старого рассказ,
И все вокруг его внимает.

Нас только двое: Греч и я;
Взросли мы розно; наша дружба,
Как басня «Крестьянин и змея»,
Наскучила нам чести служба.
И согласились меж собой
Мы издавать журнал большой;
В сотрудники себе набрали
Пройдох таких, как мы точь-в-точь;
Свои грехи на них слагали,
А пикнут — отгоняли прочь.

Бывало, в ту пору глухую
Статейку пустим удалую,

Браним иль хвалим под рукой
И вес имеем над толпой:
Кто не робел меня и Греча.
Сберется ль где-нибудь род веча,
Туда, как братья, и кричим,
Всех громче судим, осуждаем,
На счет хозяев пьем, едим,
Всех как Иуды предадим —
И сребренники получаем.

И что ж? попались молодцы.
Мы с Пушкиным не совладали,
Он нас клеймил; как подлецы
С тех пор мы в общем мненьи стали.
И я чуть не попал в острог.
Но вынесть больше Греча мог:
Я бегал под двумя орлами,
Он все гонялся за чинами.
Я уцелел, он изнемог.
С трудом поддерживая связи,
(Хоть и в чинах, а все из грязи),
И мне во всем быв по плечу,
Он трусил всех, твердя всечасно:
Мне стыдно здесь... в Париж хочу.
Я тут себя ему напрасно
В пример бесстыдства выставлял:
Он в Петербурге всех стыдился
И путешествовать пустился.
Оттоль статейки присылал;
В них русским льстил, других ругал,
Но тем не выиграл у трона...
Лишь за границею стяжал
Он имя русского шпиона.

Но наша связь свое взяла.
Вновь с Гречем мы соединились.

Стыдливость глупая прошла,
С ней честь и совесть удалились,
Восстали снова мы. С тех пор
Росла в нас злость на всех известных,
Душа рвалась при виде честных,
Алкала сплетен, лжи и ссор.
Нам тошен был журнал правдивый,
Редактор, критик справедливый,
Поэт, художник и актер,
И в юноше талант счастливый,
На всех двойнюй точили нож.
Всех под сюркуп вели. И что ж,
Из всех — лишь одного больного
Нам страшно резать старика:
На Николая Полевого
Не поднимается рука.

Раз, помню, сам в войне жестокой,
В измене трижды уличен
(Как перебежчик двух сторон),
Я с чувством подлости глубокой
Кричал: Vivat! Ура! Pardon!

Н. И. Куликов. (245)

* * *

Норов к Борову летит,
Боров Норову кричит:
«Норов, как бы нам уладить,
Просвещение спровадить?»
Норов Борову в ответ:
— Дела тут большого нет:
Стоит лекции оставить
И студентов в строй поставить.
Книги все лежат в пыли,

Книги мохом поросли,
Нет науки, света нет,
Умер университет.
  Кем убит и отчего,
  Знает Фицтум лишь про то,
  Знает Пушкин, знает Норов,
  Да Россия, да сам Боров.
Норов каску уж надел,
Боров миром завладел;
А Россия ждет иного,
Света ясного, живого.

(246)

КНУТ

Ремянный кнут, не безъуханный,
Забытый в поле вижу я,
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

Кто дал тебе твой вид приятный,
Тебя тесемкою обвил,
И кто твой кончик сыромятный
Так превосходно прикрепил?

Скажи мне, кто владел тобою,
И что он был за человек?
С тяжелой, легкой ли рукою,
А главное, — кого ты сек?

Стегал ли ты кляченки жалкой
Хребет и впалые бока,
Иль, мирно чередуясь с палкой,
Гулял по ж... мужика?

Мужчин ли больше ты исправил,
Иль также женщин поучал?

И тот зачем тебя оставил,
Кто, кнут! тобою обладал?

Ты, громко девок вызывая
Иль к земскому, иль на гумно,
Иль к барину под сень сарая,
Стучал ли в низкое окно?

Иль, может быть, о бич славянский!
Вооружась тобой, холоп
Дал з . . . . це понять дворянской
Тоску простых мужичьих ж . . ?

И, что б ни делал ты доныне,
Привет тебе усердный мой,
Опора трона, друг святыни,
Символ страны моей родной.

(247)

КНУТ

Скажи мне, ветка Палестины. . .

Скажи мне, двигатель народный,
Символ народной простоты,
Какой рукою благородной
И занесен откуда ты?

От стран ли дикого востока
Пришел ты в обществе меча,
В руках ревнителей пророка,
Слепому рабству нас уча?

Иль чуждого происхожденья —
Ты по сродству нам близок стал
И ни единого мгновенья
Еще нерусским не бывал?

Скажи мне: грешною спиною
Тебя кто первый перенес?
От униженья ль пред тобою
Он лил потоки горьких слез?

Иль честью не обеспокоен
И крепок выей и хребтом,
Он был равно тебя достоин
Перед людьми и божеством?

Меж нами действуя свободно,
Пришлец в России вековой —
Ты лучший страж любви народной
И власти верный часовой!

(248)

* * *

Жил на свете рыцарь модный,
Литератор не простой,
С виду милый, благородный,
Духом робкий и пустой.

Он имел одно виденье,
Ум смутившее ему,
Что к свободе направленье
Поведет его в тюрьму.

Но таланта дар отличный
Да Белинского слова
От паденья нрав тряпичный
Охраняли в нем сперва.

И в пустыне скверно-людной
Он сберег сердечный жар,
Он возвысил лик народный,
Заклеймил позором бар.

Но в минуту раздраженья
Самолюбьицем пустым
Молодого поколенья
Стал врагом он мелочным

Но, тревожась о пощаде,
Сам к царю он написал,
Что он, преданности ради,
Связи дружбы разорвал.

И, холопам подражая,
Он представился царю,
Царь сказал ему, кивая:
«Очень вас благодарю».

И прием хоть был отраден,
Но художник со стыда
Скрылся сразу в Баден-Баден,
Словно призрак без следа.

Н. П. Огарев. (249)

СТАНСЫ

Если вор тебя облупит,
Не печалься, не сердись;
За пропажей не гонись:
День возмездья, верь — наступит.

Частный взяток не берет
И лишь к сведению примет;
Что украдено — найдет,
Что найдет — сейчас отнимет.

В. С. — в. (250)

ОТКУПЩИКУ-ХУДОЖНИКУ

Губитель, не страшись анафемы народной.
Проклятий общества бессилен трезвый шум.
Услышишь честный крик и ропот благородный,
Но ты останься подл, бесчувствен и угрюм.

Ты — царь, миллионер. Сивухою негодной
Как отравить весь мир — допрашивай свой ум,
Усовершенствуя плоды нечистых дум,
Не требуя похвал за подвиг свой доходный.

Ты сам себе хвала. Ты: как отличный плут,
Всех лучше ценишь свой мошеннический труд.
Ты им доволен ли, народных язв художник?

Доволен? — Так пускай иной тебя бранит,
И, плюнув на кабак, где твой кумир стоит,
Клянет воздвигнутый на бочках твой треножник.

Пр. Вознесенский. (251)

ЭЛЕГИЯ

Старинных дней подьяческие взятки
Теперь, увы, почти уж стали гладки,
Но, чем трудней дается этот клад,
Тем более найти его я рад.
Мой путь уныл: страшиться ежечасно
И ждать истцов и их терять напрасно.

Но не хочу от взяток я отстать,
Я брать хочу, с живых и с мертвых брать,
И ведаю: среди лихой невзгоды,
Мне новые откроются доходы.
Порой опять, как опытный судья,
Спасу мошенника, сирот ограблю я;

И, может быть, судьба за эти ухищренья
Мне ниспошлет кресты, награды, повышенья.

Неувенчанный Поэт. (252)

НЕДОВОЛЬНЫЙ

Дар прекрасный, дар широкий —
Крепостные мне даны!
Но почто по воле рока
Быть отпущены должны?

Кто? Зачем? К какому чорту
Мне дворянство даровал?
Тело приучил к комфорту,
Ум гордыней обуял?

Цели нет передо мною;
Праздны думы, пуст карман,
И томит меня тоскою
Сложный выкупа туман.

Эраст Благонравов. (253)

ЛЕКАРЬ И АПТЕКАРЬ

(Духу).

Не боимся мы насмешек,
Мы сдвоились меж собой...
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под одною скорлупой.

(254)

* * *

Гляжу как безумный на царский указ,
И слезы ручьями льются из глаз.

Когда легковерен и молод я был,
По части питейной я славно служил.
Но скоро я дожил до черного дня...

Однажды услышал не в добрый я час,
Что будто в сенате есть царский указ —
Питейные сборы на откуп отдать,
Казне же вином перестать торговать.

Услышав указ сей, я проклял его
И кучера призвал тотчас своего.
В сенатскую лавку летел на коне,
И жадность к корысти стонала во мне;

Лишь только увидел я лавки порог,
В глазах потемнело, я весь изнемог;
Я в лавку вступаю, читаю указ
И чувствуя в жилах ужаснейший мраз.

Хотелось мне в домике каменном жить...
И с садиком дачку для лета купить.
Питейные сборы погибли кругом,
А с ними и дача, и садик, и дом.

С тех пор я не знаю веселых ночей,
С тех пор не беру с кабаков податей.
Гляжу как безумный на царский указ
И слезы ручьями лиются из глаз.

(255)

Они любили друг друга так
долго и нежно...

В один трактир они оба ходили прилежно
И пили с отвагой и страстью безумно-мятежной.
Враждебно кончалися их биллиардные встречи,

И были и дики и буйны их пьяные речи.
Сражались они меж собой, как враги и злодеи,
И даже во сне друг со другом играли —
И вдруг подралися — хозяин прогнал их в три шеи,
Но в новом трактире друг друга они не узнали.

Новый Поэт. (256)

ПОЛОВОЙ

На светские цепи,
На блеск упоительный бала
Цветущие степи
Украйны она променяла.

На сан полового
(Увы!) променять он решился
Вид края родного
И избу, в которой родился.

Но с тайной тоскою
Глядит он на жизнь городскую —
Стремится душою
В губернию все Костромскую.

И края родного
На нем сохранилися знаки:
Без юмора злого
Не может глядеть он на фраки.

Откупорив пробку,
На водку он гордый не просит,
И волосы в скобку
И бороду длинную носит.

Неделю проводит,
Предавшись трактирным заботам,

Русскіе романсы и пѣсни въ лицахъ.

Русские романсы в лицах.

Но париться ходит
Он в баню всегда по субботам;

Пьет водку он редко,
Зато уж когда он напьется, —
Ругается метко
И сильно и больно дерется.

В нем мало задора
Откроешь неопытным глазом:
Ударит не скоро,
За то пришибет тебя разом.

Эраст Благонравов. (257)

ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ

Погрузясь в перины,
Крепко спит жена,
В кухне Акулины
Брань уж не слышна.

Все храпит исправно,
Все объято сном,
Вот теперь мы славно
В девичью пройдем.

(258)

* * *

По снежным сугробам Петровки,
Чуть свет заблестит в фонарях,
Плетеные санки несутся,
Несутся на полных рысях.

Скрестивши замерзшие руки
Под краденой шубой на грудь,

В тех санках сидит полицмейстер,
Главу опустивши на грудь.

И он, у подъезда театра,
Из санок является вдруг,
На нем треугольная шляпа
И форменый старый сюртук.

Скрестивши замерзшие руки,
Он ходит и взад и вперед,
И квартусов громко он кличет,
И бутарей громко зовет.

Но квартусы зова не слышат,
Одни уж с прохожим в бою,
Другие забыли в трактире,
И шляпу и шпагу свою.

(259)

В убогой избушке лежит одиноко
На голой соломе бедняк,
И дремлет, свернувшись от стужи, несчастный:
Не греет дырявый армяк;

И снится ему, будто в доме высоком,
В том доме, где роскошь и блеск,
Сидит жирный барин в халате атласном
И с жадностью рябчика ест.

Термонтов. (260)

ИЗ ГЕТЕ

(Только не немецкого).

Горные вершины
Спят во тьме ночной...

Дворник под забором
Спит во тьме ночной;

Крадется дозором
Наш городовой.

Полночь пьет, — а крошка
Спит, надев коты...
Подожди немножко —
Будешь бит и ты!

Последний эпик *Эраст Моховоев.* (261)

КРЕДИТНАЯ БУМАЖКА

Скажи мне, ветка Палестины...

Скажи мне, ветхая бумажка,
Где ты была, где ты жила,
В каком чиновничьем кармане
Ты темный век свой провела?

Не на дому ль тебя в халате
Советник важный принимал,
В части ль, в полиции ль, в палате
Писец ревниво поджидал?

Указ суда тогда ль читали,
Обряд свершая старины,
Когда к рукам тебя прибрали
Фемиды честные сыны?

И тот, кто взял, на службе ль ныне?
Берет, как прежде, каждый день,
На месте злачном, в крупном чине,
Имеет вес, дает ли тень?

Иль разлучен со взяткой, гладный.
В одежде ветхой, как и ты,

Кончает век свой безотрадный
На лоне гнусной нищеты?

Поведай: подлою рукою
Кто первый в дар тебя принес.
Что было куплено тобою:
Дела ли крови, или слез?

Вор-откупщик к большому ль плуту
Тебя послал в день имянин?
И отдана ты в ту ж минуту
Женой за тряпки в магазин?

Ходатай ли за каверз ловкий
Тебя вручил секретарю?
И где ты с ним потом, плутовка,
Встречала бледную зарю...

С товаром пойманный дорогой,
Жид становому ль подносил?
И, взяв тебя, тот, с миной строгой,
Грехи заблудшему простил?

Нуждой заботливой хранима,
О, демон совести людской,
Скажи: кому ты приносима
Была еще в стране родной...

Молчишь ты... Прошлое в тумане...
Но бледный цвет твой, грязный вид, —
Все о подлоге и обмане
И все о взятке говорит...

(262).

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю...

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.
Стану сказывать не сказки —
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подрастешь — и мир крещеный
Скоро сам поймешь,
Купишь фрак темнозеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «Я благонамерен,
За добро стою!»
Спи — твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду —
И махну рукой!

В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинной!
Баюшки-баю.

Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю.

Н. А. Некрасов. (263)

ГОЛОС ИЗ МОГИЛЫ

Пускай холодною землею
Засыпан я...

Пусть схоронили под землею
Давно меня,
Для всех загадкой роковою,
Откуда я.

Свой край родной, происхожденье,
Жилец могил.

В стране покоя и забвенья
Я позабыл.

И в страхе, в час жестокой муки,
Вернувшись в свет,
Ответа ждал я от науки —
Ответа нет.

Внимал я спорам, преньям шумным
Профессоров,
Но их ответ был в остроумном
Сближеньи слов.

Я слышал диспут двух ученых
И тосковал,
Что образ свой в чертах мудреных
Не узнавал.

Меня рвали они на части
Перед толпой,
Но им решить не стало власти:
Кто я такой.

Напрасно их теперь, тоскуя,
И дряхл, и стар,
Одну графу внести молю я
В мой формуляр.

«Родства непомнящий . . . » — в молчаньи
Ответ гремит,
И остов мой в немом страданьи
В земле дрожит.

Кто ж я такой? загадка снова,
Не решена,
Знать, с мертвецом святыня слова
Схоронена.

Кто я такой... Лежу безроден:
О старине
Ни Костомаров, ни Погодин
Не скажут мне.

Обличительный поэт. (264)

В УЕЗДНОМ СОБРАНИИ

Выхожу один я на дорогу...

Выхожу ль один в буфет я грязный,
Сквозь туман дрянной хрусталь блестит,
И, в больших графинах, водки разной
Целый строй на полках там стоит.

Табаком накурено безмерно,
Спит лакей на стулике худом,
Что же мне так больно и так скверно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?

Уж не жду в собраньи ничего я,
И не жаль расстаться с ним ничуть;
Я ищу похмелья и покоя,
Я б хотел напиться и заснуть.

Но не тем нелепым сном пьянчуги —
Я б хотел мертвецки так заснуть,
Чтоб ко мне лихой моей подруги
Голова склонялася на грудь,

Чтоб весь день, всю ночь, мой слух лелея,
Хор цыган зазвонисто мне пел,
Предо мной чтоб, ароматом вея,
В хрустале янтарный пунш блестел.

(265)

Выхожу один я на дорогу.

Рис. К. И. Рабуса.

В РЕСТОРАНЕ

Выхожу один я на дорогу...

Прихожу один я к Доминику,
Стол накрыт на семьдесят персон;
На столе цветы стоят для шику;
Ананас знакомый принесен.

Всяких вин наставлено довольно;
Для закуски — честер, стильтон, бри,
Отчего ж под ложечкою больно?
Стол накрыт — что хочешь, то бери.

Уж от жизни и от службы, видно,
Ничего мне не осталось брать,
Пообедать я б хотел солидно
И солидно за обедом врать.

Не враньем обычным ресторана.
До вранья поглубже я дорос:
Я б хотел, чтоб мы уселись рано,
С крышкой супа подняли вопрос,

До жаркого все его решая;
И потом, когда разносят дичь,
Чтоб лились, все чувства услаждая,
Тост за тостом и за спичем и спич.

Пр. Зн. (266)

ПОСЛЕ СПИЧЕЙ НА ЮБИЛЕЙНОМ ОБЕДЕ

Есть речи — значенье...

Есть речи — значенье
Нелепо, ничтожно, —

Внимать им без злобы
Никак невозможно.

Как полны их звуки
Лакейства и лести!
В них просьба о чине,
Моленье о месте.

Не встретит ответа
У сердца прямого
Из гаденьких мыслей
Рожденное слово.

Но добрый начальник
Заметит пролазу,
Уронит слезинку
И выведет сразу.

Гейне из Тамбова. (267)

КОРШ

В Москве в книжной лавке Краевский стоял
И тронную речь он держал.

И Кетчер, и Щепкин, и Корши толпой
Внимали той речи с тоской.

Твердил он: «Какая, друзья, благодать
Казенный журнал издавать!»

Твердил про доход с объявлений больших —
С казенных, а также с простых.

Итог тех доходов запал той порой
У Корша в душе молодой, —

П И. Вейнберг.

И цифрой итога томилась она,
Желаньем законным полна —

Доход собирать с объявлений больших —
Казенных, а также простых.

Эраст Благонравов. (268)

НА СМЕРТЬ СТРЯПЧЕГО

На смерть Гете

Предстала — и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане совершил
В пределе земном все земное!

Предстала, — и стряпчий великий смежил
Поповские очи в покое;
Он умер спокойно, зане накопил
Себе состоянье большое;
Надгробную надпись прочтешь ты в Донском:
«Коллежский асессор здесь спит с старшинством.

Все плоть в нем питало: опека детей,
По векселям старым взысканье,
Спасенье банкротов от верных плетей,
Сомнительных купчих созданье.
Два разные смысла на каждый закон,
Со скоростью вихря, подыскивал он.

С палатой одною он жизнью дышал, —
Заранее знал все решенья,
Сенатских нередко в трактир зазывал,
Кому сколько сунуть, — по роже он знал;
Питал к правоведам презренье;

Десятого тома вся книга ясна
  Была для него, — и казалось сносна.

Не раз попадался, под следствием был,
  Но всюду умел отвертеться
И сух из воды он всегда выходил,
И связи повсюду себе находил,
  И всюду умел протереться:
Лазейку он быстро прорыть себе мог —
  И в дом к правоведу, и в графский чертог.

Ограблен, обманут им был человек;
  Но, если общественным мненьем
Казниться мерзавцы не будут вовек, —
  О нем все помянут с почтеньем:
  Ограбленных вопли исчезнут, как пар, —
Плута оправдает его формуляр.

И если загробная жизнь нам дана,
  Он в здешней в Сибирь не попавший,
В крючках и увертках себя издавна
  С любовью такой упражнявший,
Хотя и с поличным предстанет во ад, —
Допросные пункты его не смутят.

Эраст Благонравов. (269)

* * *

Шопот. Робкое дыханье
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Корш и Федор Достоевский
Михаил Катков,
Розенгейм, Андрей Краевский,
Тур и Соловьев.
Боборыкин и Дудышкин

Фет и Небольсин,
Благовещенский и Шишкин,
И Ефим Зарин.
Ростислав, В. Л., Стебницкий,
Майков, Кошино,
Чаев, Бибиков, Лохвицкий
И Михно, Михно.

Д. Д. Минаев. (270)

* * *

Шопот «Зрителя», «Сиянье»,
«Грамотея» тень,
«Гамелица» колыханье,
Над «Поляной» «День».

«Нувелиста» плач и пени,
«Музыкальный свет»,
Ряд волшебных объявлений,
И поток газет.

Пред подпиской много прозы,
Близость января,
Смех «Гудка», «Амура» слезы
И «Зоря», «Зоря».

(271)

* * *

Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушенье,
Говор поселян.
От дворовых нет поклона,
Шапки набекрень
И работника Семена
Плутовство и лень.

На полях чужие гуси,
Дерзость гусенят, —
Посрамленье, гибель Руси,
И разврат, разврат.

Д. Д. Минаев. (272)

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОММЕНТАРИИ

ПРИМЕЧАНИЯ

ФОЛЬКЛОР[1]

Пародирование поэтических форм не чуждо народному творчеству. Как глубоко заходят в прошлое эти образцы народных пародий, — мы не знаем, так как и самые записи памятников народной поэзии не позволяют заглянуть дальше XVII века. Во всяком случае, сборник Кирши Данилова уже сохранил нам прекрасный образец пародии на русский героический эпос — богатырскую былину. Вероятнее всего, что зарождение пародий в народной среде следует связать со скоморохами, которые, будучи изгнаны из городов, уже со второй половины XVII века в большом количестве двинулись на Север. Память о скоморохах сохраняется там не только в специальных скоморошьих песнях, но и в особой манере исполнения, которая носит название «скоморошьего ясака».

Пародирование довольно широко охватывает различные виды народного словесного творчества: волшебная сказка, героическая былина, историческая песня, свадебное величанье, духовный стих, иногда целые сцены из свадебного обряда, пародия на церковную службу, заменяющая старый обряд похорон масленицы, — все это встречается и до сих пор в записях этнографов.

В тексте приводятся образцы пародий на поэтические жанры фольклора: былины, исторические и свадебные песни.

1. Сборник Кирши Данилова, изд. 1901, с. 110.

Ср. начало песни о Стеньке Разине в том же сборнике, с. 192:

Аи по[к]раи было моря синева
А на ус[т]ь Дону тихова,
На крутом красном берегу...

[1] Примечания к главе первой составлены В. П. Адриановой-Перетц.

или начало былины о Соловье Будимировиче (там же, с. 1):

Высота ли высота поднебесная,
Глубота, глубота акиян море...

2. П. Шейн. Великорусс в своих песнях, т. I, в. 1, с. 300 (Оренбургск. губ.).

3. П. Шейн, с. 298 (Курск. губ., Старосельск. у., с. Верхо-Стяжня).

4. П. Шейн, с. 285 (Вологодск. губ., Кадниковск. уезд).

Ср. начало песни о Скопине-Шуйском:

Как бы во сто двадцать седьмом году
В седьмом году восьмой тысячи...
(Сборник Кирши Данилова, с. 115).

5. П. Шейн, цит. соч. т. I, в. 2, с. 699, 728. Ср.

Твой жених и хорош и пригож:
Его кудри наложенные,
Черны брови наведенные,
Ясны очи как у сокола;
Его щеки — что твой маков цвет.
Его губы — что твой мед сотовый.

6. Там же, с. 685. Ср.

Как у сватушки головушка учесанная,
Как у сватушки бородка словно шелковая,
Как у сватушки рубашка нова ситцевая...

7. Там же, с. 483. В величальной жениху обычно поется:

Он садился на ворона коня,
Он поехал мимо тестева двора,
Становился против красного окна,
Он ударил копьем в ворота...
(П. Шейн, цит. соч. т. I, в. 2, с. 593).

Ср. также:

Миленький по горенке похаживает,
Он тугой лучок натягивает,
Кленову стрелу накладывает,
Кленовой стреле наказывает...
(Цит. соч., с. 692).

8. Там же, с. 655.
9. Там же, с. 759. Ср.

На тебе, дружка, кафтан,
Весь по ниточке собран.
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький.
На тебе, дружка, камзол,
С позолотою узор.
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький.
На тебе, дружка, штаны,
Черны бархатны.
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький.
(П. Шейн, цит. соч., т. I, в. 2, с. 634).

10. Там же, с. 437. Ср.

Приехала сваха дорогая, дорогая,
На ней шубонька голубая, голубая,
А фатынька шелковая, шелковая,
Сорочка золотая, золотая.
То то свахонька снарядка, снарядка...
(Там же, с. 681).

11. Там же, с. 594.
12. Там же, с. 417. Пародируемый образец пожеланий:

На твою матушку с городами венок,
с пригородками!
На твоего сына милого — добра коня.
Конь под ним ровно лютый зверь,
Сам на коне — как сокол на лету.
На твою, батюшка, дочерь милую
Полоянской плат, позолоченной.
(Там же, с. 476).

13. Там же, с. 385.

ЖАНР И СТИЛЬ

14. «Моск. Журнал», 1792, ч. VII. Переп. в сочин. И. И. Дмитриева под ред. А. Флоридова. СПБ., 1893, т. I, с. 280.

15. «Собеседник любителей российского слова»... 1782, ч. X, с. 165 сл.

16. «Харьковск. Демокрит». Тысяча первый журнал, издаваемый Василием Масловичем. Харьков, 1816, с. 18 сл. Приводим только начало оды.

17. «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения», 1802, ч. II, с. 111. Переп. в «Собрании некоторых сочинений, подражаний и переводов Пан[кратия] Сум[арокова]». М., 1808, ч. II, с. 56—61.

18. Ср. статью Ю. Н. Тынянова в книге «Архаисты и новаторы». Л., 1928.

19. «Моск. Телеграф», 1831, ч. 37, с. 48—49. Ср. следующую пародию, оттуда же (стр. 39), явно ей противопоставленную.

Бокал поэта 1831 году

Друзья! Наполним чаши
И с звоном их сшибем края!
Благословим фиалы наши,
Веселых призраков семья!
Вставай, товарищ полусонный,
Проснись, шалун угомоненный!
В таинственный полночи час
Я смело пробуждаю вас!
Приступим к тризне Шамбертеня,
Клико звездится и кипит:
Его фиал себе напеня,
Поэт вас всех благословит!
Шалите, милые, шалите,
Любите, пейте без забот,
Ловите радости, ловите
И в будущий, как в этот год!
Все пролетит — и жизнь, и радость!
Двуличен Янус, бойтесь: гадость
Он вам покажет в декабре,
Взманив на счастье в январе.
И просто: рожу молодую
Он вам поставит напоказ,
А после харю предурную
Вернет и испугает вас!
Кому остаться? Кто в могилу?
Кому несчастье? Кто на зло?
Пей, пей, друзья, пока под силу
И чересчур не перешло!
Я не хочу вас изурочить,
И вам не стану я пророчить...

Что мне? Беспечный ваш поэт
Сужден на много, много лет
Писать, печатать в альманах,
Вином заботы заливать,
И в разных Критики оврагах
От чтенья критик засыпать...

Что мне! Без славы и без думы
О славе пошлой и пустой,
Гоню мечты мои угрюмы
За дружной чашей круговой!

Что жизнь? Два-три стиха изрядных
В поэмах скучных и парадных,
Классических и предурных...
Ими за каждый этот стих

Так платим дорого!.. Сквозь слезы,
Я ваше пью вино, друзья,
И как январские морозы,
Трескуч и хладен сердцем я!..

И. Моднорифмин.

20. И. А. Крылов. Полное собрание сочинений, под ред. В. Каллаша, П., 1918, т. I, с. 310. Комедия «Проказники» (д. II, явл. 10, слова Тянислова). Пародийная направленность этого отрывка становится особенно ясной из контекста:

Тянислов: «Так мне надобно доказать, что мои стихи могут воскресить из мертвых и сделать себе вечную славу (вынимает стихи и читает над Плутанью)... Посмотрим, что произвели мои стихи! (Щупая рукой голову Плутаны). Ах, какой в нем жар появился!..» и т. д.

21. «Свободные часы», 1763, с. 302—303.

22. «И то и сьо». 1769, февраль, 7 неделя, об этой элегии автор ее пишет: «Полюбилось мне частое повторение речей, и для того собрал я их в кучу, и наименовал сочинение сие Елегиею».

23. «Харьковский Демокрит», 1916. Ай-ай, месяц май, с. 35—36.

24. Аким Нахимов. Сочинения в стихах и прозе, изд. 3-е, М., 1822, с. 31—32.

25. «Вестник Европы», 1821, № 9, с. 15—17.

26. «Благонамеренный», 1821, ч. XIV, с. 219—222.

27. «Атеней», 1828, I, с. 93. Письмо к издателю от незнакомого. Перед стихотворением читаем: «Робость

происходящая от неопытности, еще не допускает меня подвизаться на поприще Эпопеи; но ленивые досуги внушили мне антологическое (буквально — цветочное или пустоцветное) стихотворение, которое вам, М. Г., не худо бы напечатать в своем журнале». Пародируются мотивы элегий Батюшкова.

28. «Северный Меркурий». 1830, № 60, с. 240. Ср. у А. Ф. Кони в книге «Петербург. Воспоминания старожила» («Атеней», Л., 1922, с. 20). «Торговцам фруктами был посвящен в те годы популярный романс: «Напрасно разнощик»... Эти «пельцыны» и лимоны привозились тогда на кораблях и были гораздо большей редкостью, чем в последнее время».

Пародирование элегического жанра путем введения «гастрономических» мотивов было обычно. Ср., напр., «гастрономическую» пародию на элегию Карамзина. (Указано П. Н. Берковым):

Нет, полно, полно! Впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! Что прибыли любить!

Карамзин.

Зарок

Нет, полно, полно! Впредь не буду
Вина я за столом просить,
И лучше вкус в нем позабуду.
Нет, нет! Какая прибыль пить?
Я пил Бургонское с Шампанским,
Я пил Шато-лафит с Цымлянским,
Я пил и много кой чего —
Сперва был весел, улыбался,
На счет всех трезвых забавлялся,
А там не взвидел ничего.
Нет, полно, полно! Впредь не буду
Вина я за столом просить,
И лучше вкус в нем позабуду,
Нет, нет! Какая прибыль пить?

Автор пародии П. А. Пельский (1765—1803). См. «Мое кое-что», М., 1803, с. 31, или «Собрание руских стихотворений», изд. В. Жуковским, ч. 2, с. 182, изд. М., 1810 г.

29. «Сын Отечества», 1830, № 17. Стихотворение пародирует, с одной стороны, Воейковские переводы «Садов» Делиля, с другой, заметку «Изобретение стекла», напечатанную в «Литературной Газете» (1830, № 3, с. 23—24), написанную превыспренным слогом. Особенно показателен конец стихотворения. Самое заглавие пародирует «Изобретение ваяния» Дельвига, напечатанное в «Сев. Цветах» на 1830 г.

30. «Благонамеренный», 1822, ч. XIX, с. 514.

31. «Пиитическая игрушка», отысканная в сундуках покойного дедушки классицизма, изданная Н. М. М., 1829, с. 16—23. Инициалы Н. М. раскрываем на основании соображений, высказанных в предисловии к «Пиитической игрушке» в киевском издании 1919 г. Автор книжки, повидимому, Николай Маркевич (1804—1860), поэт и историк Украины. Эта книжка пародирует отживавшие к тому времени приемы «классической» поэзии. Характер книжки, предназначенной для «стиховой игры», разъяснен в предисловии. «...По несчастию, прелестная улыбка не всегда воспламеняет гиперборейский гений наших писателей. А стихи должно написать экспромтом. Что делать в таком случае? Воспользоваться предлагаемою мною книжкою. Вот наставление...

Кавалер осмотрит, не спрятался ли кто-нибудь в комнате, вынет из бокового кармана предлагаемую книжку и метательные косточки; бросит... число, положим, вышло 10, и вот на листочке, назначенном для первой строки, он находит стих. «О, Ангел кроткий, Ангел нежный!» Вот начало! Бросит кости еще раз на следующем листке — готова вторая строка. И так далее до четырех или восьми стихов. Книжка и косточки спрятаны, куплет написан и подан милой девушке с обыкновенным приветствием: «Извините! в такое короткое время я не мог лучше написать!..» Куплет пропет, слова подходят к музыке, суть одинакового достоинства с мелодиею будуарного Орфея, и красавица от души благодарит учтивого поэта. Какая же мысль заключается в куплете, спросят меня? Никакой, отвечаю я и с низким поклоном. Есть мера, стопы, сочетание рифм и страстное изъяснение в любви. Более ничего не нужно. Таким образом писали в классические времена. Но ежели другой учтивый кавалер сочинит сим способом куплет и попадет на те же самые стихи? — Невозможно! Всегда будет разница: читатели могут попробовать и убедиться в истине сказанного мною. Легко станется, что одина-

ковый стих вкрадется в знаменитое произведение» (стр. 12—14).

32. Там же, с. 24—27.

33. А. А. Шаховской. Сочинения, изд. А. С. Суворина, СПБ., с. 47—48, «Новый Стерн».

34. И. А. Крылов. Полное собрание сочинений, П., 1918, т. I, с. 236. (Комедия «Сочинитель в прихожей», д. III, явл. 1. Слова Рифмохвата). Ср. также пародию Крылова в комедии «Проказники», д. II, явл. 7.

35. «Северн. Меркурий», 1831, № 27, с. 110—111.

36. И. И. Дмитриев. Сочинения, СПБ., 1893, т. I, с 202—203.

37. «Благонамеренный», 1822, ч. 7, с. 446—447.

38. «Литературный Репейник», с. 26—27. Эта пародия напоминает отдельные места из стихотворения Райча — Друзьям. Ср.:

Я плыву и наплыву
Через мглу
На скалу
И сложу мою голову
Неоплаканную и т. д.

39. Там же, с. 28—29.

40. «Литературный Репейник». Альманах, изданный в 1834 г., СПБ., с. 25—26. Генетически связан с «Чертополохом». Ср. предисловие: «Восклицание! Если, милостивые государи и милостивые государыни, к 1830 году вырос Литературный Чертополох, то растолкуйте мне, отчего не вырасти в 1834 Репейнику?» Эпиграф к отделу «Поэзия»: J'allais vous parler de poésies modernes. André Delrieu.

41. «Сын Отечества», 1830, № 17.

42. К. Аксаков, Олег под Константинополем. Драматическая пародия с эпилогом в 3 действиях. СПБ., 1858, изд. «Любителя», с. 22—24. В предисловии К. Аксаков пишет: «написал я с одобрения товарищей эту пародию, в которой преувеличил до крайности мнения противников [Каченовского], представив Олега государем эпохи развитой и просвещенной. Вместе с тем это была пародия и на стихотворные идеализации истории в появлявшихся тогда некоторых патриотических драмах, и вообще на звучность стихов, иными принимаемую еще и теперь за поэзию».

43. Цикл «признаний в любви» в неизданном рукописном сборнике «Собрание сочинений разных авторов

в стихах и прозе». Часть I. Стихотворения, СПБ., 1833, с. 121—139 вкл. (Рукопись хранится в Пушкинском Доме). Этот сборник, как явствует из надписи на последней странице, приобретен в 1849 году С. Д. Полторацким у А. Ф. Смирдина. Два приведенных «признания» из «Новостей русской литературы» и «Харьковского Демокрита». Первое из этих «признаний» (из «Новостей») сходно с одним из имеющихся в рукописи Пушк. Дома, но полнее. Пародии любопытны как образцы использования технической терминологии. Интересно отметить, что «Признание в любви портного», как романс, известно было в провинции много лет назад.

44. «Новости русской литературы на 1802 год». М., 1802, ч. 3, с. 43—44. Об Иване Либенау см. «Книга в России», Гиз, 1925, ч. II, с. 36. У Неустроева и Венгерова это имя полностью не раскрыто.

45. «Харьковский Демокрит». Тысяча первый журнал, издаваемый Василием Масловичем. Месяц январь, Харьков, в Университетской типографии, 1816 год, с. 35—37.

46. А. С. Шишков. Собрание сочинений, ч. 4, с. 138—142.

47. «Харьковский Демокрит», с. 25—29.

48. «Северный Меркурий», 1831, № 17, с. 70—71.

49. К. Прутков, с. 78—79.

50. Там же, с. 68.

51. И. П. Мятлев. Полное собрание сочинений, СПБ., 1857, т. I, с. 115—116.

52. Там же.

53. К. Прутков, с. 84. Басня приводится в качестве образца знаменитых басенных пародий Козьмы Пруткова. Ср. еще пародию П. Н. Семенова на «Демьянову уху» Крылова в «Библ. Записках» 1861 г., № 15.

54. «Новый Живописец», ч. 3, с. 137.

55. «Моск. Телеграф», 1830, ч. 34, с. 229—230.

56. Там же, с. 231.

57. «Северный Меркурий», 1830, № 101, с. 90—91.

58. К. Прутков, с. 74.

59. «Новый Живописец», ч. 4, с. 192. (См. Дневник Кюхельбекера. Ред. В. Орлова и С. Хмельницкого, Л., 1929, с. 357—358).

60. К. Прутков, с. 233.

61. «Чертополох», карманная книжица для любителей и любительниц галиматьи, на XIX столетие. Печатано в типографии Н. Плюшара, 1830, 46 стр., с. 15—18.

Целый ряд альманахов 20—30-х гг. (издание М. А. Бестужева-Рюмина, Ф. Соловьева, Пуговошникова, Соболева и др.) является продукцией разночинного и купеческого дилетанта писателя-издателя. Белинский, который впервые отметил связь альманаха с перевесом стиха над прозой и вслед за Полевым указал на связь его с жанром «отрывков», делил все альманахи на три категории: «альманахи-аристократы» («Сев. Цветы», «Альбом Сев. Муз», «Денница» и др.), «альманахи-мещане» («Невский Альманах», «Урания», «Радуга» и др.) и «альманахи-мужики» («Зимцерла», «Цефей», «Комета» и др.). Приведенные альманахи «Лит. Чертополох» и «Лит. Репейник» являются любопытной пародией на две последние группы альманахов и характерны для мало освещенных моментов борьбы с низовой литературой в 30-х гг. (Ср. №№ 38, 39, 40).

62. Там же, с. 30—32.

63. Там же, с. 44—45.

64. Там же, с. 40—42.

65. А. Вельтман. Повести. Приезжий из уезда. СПБ. 1843, с. 98.

66. Там же, с. 80—81.

67. Там же, с. 59—61.

68. Там же, с. 103.

69. Там же, с. 21 и 25.

70. «Новый Живописец»; в стих. — элементы пародии на Пушкина.

71. Д. Д. Минаев. Думы и песни. СПБ., 1863, с. 197—198.

72. «Искра», 1865, № 5, с. 80. «Альбом светской дамы, составленный из произведений русских поэтов и художников». (В дальнейшем точное обозначение опускается.)

73. Д. Д. Минаев. «Не в бровь, а в глаз». Лирико-гражданские мотивы», т. II, с. 172.

74. К. Прутков, с. 47.

75. «Искра», 1861, № 49, с. 733.

76. Д. Д. Минаев. Думы и песни. СПБ., 1863, с. 211.

77. «Р. Ст.», 1872, т. V, с. 156.

78. К. Павлова. Собрание сочинений под ред. В. Брюсова, М., 1915, т. I, с. 98—100. Стихотворение — пародия на поэтов, злоупотребляющих богатыми рифмами. В этом современники обвиняли именно К. Павлову, скрывшуюся под псевдонимом «Новооткрытый Поэт». Псевдоним в свою очередь пародирует псевдоним «Нового

Поэта» (И. И. Панаева). Об этой полемике в связи с появлением «Разговора в Кремле» К. Павловой, см. цит. соч., т. I, с. XII и 315, «Современник», 1850, № 8 (Смесь), с. 320—322 и 1854, № 11 (Библиография и смесь).

79. «Полярная Звезда» на 1859 год, кн. 5, с. 36.

80. Рукописный неизданный сборник стихов, относящийся к первой половине прошлого столетия. (Хранится в Гос. Публ. Б-ке в Ленинграде. Шифр XIV, № 153, л. 46—46 об.)

81. Е. А. Баратынский. Полное собрание сочинений, изд. Ак. Наук, СПБ., 1914, т. I, с. 109. (Первоначально «Моск. Телеграф», 1829, ч. 26, с. 257—258). Правописание Каченовского было осмеяно несколько позже и в «Литер. Газете», 1830, I, с. 194. (См. еще прим. к акад. изд. Баратынского, т. I, с. 276—277.)

ПОЭТЫ.

82. Ср. Г. Р. Державин. Сочинения, изд. Ак. Наук, т. III, с. 507. Экспромт для Марфы Ивановны Арбеневой. Ср. сочинения Третьяковского, изд. 1849, с. 756, комический пример леонинских стихов и сл.

83. А. П. Сумароков. Полное собрание всех его сочинений, М., 1787, изд. 2, ч. 5, с. 301—302.

84. «Библиограф. Записки», 1859, т. IV, с. 524. Ср. С. А. Венгеров, Русская поэзия, СПБ, 1897, в. VI, с. 388. См. доп. V.

85. Н. П. Николаев. Творения, М., 1798, ч. 4, с. 1—4.

86. Там же, с. 5—11. Пародия на стилистическую систему Третьяковского. Оды любопытны, как образец широты пародийных приемов XVIII в. и важны для установления «пародической личности» Третьяковского. Ср. в «Словаре...» Н. О. Остолопова, ч. 2, с. 336 сл., в воспоминаниях С. Т. Аксакова (Соч., т. IV, под ред. П. Е. Щеголева, с. 16.)

87. «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1755, август, с. 191.

88—90. А. П. Сумароков. Полное собрание всех его сочинений, изд. II, М., 1787, ч. 2, с. 205—211.

91. М. Ломоносов. Сочинения, изд. Ак. Наук, СПБ, 1893, т. IV, с. 287, и прим., с. 400—403, или А. П. Сумарокова, цит. соч., изд. 1781, ч. 3, с. 74—76. (Слова Гертруды своему второму мужу.) Последнюю

строку стихотворения приводит как пример пародий Н. О. Остолопов в своем «Словаре древней и новой поэзии».

92. Г. Р. Державин. Сочинения, изд. Ак. Наук, СПБ, 1870, т. III, с. 189. «Вывеска» Державина является пародией на эпитафию, которую написал Сумароков, желая осмеять предпринятую Ломоносовым в 1756 году эпопею «Петр Великий». Державин вступился за Ломоносова. В рукописи Державина перед «Вывескою» приведена эпитафия Сумарокова, и оба стихотворения соединены под общим заглавием: «Надгробие и вывеска», с примечанием «Надгробие сочинено, сколько известно, от зависти к славе г. Ломоносова, а «Вывеска» тогда же, к защищению оного».

94. «Библиограф. Записки», 1859, т. II, с. 456—457. Там же ряд других эпиграмм и пародий. Штивелиус или Штивельниус — пародическая кличка, данная Ломоносовым и Сумароковым Третьяковскому. Штифелиус— тип педанта в комедии датского писателя Гольберга (1684—1754), известной в XVIII в. в немецком переводе. Кроме того — Штивелиус немецкий математик (1486—1567), известный рядом вздорных предсказаний (напр., о конце мира 3 октября 1533 г.). Подробнее см. в прим. М. Сухомлинова к соч. Ломоносова, т. II, с. 391 сл.

95. А. П. Сумароков. Полное собрание всех его сочинений, изд. 2, М., 1787, с. 211—214. Направленность оды установлена Г. А. Гуковским («Поэтика», III, Л., 1928).

96. А. Крылов. Полное собрание сочинений, П., 1918, т. IV, с. 73—75.

97. Цит. по М. А. Дмитриеву. «Мелочи из запаса моей памяти», М., 1869, с. 85. Эта пародийная подпись к портрету Д. Хвостова повторяет отчасти четверостишие Буало Шапеленю. Ср. В. Бурнашев Наши чудодеи, СПБ, 1875, с. 275, «надпись, которой граф восхищался».

98. «Р. Арх.»; 1866, с. 478—389. Ср. с. 477, 478, предисловие к притчам К[нязя] В[яземского]. Эпиграфы являются образцом пародийной цитации. Варианты — по неизданным письмам П. А. Вяземского (1828 г.).

99. «Р. Арх.», 1867, с. 986. Эпитафия П. И. Шаликова—И. Ф. Богдановичу напечатана в «Вестн. Европы», 1803, т. VIII, с. 140.

100. См. Н. М. Языков. Стихотворения, СПБ, 1858, с. 108—110, и Сочинения Пушкина, под ред.

С. А. Венгерова, т. VI, с. 179—180, статья Н. О. Лернера.

101. «Новый Живописец», ч. 2, с. 194. «Апологи» И. И. Дмитриева изданы в 1826 году. Большая часть их является переводом басен Молво. «Я не забочусь о том,— писал Дмитриев в предисловии, — признают ли их баснями или апологами. Соглашаюсь даже и сам назвать их просто «нравоучительными четверостишиями».

102. «Библиограф. Записки», 1859, т. II, с. 148—149. Под автографом этой пародии, принадлежавшем И. И. Пущину, подписано: Д.... Печатать позволяется. Цензор Аполлон».

103. «Новый Живописец», ч. 2, с. 223—225. Ср. упоминание об этой пародии в письме Пушкина — Н. Н. Пушкиной от 30 октября 1833 г.

В «Московском Телеграфе» за 1829 год, начиная свой отдел пародий, Н. Полевой от имени «Живописца» обратился с письмом к «Издателю Телеграфа», т. е. Полевому же, в котором, между прочим, писал: «Обещаем Вам, М. Г., не касаться личности, не сказывать имен, не говорить ничего, почему можно б было узнать оригиналы наших портретов: это — обязанность каждого просвещенного гражданина в отношении к другому. Описывайте верно, но не называйте по имени. Пусть невидимая рука дает щелчки невидимо видимому пороку. В замечаниях о литературе и журналах мы не будем прибавлять никаких укоризн, ничего осуждающего; мы не судьи, а живописцы. Спишем глупость, нелепость, и пусть судит ее кто хочет» (ч. 28, с. 108, Смесь). Давая отчет о деятельности и успехах журнала за 1830 год, Полевой отмечал, что «Живописец» говорил правду, полагая в этом все свое достинство (ч. 36, с. 545). Вскоре по выходе первых номеров «Живописца» «Сын Отечества» вступил в полемику с «Московским Телеграфом». В № 13 за 1830 год напечатано письмо в редакцию «Сына Отечества» некоего Ивана Петухова о предполагавшемся к изданию альманахе «Альдебаран». Но «по разным причинам альманах не состоялся, и некоторые из участников взяли обратно доставленные пьесы, и, как я вижу из новейших книжек «Моск. Телеграфа», сообщили оные Г. Полевому.

Не желая, чтоб другие залежались без пользы и удовольствия для публики, препровождаю оные к вам, пре-

доставляя напечатать в вашем журнале. Ручаюсь в том, что ни один из безыменных авторов не вступится за сию собственность», ехидно заканчивал свое письмо Петухов (с. 62 сл. Письмо датировано 24 августа 1830 г.). Издатель в post scriptum'е благодарит Петухова за присланный материал, обещая начать его печатание со следующего номера. В самом деле, со следующего № 14 началось печатание отрывков из альманаха «Альдебаран».

В № 16 «Сын Отечества» напечатано «письмо читателя «Сына Отечества» к издателю «Альдебарана»: «читатель» возмущен тем, что под видом серьезных вещей в газете печатаются пародии. При этом «читатель» дает оценку некоторых отрывков, напечатанных в № 14. Так, введение в биографию Патрикиевича характеризуется как «кудрявое подражание остроумию Вольтера, умноженное на выдержку мыслей из г-жи Сталь, приправленное незнанием русского языка, основанное на отсутствии логики и спаянное желанием блестеть новизной». Статья о происхождении Руссов оценивается так: «верный отпечаток топорного слова славянофилов, принадлежащих по мыслям к блаженному времени Сумарокова и Третьяковского». В заключение «читатель» П. Коврижкин пишет: «Ничего нет легче, как писать гладкий вздор или темную нелепость; но у нас этим ремеслом многие приобрели себе почетное название сочинителей. Разоблачайте же их», и т. д. В письме, между прочим, упоминаются барон Шнапс фон Габенихтс (Дельвиг) и старый дворянин Ряпушкин (Пушкин). Издатель «Сына Отечества» сознается, что «Тайна Альдебарана» открыта, и так мы должны поневоле перенести его из изящной словесности в смесь, в разряд «литературных шуток». (Это выполнено; в дальнейшем «Альдебаран» печатается в отделе «Смесь»). В следующих номерах «Сына Отечества» было напечатано 5 стихотворных пародий на Дельвига, Пушкина, Воейкова и др. См. их в настоящем издании.

В 1832 году Полевой издал в шести частях «Нового Живописца общества и литературы», в котором перепечатал большую часть (но не все), из материалов «Московского Телеграфа». В предисловии «от издателей» говорится: «Другую надежду нашу: угодить читателям, составляет верное последование основному правилу нашей литературы, подражанию. Мы не будем думать о красоте, изяществе стихов и прозы. Нет! мы представим точные подражания самым модным, самым знаменитым поэтам, в тех родах, коими они угодили другим и просла-

вились: палочные эпиграммы, лихие песни, летанье куда-то, ревущие от рифменной боли стихи в альбомы, подражания древним, безнадежность, тоска, отчаяние, лень, пьянство смертное в поэзии, чертовщина в прозаических сказках и романах. Итальянская приторность рифм. Восточные краски, — все это, и вся прелесть, ознаменовывающая поэтов и прозаиков немецкой, французской и итальянской школ, существование коих в России проявлено и доказано новейшими нашими критиками, будут нами вполне представляемы. Мы постараемся как можно лучше удалиться от изящного вкуса, верности изображения, чистоты языка, — все в сторону!» (ч. 2, с. 184—5). Издание «Нового Живописца» было встречено не благосклонно. См., напр., резкий отзыв в «Литерат. прибавлениях к Русскому Инвалиду», 1832, № 29—30. В. Кюхельбекер записывает в своем дневнике 26 марта 1834 г. (он в то время сидел в Свеаборгской крепости и журналы читал с запозданием): «В «Телеграфе» на 1830 год «Литературное зеркало» и прочие выходки Полевого против всех почти хороших наших стихотворцев, не исключая и Пушкина» (В. К. Кюхельбекер, Дневник, Л., 1929, «Прибой», с. 170, 357).

Пушкин в «Литерат. Газете» писал: «Не думаю, чтобы кто-нибудь из известных наших писателей мог узнать себя в пародиях, напечатанных недавно в одном из московских журналов. Этот род шуток требует редкой гибкости слога, хороший пародист обладает всеми слогами, а наш едва ли и одним» («Литерат. Газета», 1830, т. I, № 12, с. 98).

См. кроме того: В. Каллаш — Puschkiniana, Киев, 1902, с. 91 сл.; Н. Г. Чернышевский — Крит. статьи. СПБ, 1893, с. 72 сл.

В статьях Н. Полевого в «Новом Живописце» рассеян кроме того ряд намеков на Дельвига, О. Сомова (его обозрение словесности в «Сев. Цветах») и др. См. подробнее в указанной литературе.

104. Там же, ч. 2, с. 191.

105. «Моск. Телеграф», 1830, ч. 34, с. 230.

106. «Новый Живописец», ч. 2, с. 192—193.

107. Там же, с. 188.

108. Там же, с. 199—201.

110. «Старый рыцарь» написан в 1832 г., пародия на него Лермонтова в 1833 или 1834 г., т. е. вскоре; опубликовано же стихотворение Лермонтова было лишь в 1861 г. в «Библиограф. Записках» (1861, т. III, № 1,

с. 19). Текст пародии Лермонтова дается по изд. под ред. К. И. Халабаева и Б. М. Эйхенбаума, М.-Л., 1926, с. 105.

111. Пародируются белые стихи Жуковского. «Жуковский от души смеялся над пародией молодого человека, но предрекал ему время, когда он переменит мнение свое о белом стихе» (Сочинения Пушкина, изд. Анненкова, т. I, с. 45—46). См. Акад. изд., т. II, с. 21—23. Ср. кроме того статью Г. Маслова в «Пушкин и его современники», в. XXVIII, с. 96—98 .

112. А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений, изд. Ак. Наук, П., 1911, т. I, с. 140—143. Отрывок из комедии «Студент» (д. IV, явл. 10, слова Беневольского). Здесь соединены в одно целое строфы, перебиваемые в комедии репликами действующих лиц.

113. А. А. Шаховской. Сочинения, изд. А. С. Суворина. «Липецкие воды», с. 111—112.

114. «Невский Альманах» на 1825 г., изд. Е. Аладьиным, СПБ, с. 105—112.

115. Некрасов, с. 419—420. Приводится только первая глава.

116. «Венера или собрание стихотворений разных авторов», М., 1831, ч. I, с. 51—53. Иждивеньем московского купца Осипа Хрусталева.

117. «Новый Живописец», ч. 6, с. 148—149.

118. «Новый Живописец», ч. 4, с. 201—202.

119. «Новый Живописец», ч. 4, с. 195. Ср. № 187.

120. «Сын Отечества», 1830, № 17, с. 311.

121. Там же, 1862, № 40, с. 526.

122. «Новый Живописец», ч. 2, с. 189—190. Еще Надеждин отметил направленность этой пародии против Пушкина («Вестн. Европы», 1830, № 7, с. 190).

123. Там же, ч. 4, с. 229—230. Об этой пародии Кюхельбекер писал: «Чудным образом подшутила судьба над сочинителем пародий — песня вышла очень недурная, так что она скорее может назваться слишком близким, но довольно удачным подражанием, а не пародиею песни Дельвига» (В. К. Кюхельбекер, Дневник, Л., 1929, «Прибой», с. 170).

124. Там же, с. 187.

125. Там же, с. 107—209. Пародия направлена на поэтические подражания народной песне. Одна из песен, помещенных в пародии, как известно, переведена Пушкиным на французский язык (См. Соч. Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. IV, с. 85.) Пародируется не только

жанр «художественной песни» Дельвига, но и методы использования мотивов народной поэзии у Пушкина.

126. Там же, с. 188.

127. Там же, с. 189.

128. «Сын Отечества», 1830, № 17 (25 апреля), с 305—307. Альманах «Альдебаран».

129. Некрасов, с. 440. Принадлежность этого стихотворения Н. А. Некрасову доказана К. И. Чуковским (там же, с. 511).

130. «Искра», 1860, № 37, с. 400.

131. «Развлечение», 1860, № 16, с. 194—195.

132. «Новый Живописец», ч. 2, с. 194—196. Пародируется элегия Баратынского и его поэтическая система в целом. Ср. след. стихи из «Эды»:

И кто теперь ее отыщет?
Кто с нежной грустью навестит?
Кругом все пусто, все молчит;
Порою только ветер свищет
И можжевельник шевелит.

Гробокопатель — намек на стихотворение «Герой».

133. Там же, ч. 6, с. 103—104.

134. Там же, ч. 5, с. 191. В сочинениях Пушкина, изд. Лит. Фондом (т. V, с. 88), эта пародия ошибочно рассматривается как направленная против Пушкина. «Гамлетов» в данном случае несомненно расшифровывается как Баратынский. Ср. ст. В. Брюсова, «Р. Арх.», 1901, с. 346 сл., с. 357 сл.

135. Там же, ч. 2, с. 229—230. Первоначально напечатано в «Моск. Телеграфе» (1830, ч. 34, с. 228—229), под заглавием «Стихотворный пустоцвет или попури, составленное из рифм и бессмыслицы». Помимо пародирования эпиграммы Баратынского, приведенной в эпиграфе, эпиграмма направлена на усиление в творчестве Баратынского эпиграмматической струи к концу 20-х гг.

136. «Р. Арх.», 1901, с. 349. В 1829 г. появилась книжка, озаглавленная: «Пиитическая игрушка, отысканная в сундуках дедушки классицизма. Изд. Н. М. В типографии Н. Степанова, 61 стр.» (см. стр. 59 и 62 настоящей книги). Разбирая эту книжку, «Моск. Телеграф» предлагал автору распространить свою шутку и на романтизм. Прилагаемые стихи должны были служить образчиком таких произведений. «Можно переставить все строчки, и смысла не прибудет и не убудет»,

«Душемутительный поэт» — подлинные слова Баратынского из стихотворения «Подражателям», 1829 г.:

Не напряженного мечтанья,
Огнем услужливым согрет,
Постигнул таинства страданья
Душемутительный поэт.

137. «Новый Живописец», ч. 2, с. 227—228.

138. Там же, ч. 2, с. 225—227. В тексте «Моск. Телеграфа» (1829, ч. 29, «Смесь», с. 138—139) этим стихам предпослано предисловие: «Опыт юного поэта». «Живописец» получил следующие стихи от неизвестной особы. При них приложена была записка, в которой автор пишет: «Уверенный примером наших поэтов, что подражание есть единственное средство писать русские стихи, и видя, что одни подражают Пушкину, Баратынскому; что этим подражателям являются еще подражатели, этим подражателям подражателей еще новые, и что из этого составляется нынешняя Русская Поэзия, я, поэт юный, решился следовать общему примеру и прошу вас напечатать опыт трудов моих. Кому я подражаю — угадайте сами, и по совести скажите: можно ли мне продолжать, а мои стихи стоят ли других, помещенных в Альманахах и журналах стихов в этом роде? Утвердительный ответ ваш сердечно обрадует меня». «Живописец» не смеет решить вопроса поэта и предоставляет это решение публике.

139. «Сев. Звезда», СПБ, 1829, с. 94.

140. Панаев, с. 729.

141. Некрасов, с. 417. (См. прим. К. И. Чуковского, с. 525).

142. Некрасов, с. 420—421.

143. Панаев, с. 745. Из предисловия И. И. Панаева к стихотворениям: «Страсть к стихотворству развилась во мне с ранних лет. Я начал писать стихи на двенадцатом году. До тридцати пяти лет я воображал себя поэтом и стихи свои считал делом серьезным. Я написал по крайней мере до сорока тетрадей стихов, довольно складных и гладких, от которых мой учитель словесности был в восторге. Он говорил: «Это такие цветки в вертограде нашей словесности, мимо которых нельзя пройти, не полюбовавшись».

Поощряемый лестным отзывом учителя, я предался стихотворству еще с большим рвением. Стих мой, по

мере упражнения, принимал ту гибкость и звучность, ту внешнюю обработку и лоск, которые еще несколько лет тому назад смешивались с поэзией.

Я воспевал сначала разгул юности, вакхические сходки, херес бархатный и чудно-маслянистый и

...напиток свой народный —
Простое, пенное, чистейшее, без трав...

потом различал чудных и азиатских дев, пропитанных мускусом, с косами, которые бились до пят ворonеными каскадами. Все это озадачило не только моего учителя словесности, но даже и многих весьма почтенных литераторов, из коих один провозгласил меня по преимуществу поэтом мысли. Я наделал шуму. Стихи мои с мускусами и каскадами вся читающая публика выучивала наизусть.

Я сделался горд и начал замышлять колоссальные драматические фантазии, чтобы окончательно убить всю предшествующую литературу... Сочинив несколько таких фантазий, листов в десять печатных каждую, я стал читать их моим друзьям и знакомым. Друзья и знакомые уверили, что я пошел далее Пушкина. Сам я для себя уже давно, впрочем, решил это.

Время между тем шло. Мои вакхические песни с хересом и пенным и мои чудные девы были забыты. Скоро забыли и мои драматические колоссальные фантазии.

Это меня сильно смутило... Я не знал, что делать, и в смущении то принимался снова писать мелкие стихи в том туманном и неопределенном роде, который был у нас в сильном ходу одно время, то подражал Гейне, то усиливался воскрешать греческий и римский миры в драмах, поэмах и антологических пьесах. Все это однако мало удавалось мне. На меня почти уже не обращали внимания.

Я ожесточился и стал горько жаловаться на публику, говоря, что она не понимает поэзии и что для нее не стоит писать. В припадках оскорбленного авторского самолюбия я клеймил даже XIX век обидными прозвищами — анти-поэтического, сухого, положительного, меркантильного и прочее.

Когда раны, нанесенные моему самолюбию, стали мало-по-малу затягиваться и заживать, я призадумался, углубился в самого себя и перечел все мною написанное... Результатом этого было то, что я начал впервые сомневаться в своем поэтическом призвании. Это сомнение му-

чило меня, и, для развлечения себя, я принялся внимательно читать и изучать истинных поэтов.

Тогда-то, увы! я понял вполне, что непрочность моих успехов и, наконец, равнодушие к моим последним произведениям заключается во мне самом; что публику и век обвинять в этом равнодушии не за что; что я никогда не имел искры поэтического таланта, а только писал более или менее звучные, гладкие и громкие стихи; что одна внешняя, даже щегольская форма в художественных произведениях, без внутреннего содержания, — ровно ничего не значит; что внутреннее содержание дается убеждением и мыслию, которых у меня не было; что громкий стих, не согретый изнутри, не звучащий убеждением, не проникнутый мыслью, не освященный вдохновением, поражает только ухо, а не душу.

Сознав все это, я вдруг почувствовал озлобление к своим творениям и начал писать на них пародии. Вот как объясняется появление Нового Поэта.

Эти пародии, печатавшиеся в периодических изданиях, были принимаемы, впрочем, некоторыми за серьезные произведения. На одну из таких пародий, начинающуюся стихом:

Густолиственных кленов аллея...
и прочее

написана даже в Москве г. Дмитриевым прекрасная музыка... Однажды ночь была бурная и дождливая. Проигравшись в пух, я пешком приплелся домой, схватил перо и начал писать стихи. Я писал то, чего никогда не чувствовал, о чем никогда не думал, чего никогда со мной не случалось; я пробовал даже пророчить, не чувствуя в себе способности предсказать грозу за час до ее наступления, — ничего! Рука не останавливалась, перо повиновалось руке, слова ложились на бумагу послушно и четко, из слов выходили стихи... Я писал долго и, когда перестал, очутился автором десяти стихотворений... Странно! С тех пор, как ни возьму которого-нибудь из моих поэтов, мне все кажется, что я читаю собственные мои стихотворения, и наоборот: читая иногда собственное стихотворение, я принимаю его за стихотворение которого-нибудь из моих любимых поэтов. Любимых? увы! С тех пор я разлюбил их; я стал любить и читать только себя... Но самому быть единственным читателем своих стихотворений мне, наконец, надоело

Я решился выступить в свет и предлагаю вам прочесть несколько моих стихотворений» (с. 721).

144. «Искра», 1865, № 5, с. 79.

145. Там же, 1860, № 30, с. 419. Курсивом выделены строки Тютчева.

146. Там же, № 8, с. 94.

147. К. Прутков, с. 46.

148. Там же, с. 55.

149. «Раскрытый Портфель», выдержки из «Сшитых Тетрадей» автора, не желающего объявлять своего имени». Первый отдельный выпуск. Издание «Любителя», СПБ, 1859, с. 238—240. Стихотворение Веневитинова было напечатано в «Сев. Цветах» на 1827 г.

150. «Новый Живописец», ч. 6, с. 126—127. Подпись «Картофелин» вскрывается также и по статье Белинского «Педант». Стихотворение Шевырева напечатано в «Телескопе», 1831, № 2, с. 179—180. Пародия направлена против С. П. Шевырева, одного из поэтов, группировавшихся вокруг «Моск. Вестника» (Веневитинов, Хомяков и др. любомудры). В 1827—1828 гг. в «Моск. Вестнике» участвовал и Пушкин. Ср. «Послание к А. С. Пушкину» Шевырев («Денница», 1831, с. 107—114). Ответ на резкие выпады в этом «Послании» против Н. Полевого и полемика против понимания поэзии как «пророчества, невнятного для других», в следующих строках пародии:

Себе единому понятен,
Для черни смысл он потерял.
И черни глас ему невнятен,
И ей не знать, что он писал.

151. См. А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., М., 1920, т. I, ч. 1, с. 284. Четверостишие в альбом А. П. Керн пародировало «Портрет» Подолинского в том же альбоме. См. еще «Р. Арх.», 1872, с. 858—860.

152. «Новый Живописец», т. II, с. 196—198. Первоначально в «Моск. Телеграфе», 1829, ч. 28, с. 524 сл. В поэме Подолинского «Диви Пери» в самом деле около 600 стихов.

153. «Отеч. Зап.» 1846, т. XVI, отд. VI. Ср. интересное признание Тургенева в письме к Толстому от 16/28 декабря 1856 г. «Знаете ли Вы, что я... плакал, обнявшись с Грановским, над книжкою стихов Бенедиктова — и пришел в ужасное негодование, услыхав о дерзости Белинского, поднявшего на них руку?» («Толстой и Тургенев», Переписка, М., 1928, с. 29.)

154. К. Прутков, с. 62.

155. Д. Д. Минаев. Думы и песни, СПБ, 1863, с. 201—202.

156. Там же, СПБ, 1864, с. 410—411. Первые две строки в печатном тексте заменены точками. Восстанавливаются по карандашной надписи в экземпляре, принадлежащем Пушкинскому Дому. В «Современнике» (1855 г., т. III, с. 169). Заметки о журналах за сентябрь 1855 г., после строфы Бенедиктова:

Я люблю тебя во всем.
. . . .
В русской сказке, в русской пляске,
В крике, в свисте ямщика,
И в хмельной, с присядкой, тряске
Казачка и трепака,

находим пародийное продолжение, принадлежащее Некрасову:

В пирогах, в ухе стерляжьей,
В щах, в гусином потрохе.
В няне, в тыковнике, в каше
И в бараньей требухе.

«Последних четырех строк нет у г. Бенедиктова; мы их сочинили, увлекшись примером поэта. Но не правда ли, они очень идут тут?

157. Панаев, с. 732.

158. Там же, с. 757.

159. Панаев, с. 807 сл. В стихотворении пародируется поэма В. Бенедиктова «Ватерлоо». (Соч. В. Бенедиктова, М. 1902, т. I, с. 91—99.)

160. Там же, с. 750—751.

161. Альманах «Первое Апреля», СПБ, 1846, с. 27—28. Ср., напр., «Доменикино в Риме» Кукольника:

Я кипящей смолой,
Черной, гнусной смолой,
Твой портрет напишу;
На уста положу
Слово хуленья!

А на бледном челе,
Как в зеркальном стекле,
Я повешу пятно,

Н. А. Степанов.

(Авто карикатура.)

Отверженья клеймо!
Да, отверженья!

(Соч.: Нестора-Кукольника, СПБ, 1852, т. II, с. 131.)

162. Панаев, с. 742.
163. Панаев, с. 101.
164. Там же, с. 809.
165—168. Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, под ред. М. Лемке, СПБ, 1911, т. II, с. 597—624.
169. «Искра», 1865, № 5, с. 80.
170. Там же.
171. Там же, 1863, № 3, с. 14.
172. Там же, с. 15.
173 Там же, 1861, № 31, с. 317.
174. Н. А. Добролюбов, цит. соч., т. III, с. 110.
175. «Искра», 1863, № 3, с. 42—43.
176. Там же, 1859, № 45, с. 455.
177. Там же, 1862, № 11, с. 158.
178. Там же, 1865, № 35, с. 475.
179. «Искра», 1865, № 5, с. 79.
180. Панаев, с. 758—759.
181. Д. Д. Минаев. Думы и песни, СПБ, 1863, с. 214—215.
182. Панаев, с. 754.
183. «Искра», 1865, № 5.
184. К. Прутков, с 39—40.
185. Д. Д. Минаев. Думы и песни, СПБ, 1863, с 209—210.
186. Д. Д. Минаев. Чем хата богата, СПБ, 1880, с. 117—120.
187. «Искра», 1863, № 44, с. 645. Пародия представляет собою стихотворение Фета, напечатанное снизу вверх, в обратном порядке строчек. Автор этой затеи, Д. Д. Минаев, пишет по этому поводу: «Положа руку на сердце, можно сказать, стихотворение даже выигрывает при последнем способе чтения, причем описываемая картина выражается последовательнее и художественнее. Аналогичный пример у Полевого. Ср. № 119.
188. Некрасов, с. 361. Пародия была впервые напечатана в «Отеч. Зап.» (1879 г., № 1, стр. 64) с подписью: А. Фет.
189. André Mazon, Manuscrits parisiens d'Ivan Tourgenev. Notices et extraits, Paris, 1930, p. 94. Ср. еще пародию-двустишие Тургенева на переводы Фета из Шекспира («Юлий Цезарь»):

Брыкни, коль мог, большого пожелав,
Стать им; коль нет, — и в меньшем без препон.

(См. «Современник» 1859, ст. М. Лавренского, А. А. Фет — «Мои воспоминания», М., 1890, с. 307—308, «Тургенев и круг Современника», Л., 1930, с. 219).

190. К. Прутков, с. 75.

191. «Искра», 1860, № 49, с. 562.

192. Там же, № 18, с. 196.

193. Там же, 1862, № 18, с. 266.

194. Д. Д. Минаев. Чем хата богата. СПБ, 1880. В крепостнических очерках Фета «Из деревни», в главе «Равенство перед законом» («Русск. Вестн.», 1863, № 1) излагается дело о взыскании одиннадцатирублевого задатка с «нерадивого работника Семена», которого Фет уволил. Ср. дальше те же намеки.

195. «Искра», 1865, № 5, с. 79.

196. «Гудок», 1862, № 3, с. 23.

197. «Будильник», 1865, № 24, с. 281.

198. «Искра», 1863, № 44, с. 645.

199. Д. Д. Минаев. «Не в бровь, а в глаз». Изд. 2-е, с. 120.

200. «Гудок», 1862, № 36, с. 88.

201. «Будильник», 1865, № 63, с. 250.

202. Д. Д. Минаев. Думы и песни, СПБ, 1864, с. 383—387.

203. Там же, с. 389—391.

204. «Искра», 1865, № 5, с. 79.

205. Там же.

206. Там же, 1861, № 35, с. 500.

207. Некрасов, с. 443. Стихотворение это приписывается Некрасову; в таком случае перед нами любопытный образец автопародии. «Тройка» написана в 1847 г., а предлагаемая пародия — в 1859 г. Первоначально напечатано в «Свистке» с подписью А. А. (№ 3, с. 537—538. «Современник», 1859, т. LXXVII, № 9) и со следующим примечанием: «В заключение редакция «Свистка» представляет суду своих читателей пять стихотворений посторонних сотрудников, почувствовавших призвание к юмористической деятельности. Все они, как легко усмотрит читатель, принадлежат теории «искусства для искусства».

Предпоследняя строка «отправляйся к себе в Моховую» была снабжена такой сноской: «Это не ко мне относится, хотя я и живу в Москве». Примечание одного из ближайших сотрудников «Свистка».

Поэт, готовящийся к публичному чтению...

208. Б. Н. Алмазов. Сочинения, М., 1892, т. III, с. 618—619.

209. Там же, т. II, с. 309—310.

210. Там же, т. III, с. 628—629.

211. Д. Д. Минаев. Думы и песни, СПБ, 1863, с 203—204.

212. «Искра», 1861, № 18, с. 276.

213. Д. Д. Минаев. Думы и песни, СПБ, 1864, с. 400.

214. Там же, изд. 1863, с. 205.

215. «Искра», 1860, № 39, с. 421.

216. Там же, 1860, № 49, с. 563. Приведя стихотворение Мея, Н. Л. Гнут пишет: «Во-первых, вы, вероятно, не можете решить, есть ли во всем этом стихотворении смысл; во-вторых, вам кажется странным слово «Любá», так как до сих пор вы слышали только Любовь, Любинька, Любушка, Люба. Эти сомнения я надеюсь рассеять в вас следующим своим посланием к одному доброму знакомому, г-ну Любá. Несмотря на свое иностранное происхождение (г. Любá австрийский подданный), он хорошо говорит по-русски (даже в ударениях никогда не ошибается!), сочувствует успехам нашей литературы и знает наизусть почти все стихотворения г. Мея».

217. «Р. Ст.», 1872, т. V, с. 157, или Н. Щербина, «Альбом Ипохóндрика», Л., 1929, «Прибой», с. 44—45. Поэма А. Григорьева была напечатана в 12-й книжке «Современника» за 1858 г.

218. Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, под ред. М. К. Лемке, СПБ, 1911, т. IV, с. 222.

219. Там же, с. 222—223. Ср. комментарии М. К. Лемке к этим пародиям, с. 187 сл.

220. Там же, с. 590.

221. «Искра», 1860, № 25, с. 271—272.

222. Там же, № 8, с. 94.

223. Там же, № 23, с. 246.

224. Д. Д. Минаев. Думы и песни, СПБ, 1864, с. 403.

225. Он же. «Не в бровь, а в глаз». Изд. 2-е, с. 347—348.

226—229. Некрасов, с. 416 и 418. Ср. комментарии К. И. Чуковского: «В 1844 году Вл. Бурнашев... напечатал «Книжку для доброго народа русского», под заглавием «Воскресные посиделки». Фальшивый, приторно-сладкий тон этой книжки, предназначенной для

крепостных крестьян, вызвал негодование молодого Некрасова, который тогда же напечатал о ней злую рецензию («Лит. Газета», 1844, № 8, с. 152)... Через 2—3 недели Некрасов снова вернулся к этим стишкам и заставил крепостного крестьянина петь такую же хвалу крапиве, которою барин сечет мужиков. В дальнейших своих фельетонах Некрасов написал еще две пародии на те же стишки о картофеле: «Устрицы» и «Артишоки», причем в «Артишоках» он издевался главным образом над неправильным удареньем стихов Бурнашева» (с. 557).

230. «Современник», 1850, т. XXII, отд. VI, с. 305.

231. Д. Д. Минаев. Думы и песни, СПБ, 1864, с. 398—399.

232. «Искра», 1861, № 49, с. 734.

233. Там же, 1860, № 39, с. 420.

234. Там же, 1861, № 21, с. 315.

235—238. «Искра», 1860, № 24, с. 264.

239. «Искра», 1860, № 49, с. 562.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПАРОДИЧЕСКИЕ ПАМФЛЕТ, ФЕЛЬЕТОН И САТИРА

240. «Лютня», II. Потаенная литература XIX столетия. 3 изд., Лейпциг, с. 126—129, загл.: «Подражание Ломоносову. Писано в царствование Павла I». (Ср. также в «Р. Ст.», 1882, декабрь, т. XXXV, с. 501—502.) «Все знали наизусть пародию Марина», свидетельствует Н. Н. Греч («Записки», Л., 1930, с. 159). Ср. еще пародию П. Н. Семенова, «О, ты пространством необширный...», опубликованную Я. Гротом в «Библ. Записках», 1861, № 15. — По приказу Павла круглые якобинские шляпы срывались полицией с прохожих и тут же на улицах уничтожались.

241. Пародия на «бессмысленную оду» маскирует здесь выпад в 1831 г. Жуковский издал сказки, свои и Пушкина, особой брошюрой, предназначенной для «высочайших особ».

242. «Харьковский Демокрит», 1816, с. 115—122. Приводим только начало песни. Кроме того известны «Певец на биваках у подошвы Парнаса» А. И. Писарева («Библиограф. Записки», 1859, т. II, № 20, с. 609—

НА МЕЛЬ СѢЛА, ГОЛУБУШКА!!...

620), «Певец в беседе славенороссов». Эпико-лиро-комико-эпородический гимн. К. Н. Батюшкова (см. соч. М., 1898, с. 184—192). «Певец во стане русских композиторов», А. Н. Апухтина (Сочинения, изд. 6-е, П., 1907, с. 300—303) и целый ряд других.

242. Кроме этой шутки-пародии А. Дельвига, ср. еще известного «Югельского барона» Лермонтова:

До рассвета поднявшись, перо очинил
Знаменитый Югельский барон.

(См. соч. Лермонтова, изд. Ак. Наук, СПБ, 1910, т. II, с. 414—415 и с. 512. Пародия Лермонтова была посвящена А. М. Верещагиной, вышедшей замуж за барона Гюгеля.

«Александр Ефимыч» в пародии Дельвига — Измайлов, баснописец и издатель журнала «Благонамеренный». Бируков — цензор.

244. Д. Д. Минаев. Думы и песни, СПБ, 1864, с. 306. Н. Ф. П. — Николай Филиппович Павлов, Ф. Б. — Фаддей Булгарин.

245. «Р. Ст.», 1885, т. V, с. 471—473. Н. И. Куликов пишет: «В молодости моей написаны были помещаемые ниже стихи; никогда я не думал видеть их в печати, — а в то время это было и немыслимо. Первому я отдал их П. В. Нащокину, он послал В. Г. Белинскому — и скоро распространились слухи по России. А. И. Герцен напечатал их за границей... Затем, в первых выпусках «Русского Архива» 1884 г. то же сделал и г. Бартенев.

Лишь за границею стяжал
Он имя русского шпиона.

Ср. «Записки гр. М. Д. Бутурлина «Русск. Архив», 1901, с. 443. «Неудивительно, что во время этого пребывания Греча в Париже кто-то заказал его визитные карточки с припиской на них: «Espion de sa Majesté Imperiale»... и развез эти карточки по всем парижским знакомым Греча». Песоцкий, И. П. — купец-издатель 40-х гг., Язвинский — Сенковский; Межевич, В. С. — друг Булгарина и Греча, сотрудник «Сев. Пчелы», редактор «Ведомостей СПБ. полиции».

246. «Лютня», II, с. 194. «Боров» — Николай I; Норов — министр народного просвещения в 50-х гг.; Фицтум — генерал, член военно-ученого комитета.

247. «Полярная звезда» за 1859 год, издаваемая Искандером и Н. Огаревым, кн. 5, Лондон, 1859, с. 47.

248. «Полярная звезда» за 1858 год, книжка четвертая, Лондон, 1858, с. 275 (в «Стихотворениях неизвестных сочинителей»).

249. Н. Огарев. Новая полурыбица в русской литературе. См. ст. М. Клевенского «И. С. Тургенев в карикатурах и пародиях», «Голос Минувшего», 1918, № 1—2, с. 202—203 и М. К. Лемке «Очерки освободительного движения», СПБ, 1908. Относится к эпизоду о показаниях Тургенева сенату в связи с процессом «тридцати двух». «Письмо царю» — прошение Тургенева Александру II о разрешении остаться за границей и дать требуемые показания письменно. В «письме» он открещивается от дружбы с революционерами.

250. «Искра», 1860, № 9, с. 104.

251. Там же, № 6, с. 65.

252. Там же, № 50, с. 579.

253. Б. Н. Алмазов. Сочинения, М., 1892, т. I.

254. «Невский альбом»... 2 изд. СПБ, 1869, с. 99. Относится к знаменитому диспуту Костомарова и Погодина о происхождении Руси.

255. Из бумаг П. Г. Буткова. Рукопись Гос. Публ. Библиотеки в Ленинграде, шифр: F. XIV, № 45. Ср. тот же мотив у Б. Алмазова. Соч. II. 263 сл.

256. Панаев, т. V, с. 810. Эта пародия не понравилась антагонисту Панаева, Б. Алмазову, который отозвался о ней так: «Что хотел показать Новый Поэт этой пародией? Неужели он хотел высказать недостатки стихотворений Лермонтова? Если так, то надо сознаться, что это ему не удалось. Если вы хотите изобразить в карикатуре чью-нибудь физиономию, то должны поставить на вид все резкое этой физиономии, все, чем она отличается от других; тогда это будет карикатура. Но ежели вы, желая изобразить кого-нибудь в карикатуре, нарисуете какое-нибудь глупое и уродливое лицо, не имеющее с ним никакого сходства, и к этому лицу приделаете какое-нибудь туловище, облеченное в платье того человека, которого хотите осмеять, то неужели это выйдет карикатура? Ежели так, то, повторяю, пародии писать очень легко» (Б. Алмазов. Соч., т. III, М., 1892, с. 611).

257. Б. Алмазов. Сочинения, М., 1892, т. II, с. 339.

258. Там же. Перечисляются имена журналистов, писателей и поэтов 60-х гг., главным образом реакционного лагеря.

Пред поручиком гвардейским
Две красавицы стоят;
Обе с умыслом злодейским
На поручика глядят...

(П. Кирсанов).

259. «Лютня», II. Потаенная литература XIX столетия, изд. 3, Э. Л. Каспаровича, Лейпциг, с. 193.
260. «Искра», 1861, № 19, с. 290.
261. «Развлечение», 1860, № 6, с. 76.
262. «Искра», 1869, № 16, с. 156.
263. Некрасов, с. 3—4. Подробные примечания К. И. Чуковского, см. с. 481—482.
264. «Искра», 1860, № 14, с. 156.
265. Там же, 1859, № 31, с. 308.
266. Там же, 1860, № 13, с. 148.
267. Там же, 1862, № 5, с. 76.
268. Б. Алмазов, цит. соч., т. II, с. 347.
269. Там же, с. 261—262.
270. «Будильник», 1865, № 24, с. 94.
271. «Русск. Слово», 1861, X, с. 14 («Смесь»). «Гамелиц» — газета на др.-еврейск. языке, выходила с 1860 г.
272. Д. Д. Минаев. Думы и песни, СПБ, 1864, с. 385. См. примечание 194-е.

ПСЕВДОНИМЫ И АНОНИМЫ ПАРОДИСТОВ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В КНИГЕ

А—ъ — А. Н. Андреев.
А. А. — Н. А. Некрасов.
А. Н. — А. Никитин.
Адамантов — Б. Н. Алмазов.

Белопяткин — Н. А. Некрасов.
Благонравов, Эраст — Б. Н. Алмазов.
Бурбонов, майор, отставной майор, Михаил, Мих., М. и т. д. — Д. Д. Минаев.

Владимирский, Пр. — Н. С. Курочкин.
Вознесенский, Пр. — Н. С. Курочкин.
Врс—в, Д. — А. Е. Измайлов («Благонамеренный»).

Гейне из Тамбова — П. И. Вейнберг.
Гнут, Н. Л. — И. Л., — Н. Л. Ломан.

Дядя Пахом — И. П. Можайский.

Злов, А. К. — А. К. Козлов.
Знаменский, Пр. — В. С. Курочкин.

К—в — Н. А. Кропачев.

Лилиеншвагер, Конрад — Н. А. Добролюбов.
Литературное Домино — Д. Д. Минаев.

М. Д. — Мария Даргомыжская («Благонамеренный»).
М. П. — М. Пермский («Своб. Часы»).
М. П. — М. Попов («И то и сьо»).
Моховоев, Эраст — Н. В. Гербель.
Мслвчь — В. Г. Масловнч («Хаоьковский Демокрит»).

Н. С. — Н. Н. Страннолюбский («Гудок»).
Неувенчанный поэт — П. И. Вейнберг.
Никост — Н. О. Остолопов («Благонамеренный»).
Новый Живописец — Н. А. Полевой.
Новый Поэт — И. И. Панаев.
Новооткрытый поэт — К. К. Павлова.

О. Н. — Н. О. Остолопов («Благонамеренный»).

ПАРОДИЧЕСКИЕ ИМЕНА

А) По алфавиту имен

Пародические имена сочинены: Н. А. Полевым ([1]), журналом «Благонамеренный» ([2]), И. И. Панаевым ([3]), журналом «Сын отечества» ([4]), Г. Р. Державиным ([5]), Арзамазцами ([6]), А. П. Сумароковым ([7]), А. А. Шаховским ([8]).

Анакреонов, М. — П. А. Катенин. [1]
Андреев, Шолье — П. А. Вяземский. [1]
Аркадьин — В. И. Панаев. [2]

Барабинский — Е. А. Баратынский. [2]
Бессмыслов, Бессмыслин — А. С. Пушкин и Н. М. Языков. [1]
Бурнооков, Вл. — В. Г. Бенедиктов. [3]
Буршев — Н. М. Языков. [1]

Габенихтс, Шнапс фон барон — А. А. Дельвиг. [4]
Гамлетов — Е. А. Баратынский и отчасти А. С. Пушкин. [1]
Гомер, Фирс Фирсович — М. В. Ломоносов. [5]
Грошевиков — Подражатель А. С. Пушкина. [1]

Демишиллеров, О. — А. С. Пушкин. [1]

Желтодомов, Африкан — А. С. Пушкин. [4]

Зевесов, Аполлон — А. А. Дельвиг. [4]

Картофелин — С. П. Шевырев. [1]
Коляскин, Ап. — А. Н. Майков.
Конфетин, С. К. — А. И. Подолинский. [1]

Моднорифмин, И. — (Новый современный поэт. Не конкретное лицо). [1]
Мортирин — А. С. Пушкин.
Мотыльков, Ф. Ф. — А. С. Пушкин. [1]

Недотыкин — А. Измайлов. [1]
Низкопоклонников, Ф. — А. С. Пушкин. [1]

Обезьянинов — А. С. Пушкин. [1]

Пищалкин, Фома — А. С. Пушкин. [1]

Пустоцвет, И. — Е. А. Баратынский и отчасти А. С. Пушкин. [1]

Ротозеев, Яков — А. А. Дельвиг. [1]

Ряпушкин — А. С. Пушкин. [1]

Санрим-Санрезонов — А. А. Дельвиг. [4]

Свистов — Д. И. Хвостов. [7]

Селедкин, А. — А. Е. Измайлов. [4]

Скучалкин, Пуд — А. Ф. Воейков. [1]

Старовиршин, Н. Я. — (Старый поэт. Не конкретное лицо). [1]

Сурков — А. А. Дельвиг. [1]

Талантин — А. С. Грибоедов. [1]

Тевтонов — В. К. Кюхельбекер. [2]

Тресотиниус — В. К. Третьяковский. [7]

Феокритов — А. А. Дельвиг. [1]

Фиалкин — В. А. Жуковский. [8]

Цербер, Терентий Облаевич — А. П. Сумароков. [5]

Шутовский — А. А. Шаховский. [6]

Б) По алфавиту поэтов.

Бенедиктов, В. Г. — Бурнооков, Вл.

Баратынский, Е. А. — Барабинский, Гамлетов, Пустоцветов.

Воейков, А. Ф. — Скучалкин, Пуд.

Вяземский, П. А. — Андреев-Шолье.

Грибоедов, А. С. — Талантин.

Дельвиг, А. А. — барон фон Шнапс-Габенихтс, Зевесов Аполлон, Ротозеев Яков, Санрим-Санрезонов, Сурков, Феокритов.

Жуковский, В. А. — Фиалкин.

Измайлов, А. Е. — Недотыкин, Селедкин, А.

Катенин, П. А. — Анакреонов М.

Кюхельбекер, В. К. — Тевтонов.

Ломоносов, М. В. — Гомер Фирс Фирсович.

Панаев, В. И. — Аркадьин.

Подолинский, А. М. — Конфетин С. К.

Пушкин, А. С. — Бессмыслин, Бессмыслов, Африкан, Желтодомов, Мортирин, Мотыльков Ф. Ф., Низкопоклонников Ф., Обезьянинов, Пищалкин Фома, Пустоцветов, Ряпушкин.

Розенгейм, М. П. — Занозенгейм.

Сумароков, А. П. — Цербер Терентий Облаевич.

Третьяковский, В. К. — Тресотиниус.

Хвостов, Д. И. — Свистов.

Шаховской, А. А. — Шутовской.

Шевырев, С. П. — Картофелин.

Языков, Н. М. — Бессмыслин. Буршев.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Указатель включает перечень важнейших имен и касается исключительно пародий приведенных в тексте. Пародии выделены в указателе жирным шрифтом, пародируемые произведения — курсивом; случайные упоминания — обыкновенным шрифтом.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

«Некрасов» — Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений. Ред. и примечания К. И. Чуковского, 4 изд., Гиз, М.-Л., 1929.

«Новый Живописец» — Новый Живописец общества и литературы, М., 1832, 6 частей.

«Панаев» — И. И. Панаев. Сочинения, М., 1912, т. V.

«К. Прутков» — Козьма Прутков. Полное собрание сочинений. Ред. Б. Томашевского и К. Халабаева, Гиз, М.-Л., 1927.

«Р. Ст.» — Русская Старина.

«Р. Арх.» — Русский Архив.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Иллюстрации 10, 14, 18, 19, 28 и обложки 2, 3 и 7 воспроизводятся в настоящем издании полностью впервые. В 1914 г. в «Невском Альманахе» была воспроизведена иллюстрация 22 и правая часть иллюстрации 19. Иллюстрации 17, 19, 22, 28 воспроизводятся по оригиналам, находящимся в Пушкинском Доме Академии Наук СССР, 9 по экземпляру Гос. Исторического Музея в Москве, 3 и 7 по экземплярам Гос. Публичной Библиотеки в Ленинграде.

Стр.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

«Последыши»

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

КОММЕНТАРИИ

Цена 4 р. 20 к.
Папка 50 коп

ВЫХОДЯТ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

«ACADEMIA»

МНИМАЯ ПОЭЗИЯ

МНИМАЯ
ПОЭЗИЯ

academia